ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ЖИВОПИСНОЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО АЗІИ,

СОСТАВЛЕННОЕ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ ЭЙРІÈ (EYRIÈS), И УКРАШЕННОЕ ГРАВЮРАМИ.

Переводъ Е. Корша.

Изданіе А. С. Ширяева.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 9 дня 1839 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АЗІИ.

ГЛАВА I.

СИБИРЬ.

Переѣздъ черезъ Уральскія горы. Видоизмѣненіе края. Екатеринбургъ. Заводы. Ирбитская ярмонка.

Къ западу Азія граничитъ отчасти Уральскимъ хребтомъ, который тянется на 2,500 верстъ съ сѣвера къ югу, отъ 44-го до 67-го градуса сѣверной широты. Высота этихъ горъ, сама по себѣ незначительная, навзглядъ теряетъ еще болѣе оттого, что путешественникъ, ѣдущій изъ Европы, подымается легкой, едва примѣтной отлогостью, и вдругъ достигаетъ равнины, гдѣ вправо и влѣво толщи второзданныхъ и первичныхъ скалъ убѣждаютъ его наконецъ, что онъ между горами. Подъ 56° 49′ видитъ онъ цѣпь низменныхъ холмовъ, которые не съ большимъ на 200 футовъ выше окрестности и только на 1600 футовъ выше океана. Здѣсь онъ стоитъ на грани водъ, текущихъ съ одной стороны въ Европу, съ другой

въ Азію; впрочемъ ни какой памятникъ не означаетъ здѣсь предѣла: это какъ бы символъ тѣсныхъ узъ, которыми сомкнуты двѣ части свѣта, обѣ покорныя одному владычеству, Русскому.

На пятнадцатой верстѣ отъ Киргишанска ямщики объявили намъ, что мы «пріѣхали въ Азію.» Наблюденіями надъ высотою рѣкъ мы убѣдились, что между Билимбаевскимъ чугуннымъ заводомъ и деревнею Рѣшотами (въ Пермской губерніи) проходитъ черта, пересѣкающая главный хребетъ Урала. Въ трехъ верстахъ за Билимбаевскимъ находится высшій пунктъ между Пермью и Екатеринбургомъ, то есть между Азіей и Европой въ этой параллели, и онъ только на 230 саженъ выше морскаго уровня.

Со стороны Европейской, покатости Урала обросли дубомъ, орѣшникомъ, вязомъ и другими деревьями; на Сибирской сторонѣ господствуютъ сосны, ели, Сибирскій кедръ, лиственница. Темная зелень хвойника ярко оттѣняется березою, широколистнымъ кленомъ, осиною, черешнею и множествомъ другихъ деревьевъ и кустовъ, которые не боятся зимъ продолжительныхъ.

По дорогѣ отъ Билимбаевска къ Рѣшотамъ показываются первые обломки Уральскаго гранита. По сторонамъ ея торчатъ горы, покрытыя до верху высокими соснами, и чѣмъ болѣе приближались мы къ Рѣшотамъ, тѣмъ громаднѣе выставлялись изъ лѣсу круглыя толщи гранита, поросшія зеленымъ мхомъ. Спустившись отсюда въ Екатеринбургскую равнину, мы увидѣли влѣво продолговатое Исетское озеро и на восточномъ его краю зданія Екатеринбурга.

31 Августа мы прибыли въ этотъ городъ, лежащій среди обширныхъ полей, на берегахъ Исети. Здѣсь нѣтъ ни одной значительной высоты, даже ни одной большой скалы, которая напоминала бы край гористый. Тѣмъ загадочнѣе минералогическое богатство Екатеринбурга, богатство изумительное, котораго слѣды явны вездѣ. Спросите, гдѣ достаютъ руду, которая клокочетъ на вѣчно дымящихся заводахъ и обработывается въ огромныхъ палатахъ монетнаго двора? Гдѣ берутъ страшные кабаны, которые лежатъ передъ шлифовальнями, и эти драгоцѣнные камни, которые толпа продавцевъ такъ усердно желаетъ вамъ сбыть? Спросите, откуда все это, и вамъ укажутъ на Уральскіе рудники, хранилища самыхъ разнообразныхъ произведеній природы. Здѣсь замѣтно чудное изъятіе изъ обыкновеннаго порядка вещей: не смотря на избытокъ сокровищъ подъ землею, неровности ея черепа маловажны даже въ отношеніи къ величинѣ тѣла человѣческаго.

Въ чистой, удобной гостинницѣ встрѣтились мы съ горнослужащими сѣверныхъ заводовъ, и съ купцами Тюменьскими и Тобольскими, которые возвращались съ Нижегородской ярмонки, обмѣнявъ товаръ свой, или ѣхали изъ дому на другую ярмонку въ Ирбитъ, отстоящій по прямой линіи на 160 верстъ отъ Екатеринбурга.

Ирбитская ярмонка была прежде настоящимъ средоточіемъ мѣховой и чайной торговли. Сибирскіе купцы привозили туда всю мягкую рухлядь, собранную у восточныхъ звѣролововъ, и весь товаръ, вымѣненный на Кяхтѣ, для сбыта купцамъ Европейской Рос-

сіи, которые, послѣ Макарьевской ярмонки, ежегодно посѣщали Ирбитъ. Въ ту же пору съѣзжалось туда множество Армянъ и Грековъ; они вымѣнивали мѣха за Англійскій товаръ, покупаемый въ Левантѣ. Тогда самыя тонкія Англійскія сукна обходились въ Сибири недорого. Но когда въ 1807 году былъ запрещенъ ввозъ Англійскихъ издѣлій, Армяне и Греки перестали стекаться въ Ирбитъ; ярмонка затихла, и торговцы Сибирскіе начали больше ѣздить въ Нижній, въ Екатеринбургъ и въ другія мѣста по большой Европейской дорогѣ, для сбыта товаровъ покупщикамъ, которые иногда сами отправляются въ ту сторону.

Торговыя дѣла, производимыя теперь въ Ирбитѣ, такія же, какъ и въ прочихъ Сибирскихъ городахъ, лежащихъ далѣе къ востоку. Окрестные жители приходятъ туда однажды въ годъ запастись необходимыми вещами, и платятъ или деньгами или звѣроловною добычею, которая впрочемъ не весьма значительна. Этотъ родъ мѣны, не столь выгодный здѣсь, какъ въ восточной Сибири, исключительно въ рукахъ здѣшнихъ купцевъ; но минеральныя произведенія Урала почти всѣ отправляются прямо на Нижегородскую ярмонку.

При въѣздѣ въ Екатеринбургъ, мужчины, женщины и дѣти навязываютъ вамъ драгоцѣнные и простые цвѣтные камни, шлифованные и рѣзные. Многіе изъ нихъ получили здѣсь мѣстныя названія; такъ напримѣръ топазы, которые отличаются отъ свѣтложелтыхъ Бразильскихъ и Нѣмецкихъ совершенною безцвѣтностью, извѣстны подъ именемъ тяжеловѣсовъ. Изъ числа горныхъ кристалловъ одинъ аметистъ назы-

вается по-Европейски, прочіе виды несправедливо слывутъ топазами.

Единственное зрѣлище представляютъ казенныя шлифовальныя фабрики на берегу Исети. Приготовляемыя здѣсь колонны, капители и вазы превосходятъ чистотою отдѣлки все, что древность оставила намъ въ этомъ родѣ самаго изящнаго, и не льзя надивиться хитрой простотѣ, съ какою механизмъ точильнаго станка примѣненъ къ обработкѣ огромныхъ массъ разноцвѣтнаго агата, яшмы, порфира.

Скромные деревянные домики Екатеринбургскихъ мастеровыхъ отличаются большою опрятностью. Эти люди всѣ почти вольные, и не смотря на избытокъ, строго соблюдаютъ старинную простоту въ одеждѣ и въ образѣ жизни. Между женскими лицами замѣтили мы много пригожихъ и правильныхъ.

Раскольники съ давнихъ поръ искали пріюта на Уралѣ. Здѣшніе мастеровые, равно какъ и многіе богатые купцы, принадлежатъ къ сектѣ старовѣрцевъ. Безпоповщина также имѣетъ многихъ послѣдователей и между прочимъ секту суслениковъ, объ которой идетъ весьма недобрая молва. Ихъ особенно обвиняютъ въ излишествахъ безбрачной любви, и расказываютъ, что каждый годъ, послѣ торжественной службы, вся община въ темнотѣ предается тѣмъ же нескромностямъ, какія приписываютъ нѣкоторымъ Индѣйскимъ племенамъ сѣверной Америки, или какимъ, по увѣренію Геродота, предавались въ южной Россіи Агаѳирсы.

Наружность города очень красива и пріятна, и не смотря на нѣкоторыя странности, напоминаетъ бога-

тые мануфактурные города Европейскаго запада. Великолѣпныя каменныя палаты многихъ здѣшнихъ купцевъ не испортили бы иной Европейской столицы, и внѣшняя красота жилищъ соотвѣтствуетъ ихъ внутренности и образу жизни хозяевъ. Надобно замѣтить, что изъ нихъ многіе еще несвободнаго состоянія и платятъ господамъ славный оброкъ; но по видимому это имъ не въ тягость.

Множество служащихъ по горной части и по другимъ отраслямъ управленія составляютъ прочую населенность Екатеринбурга. Они разнятся отъ коренныхъ жителей новизною мнѣній и обычаевъ, однакожъ довольно сблизились съ ними по долгомъ пребываніи въ той сторонѣ. Многія семейства горно-служащихъ водворились на Уралѣ за нѣсколько поколѣній и большая часть изъ нихъ родомъ Нѣмцы; но какъ въ послѣднее время мужчинъ съ малолѣтства отправляли учиться въ Петербургъ, въ нихъ изгладились почти всѣ слѣды природнаго ихъ быта.

Равнина около юговосточныхъ береговъ озера и около рѣки Исети усѣяна домами. На рѣкѣ построенъ красивый мостъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она перепружена плотиною для приведенія въ ходъ заводскихъ машинъ. На правомъ берегу Исети возвышается монетный дворъ, шлифовальныя фабрики, магазины для храненія рудъ и снарядовъ. Всѣ эти зданія, очень хорошо выстроенныя, окружаютъ квадратную рыночную площадь.

На противоположномъ берегу, который немного выше, тянется длинный рядъ деревянныхъ домовъ, за-

нимаемыхъ рабочими; кое гдѣ мелькаютъ каменные,— это домы служащихъ. Но городъ несравненно обширнѣе на правомъ берегу, гдѣ простираются широкія улицы съ каменными, многоярусными домами. Здѣсь примѣчателенъ еще большой гостиный дворъ и хлѣбные амбары. Богатый монастырь и нѣсколько каменныхъ церквей украшаютъ эту часть города.

Улицы всѣ по шнурку, и хотя не вымощены, однако жъ съ деревянными мостками по обѣимъ сторонамъ; главнѣйшая идетъ параллельно съ правымъ берегомъ Исети; другія пересѣкаютъ ее подъ прямымъ угломъ и оканчиваются береговыми крутизнами, которыя впрочемъ не болѣе четырехъ саженъ въ вышину и во многихъ мѣстахъ такъ отлоги, что дозволяютъ пользоваться необходимымъ доступомъ къ водѣ.

На сѣверозападной оконечности города видны остатки прежнихъ укрѣпленій, и тутъ же стояла прежде военная команда для надзора за ссыльными, которые, отдохнувъ послѣ дальняго пути, препровождаются отсюда или въ Уральскіе рудники, или на востокъ во внутренность Сибири.

Довольно рѣдкій еловый лѣсъ обнимаетъ городъ съ этой стороны и расчищенъ только по дорогѣ, идущей на сѣверъ. Въ верстѣ отсюда вверхъ по Исети достигаешь каменистыхъ береговъ озера. Въ срединѣ города находится садъ, открытый для публики. Здѣсь угрюмое однообразіе хвойнаго лѣса смѣняется густымъ и роскошнымъ листьемъ другихъ деревъ; аллеи обсажены высокою черемухой.

Вечеромъ, передъ отъѣздомъ изъ Екатеринбурга, мы успѣли побывать на балѣ, данномъ по случаю

дня возшествія на престолъ? Залы собранія и всѣ подробности соотвѣтствовали требованіямъ Европейскаго вкуса. Мелькали, правда, старушки съ платками на головахъ, но танцующія рѣшительно были одѣты по модѣ, и Французъ-танцмейстеръ, недавно поселившійся въ городѣ, могъ бы порадоваться отъ души успѣшности своихъ стараній.

ГЛАВА II.

Уральскіе заводы. Состояніе рабочихъ. Невьянскъ. Нижне-Тагильскъ. Мѣсторожденія желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ. Золото. Платина. Благодатскіе рудники и заводы.

Екатеринбургъ составляетъ предѣлъ между такъ называемыми сѣверными и южными заводами. 4 Сентября я пустился отсюда въ сѣверозападномъ или почти сѣверномъ направленіи и ѣхалъ вообще очень ровными мѣстами. Пригорки едва ли поднимались на сто футовъ выше города, который только въ 800 футахъ надъ океаномъ. Часто попадались мнѣ густые еловые лѣса. Несмотря на плодородіе почвы, земля остается невспаханною: поселяне довольствуются сѣнокосомъ и особенно жженіемъ уголья, которымъ снабжаютъ заводы. По рѣкамъ устроены покойные мосты. Чѣмъ далѣе подаешься на сѣверъ, тѣмъ болѣе видишь лиственницы. Дерево это всѣхъ лучше выдерживаетъ сырость и даетъ наиболѣе тепла; даже береза уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. При всемъ томъ на Уралѣ не топятъ лиственницею, потому что дымъ отъ нея слишкомъ ѣдокъ, и при каленіи желѣза для выдѣлки жести замѣчено, что она вредитъ чистотѣ металла; уголь ея также негоденъ, и потому она употребляется преимущественно на кирпичныхъ заводахъ и при постройкѣ судовъ и кораблей.

Вечеромъ пріѣхалъ я въ Невьянскъ, какъ говорятъ, древнѣйшій изъ Уральскихъ заводовъ. Онъ построенъ въ 1669 году на казенный счетъ, но Петромъ Великимъ уступленъ за свою цѣну извѣстному Тульскому кузнецу и заводчику Никитѣ Демидову, который далъ работамъ настоящій ходъ. Впрочемъ, по словамъ Г. Эрмана, въ Тагильскомъ архивѣ хранится указъ 1701 года, изъ котораго можно бъ было заключить, что Невьянскій заводъ основанъ не ранѣе этого времени. Послѣ Полтавской битвы работали здѣсь плѣнные Шведы. Внукъ Никиты Демидова, Прокопій Акинѳіевичъ, продалъ этотъ заводъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, и теперь владѣютъ имъ наслѣдники Яковлева.

Старинный господскій домъ убранъ въ Голландскомъ вкусѣ, какъ обыкновенно водилось при Петрѣ. Богатая мебель еще въ цѣлости, хотя и покрыта вѣковой пылью.

Перепруженная рѣчка Нейва облегчаетъ производство работъ. Руда добывается изъ близлежащаго крежа змѣевиковой породы, но отчасти привозится и изъ Магнитной горы, которая отсюда верстахъ въ пятидесяти. Въ Невьянскомъ округѣ уже нашли золото; вѣроятно откроется и платина.

Жителей до 10,000 душъ, почти все крѣпостныхъ. Они по большей части происходятъ отъ ссыльныхъ и приписаны къ заводамъ по распоряженію правительства. Рабочіе, кажется, весьма довольны своею долей, и не льзя не отдать справедливости заводчикамъ: они пекутся о благѣ подвластныхъ имъ людей. Прикащики, или смотрители, также человѣколюбивы.

Ежедневно въ четыре часа утра собираются передъ конторой всѣ рабочіе, немоложе двѣнадцати лѣтъ, и прикащикъ назначаетъ каждому урокъ на день. Работаютъ съ половины пятаго до одиннадцати, и потомъ съ полудня до семи часовъ вечера.

Плата рабочимъ незначительна, отъ 6 до 10 копеекъ въ день; но они получаютъ отъ заводчика паекъ, и сверхъ того все нужное для себя за самую сходную цѣну. Хотя этотъ народъ женится очень смолоду, браки по видимому не слишкомъ плодовиты: пятеро дѣтей рѣдкость большая. Старики, которые уже не въ силахъ работать и притомъ бездѣтны, также получаютъ необходимое содержаніе. По нѣскольку разъ въ годъ, при заводѣ, въ каменномъ гостиномъ дворѣ бываетъ рынокъ, гдѣ торговцы здѣшніе и пріѣзжіе продаютъ разный товаръ по цѣнѣ, назначаемой базарникомъ, котораго опредѣляетъ владѣлецъ завода.

Каждый изъ рабочихъ строитъ себѣ домъ, потому-что строевой матеріялъ беретъ изъ лѣсу даромъ; у каждаго свои лошади, коровы, а часто и мелкій скотъ. Сѣно для ихъ прокорма на зиму коситъ онъ безденежно на лугахъ заводскихъ. Въ сѣнокосъ другія работы обыкновенно прекращаются; всѣ рабочіе съ женами и дѣтьми расходятся по лѣсамъ, и нерѣдко проводятъ тамъ недѣль шесть въ балаганахъ. Опредѣленный срокъ — четыре недѣли, но остановки по случаю ненастья обыкновенно заставляютъ промѣшкать. Вообще сѣно предметомъ большихъ заботъ, потому что потребительницы его, лошади, существенная принадлежность заводовъ.

Часа въ четыре послѣ обѣда оставили мы Невьянскъ и ѣхали верстъ пятьдесятъ дремучимъ хвойнымъ лѣсомъ до Нижне-Тагильска. Малѣйшій признакъ обитаемости исчезаетъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ цвѣтущаго, многолюднаго завода; впрочемъ сбереженіе вѣковыхъ лѣсовъ необходимое условіе здѣшней промышленности. На половинѣ дороги въ первый разъ увидѣли мы Сибирскій кедръ, котораго совсѣмъ нѣтъ на южномъ Уралѣ. Здѣсь на высотѣ 800 футовъ съ изумленіемъ встрѣчаешь это дерево, которое въ Швейцарскихъ Альпахъ является только между 4,000 и 7,000 футовъ высоты. Отсюда до восточной покатости Урала нигдѣ не найдете его дикорастущимъ; но орѣшки его грызутъ во всей Россіи.

Въ глубинѣ лѣса повстрѣчали мы стадо овецъ, которое гналъ Русскій пастухъ верхомъ на лошади. У нихъ были толстые, плоскіе хвосты, голые на оконечности, крѣпкіе закрученные рога и длинныя висячія уши. Тотчасъ узнаешь, что онѣ происходятъ отъ извѣстныхъ Киргизскихъ овецъ съ курдюками; но особенности, отличающія эту породу, не долго сохраняются въ первобытной чистотѣ ни здѣсь, ни даже на южномъ Уралѣ, потому что овцы не находятъ тамъ сухихъ и горькихъ травъ, къ которымъ привыкли въ степяхъ Киргизскихъ.

Къ западу, прямо влѣво отъ дороги, замѣтно крутое возвышеніе. Горная порода часто показывается на видъ. Мѣсто Невьянскаго змѣевика заступаютъ до самаго Нижне-Тагильска роговая обманка и фельдшпатъ, сперва въ видѣ порфиристаго сіенита, потомъ

въ видѣ зеленаго камня и наконецъ въ видѣ зелено-каменнаго сланца.

Эта цѣпь холмовъ отдѣляла насъ отъ Тагиля, который течетъ къ сѣверозападу долиною по лѣвую сторону дороги. Далѣе удолъ расширяется, и видъ становится открытѣе на югозападъ; вы приближаетесь къ устью рѣчки Черной, текущей изъ горъ съ лѣвой стороны; противъ слитія ея съ Тагилемъ правый край долины перехваченъ широкою впадиной.

Мы еще болѣе изумились, чѣмъ въ Невьянскѣ, когда, выѣхавъ изъ безконечнаго Нижне-Тагильскаго лѣса, вдругъ увидѣли передъ собой жилья человѣческія. Весь заводъ занимаетъ около пяти квадратныхъ верстъ. Каменная церковь и господскій домъ стоятъ на низкомъ утесѣ, вокругъ заводскія зданія и жилые домы, расположенные широкими улицами.

Здѣсь добываются изъ рудъ мѣдь и желѣзо. Кромѣ этого завода въ Тагильскомъ округѣ, принадлежащемъ Гг. Демидовымъ, есть еще восемь другихъ, и всѣ они подъ управленіемъ здѣшней конторы. Тутъ, какъ и въ Невьянскѣ, руда передъ плавкою обжигается и для этого складывается кучами по 800,000 пудъ. На каждые 4,000 пудъ желѣзномагнитной руды употребляется кубическая сажень дровъ сосновыхъ. Отсюда выходитъ и полосное и листовое желѣзо, и металлъ такой отличной доброты, что листы приготовляются самые тонкіе, но не смотря на то крѣпки и упруги. Выдѣлка жести доведена до высокой степени совершенства. Производство листовой мѣди усилилось съ тѣхъ поръ особенно, какъ стали обшивать ею военныя суда.

Камни для выстилки горновъ, какъ на здѣшнихъ, такъ и на другихъ Сѣверно-Уральскихъ заводахъ, добываются съ Точильной горы, которая на 140 верстъ къ востоку отъ Тагильска. Эти огнеупорныя плиты состоятъ изъ чрезвычайно крѣпкаго зернистаго кварца.

Тагильскіе рабочіе съ давнихъ поръ занимаются весьма примѣчательною отраслью промышлености: они наводятъ на жесть прекрасную политуру, которая выдерживаетъ кипятокъ и вообще подходитъ къ Китайскому лаку. Вѣроятно, этимъ обязаны они сношеніямъ съ Китайцами. Рисунки, дѣлаемыя на жести, правильны и красивы. Для ободренія и развитія способностей въ здѣшнихъ самородныхъ художникахъ, заводчики посылали нѣкоторыхъ побойчѣе въ Европейскую Россію, даже въ Италію, и потомъ учредили подъ руководствомъ ихъ школу въ Тагильскѣ. Произведенія этихъ артистовъ, отправляемыя преимущественно на Нижегородскую ярмонку, заслуживаютъ вниманіе западной Европы и, по отдѣлкѣ и по содержанію рисунковъ, представляющихъ иногда виды Сибири, или черты людей, которые тамъ прославились.

Отошедъ съ версту къ востоку отъ завода, мы увидѣли массу скалъ, которая круто поднялась на триста футовъ выше пруда и идетъ гребнемъ версты на три къ сѣверу. Вотъ неисчерпаемый кладъ, откуда снабжаются Тагильскія и Невьянскія домны. Весь кряжъ состоитъ изъ богатѣйшей желѣзной руды. Обрывистый видъ ея съ запада дѣло рукъ человѣческихъ, которыя почали гору въ 1725 году. Внутрь ея

проникаютъ не глубже того, какъ могутъ дѣйствовать простые насосы, устроенные для выкачиванія воды изъ ямъ. Кряжъ становится такъ крѣпокъ къ востоку, что издержки работъ едва вознаграждаются, и потому нѣтъ выгоды производить ихъ съ этой стороны. Только съ 1812 года открыта въ смежной равнинѣ богатая мѣдная руда; прежде ее и не подозрѣвали. Здѣсь устроены правильныя шахты на 28 саженъ въ глубину, и огромное водотяжное колесо дѣйствуетъ насосами. Его хотѣли однако жъ замѣнить паровой машиной и быть-можетъ уже замѣнили.

Я наблюдалъ температуры воды на днѣ одной шахты въ 196 футахъ глубины, и вездѣ нашелъ ее $+3^{\circ}$, 90 по Реомюрову термометру. Теплота примѣтно усиливалась по мѣрѣ спуска, а на другой день дальнѣйшія наблюденія показали, что возрастаніе это было по одному градусу на каждые 118 футовъ, слѣдственно они вообще согласны съ тѣми, которыя дѣланы въ разныхъ мѣстахъ Европы и въ южной полосѣ Америки, и убѣждаютъ въ существованіи подземной теплоты независимо отъ надземной, или метеорической. Если обитатели Якутска собираютъ хлѣбъ съ почвы, оттаявшей только на аршинъ, по крайней мѣрѣ, можно сказать съ достовѣрностью, что замерзшіе слои и у нихъ простираются не глубже девяноста саженъ.

Въ Тагильскомъ округѣ добываютъ также золото и платину изъ розсыпей по ложбинамъ ручьевъ, впадающихъ въ Тагиль, особенно тамъ, гдѣ рѣчка Черная пересѣкаетъ его долину.

Существенное богатство владѣній Гг. Демидовыхъ составляютъ обширные лѣса, надолго обезпечивающіе

домнамъ нужное топливо. Какой огромный запасъ дровъ на заводскихъ земляхъ, которыхъ поверхность простирается до 11,500 верстъ квадратныхъ! По дорогѣ, которою мы ѣхали 4 сентября, лѣсъ Тагильскихъ заводовъ тянется на двѣнадцать верстъ къ сѣверу отъ Невьянска; тотъ, что на югъ отсюда, принадлежитъ къ заводамъ Гг. Яковлевыхъ.

Въ этихъ дремучихъ лѣсахъ водится много лосей, и они достигаютъ здѣсь значительной величины, потому что преслѣдуются не партіями промышленниковъ, а только отдѣльными охотниками. Лосьи рога, которые мы видѣли въ Тагильскѣ у любителей охотничьихъ рѣдкостей, были необычайнаго размѣра.

Въ Воскресенье, 7 сентября, работъ не было; улицы Тагильска оживились многочисленной нарядною толпой. Однако жъ, благодаря усердію нашихъ хозяевъ, лошади были готовы во-время, и нашъ маленькій караванъ могъ продолжать свой путь на сѣверъ. Мы пустились по широкой и ровной дорогѣ. Лѣса вырублены и земля воздѣлана вплоть до Лайи; но далѣе къ Кушвинскому казенному заводу опять густой боръ и бугры. Мѣстоположеніемъ этотъ заводъ пріятнѣе и живописнѣе всѣхъ, которые мы успѣли видѣть. Но и здѣсь вы отнюдь не ближе къ главному хребту Урала, потому что Кушва почти на одной чертѣ съ Нижне-Тагильскомъ и Невьянскомъ; свойство горныхъ породъ то же самое, только утесы выше, долины глубже. Здѣсь сливаются два ручья, запруженные плотиной, и образуютъ Кушву, одинъ изъ главныхъ истоковъ Туры. Заводъ стоитъ ниже пруда, на правомъ плоскомъ берегу его и на лѣвомъ холмистомъ.

Кушвинскій заводъ съ окрестными Верхне и Нижне-Туринскимъ, Баранчайскимъ и Серебрянскимъ называются общимъ именемъ Гороблагодатскихъ, отъ горы Благодати, доставляющей огромные запасы желѣзной руды.

На западномъ берегу Кушвы, влѣво отъ дороги, начинается горный кряжъ съ крутыми утесистыми скатами базальтной породы. Хвойный лѣсъ украшаетъ вершины и густѣетъ, тѣснится еще болѣе въ промежуткахъ горъ. Далѣе видна къ востоку гора Благодать съ двумя зубчатыми вершинами, совсѣмъ нагими. По ступенямъ, высѣченнымъ въ камнѣ, достигли мы западной вершины, которая пониже, и деревяннымъ мостомъ, висящимъ въ воздухѣ, прошли въ красивую каменную часовню, стоящую на плоскомъ тѣмени другой скалы.

Вогуличи, первобытные обитатели этого края, знали минеральное богатство горъ, хотя имъ и не пользовались. Въ 1730 году, одинъ изъ нихъ, Степанъ Чумпинъ, открылъ Екатеринбургскому горному вѣдомству существованіе желѣзистой горы въ окрестностяхъ Кушвы. Русскіе рудопромышленики тотчасъ стеклись туда толпою. Нашествія ихъ такъ не полюбились Вогуличамъ, что они схватили Чумпина и сожгли его на вершинѣ Благодати. Въ 1826 году ему поставили здѣсь чугунный памятникъ и выстроили часовню, куда изъ Кушвинскаго завода ежегодно бываетъ крестный ходъ, и въ тоже время творится память по усопшемъ.

Къ югу и югозападу отъ насъ, футовъ на двѣсти ниже Благодати, тянулась цѣпь невысокихъ скалъ,

которыя давали отъ себя на солнцѣ металлическій отблескъ. Они покрыты каменоломными ямами и по сю пору заняты горнорабочимъ народомъ. По ихъ шероховатой поверхности проложены деревянныя колеи для облегченія возки тѣлежекъ съ рудою.

Къ сѣверозападу на большомъ разстояніи виднѣлась гора Качканаръ (Кесканаръ у Палласа), которая гораздо выше Благодатской. Благодать на 450 футовъ выше Кушвинской равнины, то есть на 1350 футовъ выше морской поверхности, а по наблюденіямъ Г. Эрмана, высота Качканара слишкомъ вдвое. Вершина его также обнажена. Мы были окружены магнитомъ, и стрѣлка компаса подвергалась самымъ неправильнымъ уклоненіямъ.

Кушвинскій заводъ представляетъ вообще туже картину, что Невьянскъ и Тагильскъ, только руда, добываемая изъ Благодати, гораздо металлоноснѣе. Ядра, гранаты и бомбы отливаются здѣсь съ удивительной точностью въ размѣрахъ. Въ Благодатскомъ округѣ, по обѣимъ сторонамъ Туры, найдены платина и золото. Новѣйшіе поиски доказали, что послѣдній изъ этихъ металловъ простирается здѣсь такъ же обильно на западъ, какъ и на востокъ отъ Урала, и замѣчательно, что въ цѣльныхъ кварцевыхъ пластахъ содержаніе золота не только менѣе, чѣмъ въ обломочныхъ, но что оно притомъ и совсѣмъ другаго свойства: въ первомъ случаѣ попадается оно кристалловатыми листочками, въ послѣднемъ зернышками.

ГЛАВА III.

Верхотурье. Богословскъ. Каторжные. Вогуличи. Черноисточинские заводы. Березовъ. Прибытіе ссыльныхъ въ Екатеринбургъ.

10 Сентября мы пустились по хорошей дорогѣ, параллельной съ правымъ берегомъ Кушвы. На ней, верстахъ въ девяти отсюда, лежитъ Верхне-Туринскій чугунный заводъ, у слитія Кушвы съ Турою. Въ тридцати верстахъ далѣе увидѣли мы заводъ Нижне-Туринскій къ сѣверозападу отъ запруды. На противоположномъ берегу угрюмо возвышается утесистая гора Шайтанъ, или по-Русски Чортова.

Дорога отъ Нижне-Туринскаго завода до Верхотурья, на разстояніи 76 верстъ, не отходитъ отъ Туры, которая сперва течетъ къ сѣверовостоку, потомъ круто поворачиваетъ на востокъ. Хвойные лѣса часто перемежаются большими березами. Травы обильны, и сѣна убираютъ много. Грунтъ становится все ровнѣе почти вплоть до Верхотурья, гдѣ выѣздъ изъ лѣсу. Однако-жъ здѣсь намъ суждено было увидѣть опять настоящій гранитный кряжъ Урала. Странно, но тѣмъ не менѣе справедливо, что низменная равнина Туры состоитъ изъ гранитныхъ пластовъ. Ни въ одномъ горномъ хребтѣ такая ровная и плоская мѣстность не соединена съ явленіемъ гра-

*

нитной породы, которая обнаруживается здѣсь голыми, крупнозернистыми утесами, придающими долинѣ странный, часто очень живописный видъ.

Ключъ, текущій изъ подошвы гранитныхъ стѣнъ Верхотурской долины, слишкомъ двумя градусами холоднѣе ручьевъ на вершинѣ горы Брокена въ Германіи, и однако жъ какая разница между тамошней недорослою сосной и между роскошнымъ кустарникомъ и великолѣпнымъ хвойнымъ лѣсомъ, который здѣсь видимъ! Тамъ, на высотѣ 2,600 футовъ, зимою никогда не бываетъ такихъ сильныхъ морозовъ, какъ въ Верхотурьѣ, зато вліяніе этой неблагопріятной поры щедро вознаграждается разностью здѣшней ясной и сухой погоды лѣтомъ и осенью съ вѣчно-холодными туманами Брокенской вершины. Ячмень и овесъ хорошо родятся въ окрестностяхъ города, и жители всегда занимались обработкою земли.

Верхотурье одно изъ древнѣйшихъ Русскихъ поселеній за Ураломъ. Городъ доселѣ окруженъ укрѣпленіями, сдѣланными въ самомъ началѣ семнадцатаго вѣка для защиты отъ Вогуловъ. Первозданный въ Сибири Николаевскій монастырь и шесть церквей, придаютъ ему еще болѣе важности. Въ 1600 году построили здѣсь большой гостиный дворъ и учредили таможню; до начала минувшаго столѣтія проходилъ здѣсь торговый путь между Европой и Азіею; съ перемѣною этого важнаго обстоятельства купеческія дѣла упали и ограничиваются удовлетвореніемъ однѣхъ мѣстныхъ потребностей.

Продолжая путь къ сѣверу 12 сентября, мы ѣхали совершенною равниной. Безсонова, ничтожная дере-

вушка изъ трехъ бѣдныхъ избъ, стоитъ на берегу Ляли. Здѣсь переправа и потомъ выѣздъ на старую дорогу, которая, простираясь вдоль берега Ляли на западъ, ведетъ прямо къ Уральскому хребту. Глядя на пустынность здѣшнихъ мѣстъ, съ трудомъ вѣришь, чтобы это была нѣкогда знаменитая дорога; впрочемъ и въ Европейской Россіи случается ѣхать между двухъ большихъ городовъ и на пятидесяти верстахъ не встрѣтить ни одного жилья, кромѣ станцій.

На лѣвомъ берегу Ляли мы видѣли еще поля ячменю; это самый сѣверный край земледѣлія подъ Екатеринбургскимъ меридіаномъ. Гранита нѣтъ и слѣдовъ; берега рѣки, которыя не болѣе трехъ саженъ въ вышину, состоятъ изъ зеленокаменнаго сланца и довольно толстаго слоя торфа.

Чрезвычайно круты и живописны утесы, окраяющіе долину рѣки Лобвы, такъ что трудно было найдти мѣсто для проложенія довольно отлогой дороги по плитамъ базальтистаго сланца. Почти безпрерывно видѣли мы прекрасные хвойные лѣса съ примѣсью березника. Жители Лобвинскаго зимовья на лѣвомъ берегу рѣки помогали нашимъ ямщикамъ при переправѣ. Отсюда къ сѣверу часто встрѣчаются такъ называемыя *зимовья*, — маленькія селенія, иногда о двухъ, трехъ дворахъ, бывшія прежде единственнымъ пристанищемъ новопришельцевъ изъ Россіи.

Въ вечеру мы очень поздно пріѣхали въ Богословскъ, самый сѣверный изъ Уральскихъ заводовъ. Къ югу и западу грунтъ ровенъ, къ востоку и сѣверу онъ поднимается исподоволь; въ дали на сѣверо-

западѣ виденъ Каньяковскій камень, синеватая и лѣсистая гора главнаго хребта.

Проѣхавъ версты три густымъ сосновымъ и лиственничнымъ лѣсомъ, мы поднялись на широкій хребетъ нагихъ холмовъ, которые футовъ во сто вышиною. Здѣсь господствующая порода известь, и изъ нея-то добывается самородная мѣдь и мѣдная руда въ окисленномъ состояніи. На западномъ краю этихъ холмовъ, въ глубинѣ Фроловскихъ рудокопень, лежитъ замѣчательный слой темнокоричневаго гранита, или венисы, въ 70-ть футовъ толщины.

Здѣшніе заводы, вмѣстѣ съ Николае-Павдинскимъ и Петропавловскимъ, отъ дѣтей основателя ихъ, Походяшина, перешли въ казенное владѣніе, и съ тѣхъ поръ приведены въ лучшее устройство. Въ 1823 году открыты здѣсь золотыя розсыпи, которыя давали сперва очень мало металла, но въ 1830 году количество его возрасло до 57 пудовъ.

Рабочіе въ Богословскѣ не тамошніе урожденцы, какъ вообще водится на Уральскихъ заводахъ, а по большей части люди, недавно сосланные изъ Европы. Мы были у нихъ въ казармахъ. Только тѣ, которые совершили смертоубійство или другое важное преступленіе, находятся подъ строгимъ присмотромъ; прочіе почти всѣ бродяги, и нѣкоторые изъ нихъ при насъ еще упорно стояли въ томъ, что не запомнятъ своей родины.

Если посредствомъ браковъ и семейныхъ узъ удастся, какъ въ восточной Сибири, возвратить обществу этихъ людей преступныхъ, но промышленыхъ, обработка здѣшняго края вѣроятно пойдетъ успѣшнѣе.

Теперь, говорять, ни какой хлѣбъ не родится въ Богословскѣ; не растетъ тамъ даже капуста и рѣпа, хотя эти два овоща водятся въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ сѣверовосточной Азіи около всякаго Русскаго жилья. Можетъ быть, при большемъ раченіи они здѣсь примутся. Однако жъ тѣмъ не менѣе справедливо, что по скудости лѣтней теплоты, Богословскъ уступаетъ преимущество мѣстамъ, лежащимъ отъ него къ сѣверу и востоку, не смотря на то, что средняя температура его выше тамошней. Такъ напримѣръ въ Березовѣ и Якутскѣ, гдѣ вообще гораздо холоднѣе, занимаются еще земледѣліемъ, а здѣсь нѣтъ.

Въ Богословскѣ мы приблизились наконецъ къ Вогуламъ, которые въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ постепенно удалялись по мѣрѣ распространенія Рус скихъ къ сѣверу. Но сообщеніе съ ними свободно только зимою, когда замерзнутъ болота и ручьи; мы должны были удовольствоваться однимъ Вогуличемъ, который пріѣхалъ сюда на время.

Хотя онъ былъ одѣтъ какъ Русскій мужикъ, мы тотчасъ узнали, что онъ другой породы. Взглядъ у него былъ мрачный, глаза впалы, скулы высунувшіяся. Онъ былъ средняго роста, здоровъ и силенъ. На вопросы касательно нравовъ и обычаевъ его земляковъ отвѣчалъ дурнымъ Русскимъ языкомъ и съ неудовольствіемъ. Онъ упорно утверждалъ, что нынѣшніе Вогулы ничего не знаютъ о вѣрѣ своихъ предковъ, и какъ бы опасаясь, чтобъ не вздумали обращать его, онъ увѣрялъ, что у него вышли изъ памяти даже всѣ раскazы объ этомъ.

Вогулы народъ кочевой и, кажется, только одно желаніе поберегать дичь заставляетъ ихъ переходить рѣже, чѣмъ многія другія племена Восточной Сибири. Ихъ временныя селенія состоятъ изъ пяти юртъ, не болѣе; и такъ какъ дымъ человѣческихъ жилищъ обыкновенно тревожитъ дикихъ животныхъ, Вогулы располагаютъ свои становья не ближе, какъ верстахъ въ пятнадцати одно отъ другаго. Олени ихъ домашній скотъ; они даже лѣтомъ впрягаютъ ихъ въ легкія сани для переѣзда гладкихъ топей. Зима у нихъ почти исключительная пора работъ, поѣздокъ и сходокъ. Тутъ занимаются они весьма прибыльной охотою, и добытымъ мѣхомъ производятъ дѣятельную мѣну съ Самоѣдами, Остяками, Русскими. Для этого каждый годъ въ Февралѣ ѣздятъ они въ Обдорскъ, куда являются къ тому времени Самоѣды Европейскіе, Обскіе и Карскіе, иногда верстъ изъ-за семисотъ. Въ лѣтніе мѣсяцы Вогулы ничего не дѣлаютъ; охраняясь дымомъ отъ мухъ и комаровъ, они почти вовсе не выходятъ изъ хижинъ и, какъ будто погруженные въ періодическій сонъ, только потребляютъ плоды зимней охоты. До введенія у нихъ христіанства, они ѣли безъ разбора мясо всякихъ животныхъ, и запасъ, приготовляемый на лѣто, былъ обиленъ до излишества. Но теперь, по словамъ священниковъ, они ограничиваются оленями и лосями. Кромѣ Русскаго сукна, они употребляютъ на лѣтнюю одежду ткань изъ крапивныхъ волоконъ, которую дѣлаютъ сами.

Они называютъ себя Манси, или Манчъ-Кумъ; и то и другое значитъ люди. По языку, принадлежатъ они къ семьѣ Уральскихъ, или Финнскихъ народовъ, прости-

рающейся по сѣверу Европы и Азіи. Замѣчательно, что по-Вогульски и по-Остяцки Богъ называется древнимъ Исландскимъ именемъ Торъ, или Торумъ.

Любопытно наблюдать разницу между простымъ и патріархальнымъ образомъ жизни первобытныхъ обитателей и нравами Русскихъ поселенцевъ. Не смотря на скудныя средства этого уголка, послѣдніе употребляютъ всѣ усилія для доставленія себѣ удовольствій Европейскихъ. На одномъ блестящемъ балѣ въ Богословскѣ можно было совсѣмъ забыть, что находишься въ такой глуши: и танцы, и музыка, въ которой участвовали дарованія ссыльныхъ рудокоповъ, вполнѣ напоминали метрополію.

Возвращаясь 16 сентября въ Верхотурье, я нашелъ большую перемѣну въ зелени: верхушки березъ успѣли сдѣлаться огнекрасными, и свѣжій утренній вѣтеръ сносилъ наземь цѣлыя тучи блеклыхъ листьевъ. Въ Европѣ, подъ 60° сѣверной широты и при гораздо высшей средней температурѣ, едва повѣрятъ, чтобъ это явленіе наступало въ Богословскѣ только двадцатью днями позже Берлинскаго. Береза настоящее Русское дерево; рѣзкія измѣненія температуры ему въ пользу, и быстрое возвышеніе лѣтнихъ жаровъ придаетъ особенную растительность. Въ Камчаткѣ, гдѣ средняя температура ровнѣе и болѣе подходитъ къ Европейской, береза облетаетъ гораздо ранѣе.

Утромъ было очень свѣжо, и Лáтинскіе крестьяне натопили у себя до двадцати градусовъ; между тѣмъ въ Безсоновой только начинали снимать рожь. Ночью въ полѣ было очень холодно, а 17 около полудня на красивыхъ берегахъ Нижне-Туринскаго пруда мож-

но было забыть скорое приближенiе суровой осени. Но и тамъ, равно какъ далѣе къ югу до Кушвы, березовый листъ весь пожелтѣлъ. Къ вечеру стало пасмурно, а все не теплѣе; въ ночи термометръ упалъ ниже нуля.

Въ Кушвѣ встрѣтили насъ какъ старыхъ знакомцевъ, и большую часть ночи мы провели на праздникѣ, гдѣ между прочимъ были гости изъ Перми за 300 верстъ. Тутъ природное Русское веселье не стѣснялось городской чинностью, шелъ пиръ горой; танцы, пляски и пѣсни смѣшивались или смѣняли другъ друга быстрой чередою.

На другой день мы отправились на Черноисточинскiй заводъ, гдѣ дѣлаютъ отличное полосовое желѣзо, извѣстное въ Англiи подъ именемъ стараго соболя (old sobol iron), потому что съ давнихъ поръ клеймомъ ему служитъ соболь. По обѣимъ сторонамъ рѣчки Черной возвышаются громадныя плиты зелено-каменнаго сланца при тальковомъ кряжѣ. Изъ обломковъ этого камня добывается платина въ зернахъ промывкою.

22 Сентября мы воротились въ Екатеринбургъ, и по краткомъ отдохновенiи, отправились на 15 верстъ къ сѣверовостоку осмотрѣть Березовскiе золотые рудники. Почти на половинѣ дороги лежитъ богатое село Шарташъ, которое тянется версты на три по берегу свѣтлаго озера. Говорятъ, что жители его были прежде самые ловкiе воры; проѣзжiе купцы особенно испытывали на себѣ ихъ удальство, а виноватыхъ какъ не бывало. Для прекращенiя безпорядковъ правительство возложило на весь сельскiй мiръ отвѣтственность за каждаго изъ его членовъ. Эта

мѣра удалась вполнѣ: о грабительствѣ ничего не слышно; жители занимаются садоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Одинъ изъ здѣшнихъ поселянъ, Дороѳей Марковъ, въ 1747 году нашелъ близь рѣчки Березовки самородное золото, и только съ тѣхъ поръ началось добываніе этого металла въ Россіи.

Породу вывѣтреннаго бѣлаго гнейса, изъ которой преимущественно получается золото, прозвали здѣсь березитомъ. Въ Березовской долинѣ она замѣчательнымъ образомъ перемежается съ зеленокаменнымъ сланцемъ, и руда особенно богата въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ породы этѣ взаимно проникли другъ друга.

Главная промывка рудъ въ Пышминскѣ, верстахъ въ шести отъ Березова. Иногда для очистки золота употребляютъ амальгамацію, но промывочный способъ доселѣ пользовался преимуществомъ. Руду въ длинныхъ корытахъ толкутъ чугунными пестами намелко, то есть, превращаютъ ее въ шлихъ; передъ корытомъ, уступами внизъ расположены немного наклоненные вашгерды, или промывальные ящики, по которымъ вода течетъ изъ трубъ тонкимъ, ровнымъ слоемъ; легчайшія части шлиховъ смываются, а золото остается въ видѣ зернышекъ.

Для безостановочнаго продолженія работъ зимою, здѣсь необходимы особыя предосторожности. Въ деревянномъ зданіи, нагрѣтомъ и освѣщенномъ каминами, проведенъ между двухъ печей боровъ, съ трубою посрединѣ, для отогрѣванія замерзшей руды и шлиховъ, которые здѣсь раскладываютъ. Въ сильные зимніе холода рабочая настыла бы отъ однѣхъ дверей до точки замерзанія; поэтому руда спускается сквозь

подъемную дверь, сдѣланную въ плотной досчатой кровлѣ.

Въ обыкновенный годъ Березовскіе рудники даютъ до 23 пудъ золота, изъ которыхъ обработкою въ Екатеринбургѣ получается пудовъ двадцать чистаго металла, пуда два серебра и около пуда мѣди. Добычу эту оцѣниваютъ въ 1,200,000 рублей, и за вычетомъ издержекъ, остается въ приходѣ 850,000 слишкомъ.

Возвращаясь вечеромъ въ Екатеринбургъ, мы видѣли на поляхъ Шарташскихъ, какъ дикіе гуси собираются на зиму въ отлетъ; многочисленнѣйшія стаи уже пустились къ юговостоку. Въ людскомъ быту приближеніе зимы ознаменовалось сборищами другаго рода: въ Березовѣ и окрестныхъ деревняхъ у простыхъ дѣвушекъ начались посидѣлки. Когда темнота прерветъ работы, мужчины отдыхаютъ въ жарконатопленныхъ избахъ. Они обыкновенно лежатъ весь вечеръ на полатяхъ, и встаютъ только нехотя, когда надобно дать лошадей проѣзжимъ. Дѣвки собираются между тѣмъ въ одну изъ сосѣднихъ избъ, гдѣ попросторнѣе, работаютъ вмѣстѣ и потѣшаются. Исключительно забавамъ посвящены такъ называемыя вечеринки.

На Екатеринбургскихъ улицахъ часто встрѣчаются толпы ссыльныхъ; говорятъ, ежегодно приводятъ ихъ до 5,000 человѣкъ. Женщины ѣдутъ въ повозкахъ, мужчины идутъ за ними попарно. Хотя здѣшніе жители совершенно привыкли къ этому зрѣлищу, они однако жъ всегда оказываютъ несчастнымъ дѣятельное участіе; часто подзываютъ ихъ къ воротамъ и даютъ милостыню. Ихъ провожаютъ нѣсколько Уральскихъ казаковъ и отрядъ Башкирской дружины.

ГЛАВА IV.

Тюмень. Тобольскъ. Иртышъ. Предосторожности на зиму. Толкучій рынокъ. Промыслъ. Верхній городъ.

1 Октября выѣхали мы изъ Екатеринбурга и отправились на Тобольскъ. Земля безлѣсна и въ окрестностяхъ деревень хорошо воздѣлана. Въ сырыхъ мѣстахъ проглядываютъ частыя березовыя рощи. На берету Пышмы, въ 120 верстахъ отъ Тобольска, нѣтъ уже ни малѣйшаго слѣда Уральскихъ каменныхъ породъ. Иловатый грунтъ праваго берега весьма удобенъ къ земледѣлію и питаетъ жителей городка Камышлова, который неподалеку отъ переправы. До Тюменя ѣхали мы слишкомъ сто верстъ плодоносною равниной, усѣянной нивами.

Крутоярая рѣчка Тюменка разсѣкаетъ городъ надвое и впадаетъ въ Туру. Берега ея соединены пловучимъ мосткомъ. Это была суббота, и городской рынокъ представлялъ самое оживленное зрѣлище. Продавцы и покупщики по большей части жители окрестныхъ деверень, и изъ нихъ вѣрно двѣ трети Татаровъ. Въ числѣ товаровъ первенствовали деревянныя издѣлія: тѣлеги, посуда, лопаты, рогожи, веревки изъ мочалъ. Липа, доставляющая лыко и мочалы, здѣсь еще водится, но по недостатку этого дерева, въ Сибири и простой народъ ходитъ въ сапогахъ, а не въ лаптяхъ.

Рыбный торгъ на берегу Туры былъ очень обиленъ, особенно нельмою, принадлежащей къ роду лососей. Татары навезли также много мѣховъ. Все въ Тюменѣ показываетъ довольство и достатокъ.

Татары и теперь еще именуютъ его Чингисторою, то есть, Чингисовымъ городомъ, какъ назывался онъ прежде, когда подручники этого завоевателя княжили на плодоносныхъ берегахъ Туры.

Лѣвымъ, низменнымъ берегомъ рѣки ѣхали мы верстъ сто отъ Тюменя до деревни Южаковой. Лѣса вездѣ разчищены, и на открытыхъ мѣстахъ около деревень видны слѣды сохи, которая съ давнихъ поръ ходитъ по здѣшнимъ полямъ. Большая часть жителей потомки первоначальныхъ выходцевъ изъ Россіи, и часто называютъ себя старожилами въ отношеніи къ новымъ поселенцамъ. Дорогою мы видѣли множество дикихъ лебедей и гусей, которые покидаютъ теперь низовья Туры, и позднюю осень проводятъ въ южной части Тобольской губерніи. Они обыкновенно улетаютъ на зиму къ Аралу и Каспію, а осенью и весною, во время перелета, живутъ нѣсколько времени на озерахъ промежуточныхъ степей.

Въ Южаковѣ, гдѣ пришлось намъ ночевать, попали мы на вечеринку къ раскольникамъ и сначала безъ всякаго умысла надѣлали много тревоги своимъ табакомъ. Къ счатію все кончилось миролюбивыми объясненіями и водкою. Дѣвушки тѣснились на лавкахъ по стѣнамъ, сѣдыя бороды торчали съ полатей. Хороводныя игры, представляющія драму въ первобытномъ, младенческомъ ея состояніи, смѣняли одна другую. Дѣйствующихъ лицъ обыкновенно два; хоръ своими сужденія-

ми и обращеніями то къ нимъ, то къ «добрымъ людямъ» живо напоминаетъ значеніе, какое имѣлъ онъ въ древности. Мы думаемъ не шутя, что началомъ драмы были хороводы, и пусть Южаковскія дѣвушки примутъ па себя отвѣтственность за эту гипотезу.

Далѣе ѣхали мы на сѣверъ долиною Тобола. Деревни населены Татарами, которые содержатъ и почтовыхъ лошадей. Мѣстоположеніе ровное, дорога хороша; но, говорятъ, лѣтомъ здѣсь очень грязно. Безлѣсная пахотная земля окружала насъ до деревни Карачины, въ 26 верстахъ отъ Тобольска; тутъ пойдетъ еловый и сосновый лѣсъ, далѣе видъ становится открытѣе; къ сѣверу и сѣверовостоку тянутся крутые холмы и на нихъ длинный рядъ высокихъ, бѣлыхъ зданій, многоглавыхъ церквей и монастырей. Это Тобольскъ полукружіемъ возвышается надъ равниной. Иртышъ, доселѣ текшій къ западу, принимаетъ Тоболъ и круто повертываетъ на сѣверъ.

Еще не успѣли мы переправиться на лѣвый берегъ самаго широкаго и южнаго рукава Иртыша, какъ замѣтили на стволахъ прекрасныхъ ивъ слѣды его весенняго разлива. Насъ перевозилъ паромъ. Темножелтая вода быстрой рѣки оставляла бѣлую пѣну на берегу и на ребрахъ парома. Несмотря на ненастье, Иртышъ казался прекраснѣйшею изъ рѣкъ, какія мы видѣли. Теченіе его было видно отъ переправы до устья Тобола, далѣе къ сѣверу оно обозначалось мачтами, торчащими изъ-за береговъ.

По бревенчатой дорогѣ подымаетесь вы немного до первыхъ домовъ Нижняго города, и видите по ту сторону широкой береговой плоскости другой подъ-

смъ у Чувашинскаго мыса, который ведетъ къ верхнимъ улицамъ (Л. I — 1). При въѣздѣ въ городъ встрѣтила насъ страшная мятель.

О гостиницахъ въ Тобольскѣ нѣтъ и рѣчи; пріѣзжій или пользуется правомъ стараго гостепріимства, или пріискиваетъ себѣ новаго хозяина, иногда чрезъ посредство полицеймейстера, которому извѣстны свободныя жилья. Въ обоихъ случаяхъ онъ гоститъ, а не нанимаетъ, потому что и самобѣднѣйшій изъ Русскихъ хозяевъ, какъ бы ни ожидалъ подарка, совѣстится спросить за постой.

Уже повернувъ на сѣверъ, Иртышъ пускаетъ отъ себя нѣсколько рукавовъ, и одинъ изъ нихъ такъ глубокъ, что устье его служитъ пристанью. Черезъ него, въ срединѣ нижняго города, сдѣланъ мостъ, который ведетъ къ подъему у Чувашинскаго мыса; далѣе къ востоку этотъ рукавъ теряется въ болотистыхъ луговинахъ.

Гостиный дворъ съ обширными принадлежностями стоитъ посреди рынка, окруженнаго домами нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, близъ лѣваго берега пристани, между сею и главнымъ русломъ Иртыша. И по ту сторону, между правымъ берегомъ и холмами, есть нѣсколько деревянныхъ строеній; это кожевенные и другіе заводы, для которыхъ нужна близость воды. Къ югу, вверхъ по рѣкѣ, сосѣдствомъ ея воспользовались важнѣйшія общественныя зданія и между ими ряды деревянныхъ домовъ, гдѣ живутъ судовщики, рыболовы и рыбники, тогда какъ въ срединѣ города едва предполагаешь близость воды. Вдоль рѣки видите почтовыя зданія, которыхъ величина соотвѣтствуетъ об-

ширному кругу дѣйствій этой части. Потомъ за деревяннымъ строеніемъ слѣдуютъ стѣны выгорѣвшаго монастыря, гдѣ отдѣлано теперь помѣщеніе для больницы и богадѣльни. Далѣе домъ Генералъ-Губернатора Западной Сибири, котораго величавые фасады напоминаютъ изящную простоту новѣйшихъ зданій въ Европейской Россіи. Длинный рядъ чугунныхъ пушекъ, содержимыхъ въ исправности, обращенъ къ югу на рыночную площадь и, къ счастію, доселѣ стоялъ только для красы.

На востокъ, широкія улицы съ мостками ведутъ прямо отъ Иртыша и пересѣкаются тремя другими улицами, которыя съ ними параллельны. Каменныя церкви и часовни стоятъ на перекресткахъ, гдѣ четыреугольныя площади служатъ мѣстомъ для довольно важныхъ торговъ. Тутъ видны только деревянные домы, но жилые покои хозяевъ даже и снаружи рѣзко отличаются отъ принадлежностей, которыя всегда составляютъ массу строеній на одномъ и томъ же дворѣ. Ближайшее знакомство съ Тобольскими жителями показало намъ впослѣдствіи, что обширность и особое расположеніе здѣшнихъ дворовъ составляютъ существенную черту мѣстной жизни. Хотя ни у кого нѣтъ крѣпостныхъ; однако жъ всякой можетъ набрать себѣ дворню изъ вольнонаемныхъ, которымъ въ худую пору трудно содержать себя, если не пойдутъ въ услуженіе. Одинокіе люди изъ Русскихъ ссыльныхъ или забѣглыхъ Киргизовъ пристаютъ такимъ образомъ къ здѣшнимъ семействамъ, женятся и охотно остаются при нихъ навсегда.

Отрадно видѣть, какъ хорошо здѣсь все придумано для продолжительной борьбы съ зимней непогодой, какъ всякій, окруживъ себя богатымъ запасомъ и сидя въ теплѣ, кажется только того и ждетъ, чтобъ снѣгъ рѣзче обозначилъ предѣлы внѣшняго холода и чтобъ выюги, изнемогая передъ плотными стѣнами дома, дали насладиться вполнѣ чудной противоположностью тишины, царствующей внутри жилья, и тревоги, бунтующей снаружи.

Около гостинаго двора бѣдный народъ продаетъ подъ открытымъ небомъ разные товары. Это настоящій толкучій рынокъ. Тутъ найдете дешевое платье, мѣховые нагрудники и ошейники, которыхъ много покупаютъ даже крестьяне, бѣлые заячьи и песцовые мѣха, которыми простыя женщины подбиваютъ и оторачиваютъ свои свѣтлосинія китайчатыя тѣлогрѣйки и душегрѣйки. Даже казаки и старые солдаты занимаются этимъ торгомъ. Дешевле чѣмъ въ гостиномъ дворѣ купите здѣсь оленьи шкуры, и платья, сшитыя изъ нихъ по Остяцкому образцу, лебяжій пухъ и разные другіе товары.

Въ самомъ гостиномъ дворѣ поразитъ васъ смѣсь Китайскихъ мануфактурныхъ издѣлій съ Европейскими. Китайка, дабу, фанза и канфа продаются наравнѣ съ другими тканями. Кромѣ того вы найдете здѣсь Яркендскіе товары, которые называются такъ отъ Яркенда, главнаго города малой Бухаріи, и отличаются прочностью и дешевизною противъ Кяхтинскихъ. Это по большей части бумажныя и бумажно-шелковыя ткани, кушаки и тому подобныя вещи, которыя здѣсь въ большомъ употребленіи.

Въ Тобольскѣ, названіе промыселъ получаетъ уже свое Сибирское значеніе. Кромѣ хлѣбопашества, всякій способъ пріобрѣтенія называется здѣсь промысломъ, но преимущественно охота, рыбная ловля, добываніе минераловъ и мѣна съ инородцами, то есть первобытными обитателями края.

Охота за дичью въ окрестностяхъ города даетъ такую богатую добычу, что рябчики и степные рябики (tetrao bonasia) составляютъ осенью одно изъ самыхъ обыкновенныхъ блюдъ. Зимою мѣсто ихъ заступаютъ куропатки, которыхъ впрочемъ привозятъ и во весь годъ изъ сѣверныхъ Остяцкихъ округовъ.

Лебяжье мясо ѣдятъ въ Тобольскѣ, по большей части, соленое, и оттого оно не въ большой чести. Его получаютъ преимущественно отъ Русскихъ поселенцевъ на Иртышѣ и Оби, которые въ осеннее время растягиваютъ параллельно съ рѣкою тенета въ просѣкахъ лѣсистыхъ береговъ, и плывя по рѣкѣ въ туманную погоду, загоняютъ въ сѣти стаи лебедей и другихъ водяныхъ птицъ. Въ ямахъ, нарытыхъ вдоль берега, складываютъ они огромные запасы этой дичи, и не смотря на то что она нѣсколько испортится, употребляютъ ее въ случаѣ нужды. Нѣкоторые солятъ вкусное мясо и развозятъ его въ отдаленные города на продажу.

Изъ предметовъ, доставляемыхъ южно-Азійской торговлею, иные сдѣлались такъ же общеупотребительны, какъ туземныя произведенія, и въ особенности чай. Нѣтъ людской, гдѣ не было бы своего самовара. Вечеромъ и при гостяхъ, къ чаю подаютъ, по Китайскому обычаю, разныя лакомства, кедровые орѣшки и варенья.

*

Высоту верхняго города опредѣлили мы посредствомъ барометра въ 225 Парижскихъ футовъ надъ уровнемъ Иртыша. Подъемъ сюда сдѣланъ между двухъ глубоко обрытыхъ валовъ, которые соединяются вверху каменными воротами съ двойнымъ проѣздомъ. Говорятъ, и надъ этимъ зданіемъ трудились плѣнные Шведы, которыхъ судьбу рѣшилъ Полтавскій бой. Боковыя тропинки ведутъ къ глубокимъ пещерамъ, которыя заперты теперь желѣзными рѣшетками и употребляются купечествомъ въ видѣ кладовыхъ. На вершинѣ холма мы увидѣли вблизи главныя и древнѣйшія каменныя зданія, которыя еще изъ дали придаютъ ему такой славный видъ.

Направо, рядомъ съ большимъ пятиглавымъ соборомъ и другими меньшими церквами, принадлежащими къ монастырю, возвышается простой трехъ-ярусный домъ архіепископа, окруженный обширнымъ дворомъ. Крѣпостная стѣна защищаетъ верхнюю часть города; съ нею смеженъ старый арсеналъ. Все это построено изъ кирпича, потому что твердо-каменныхъ породъ здѣсь нѣтъ вовсе.

Нѣсколько улицъ съ красивыми деревянными домами идутъ къ сѣверу, и оканчиваются рвомъ и высокимъ валомъ, который съ одной стороны примыкаетъ къ стѣнѣ, съ другой къ береговому скату. И здѣсь, ниже города, могучія волны Иртыша сохраняютъ попрежнему свой темножелтый цвѣтъ, и странно отличаются отъ черноватой воды Тобола, которая, даже по впаденіи въ Иртышъ, образуетъ въ немъ къ лѣвому берегу совсѣмъ отдѣльную полосу.

До 19 Октября средняя температура въ полдень была отъ 9 до 10 градусовъ тепла, — очевидное слѣдствіе чистоты дневной атмосферы, наступавшее по перемѣнѣ южнаго вѣтра, который всегда наноситъ дожди. 19 вечеромъ вдругъ стало облачно, мѣсяцъ окружился тусклымъ кольцемъ; все обличало перемѣну въ высшихъ слояхъ воздуха. Ночью палъ густой иней; на другой день подулъ сѣверовосточный вѣтръ, сопровождаемый туманами, и въ полдень термометръ поднялся только на 3° тепла.

30 Октября улицы Тобольска внезапно оживились: выпало столько снѣгу, что можно было ѣздить на саняхъ. Сообщенія съ окрестностями начались, но намъ еще не было возможности пуститься къ Обской Губѣ; слѣдовало обождать рѣкостава. Въ первую недѣлю ноября на Иртышѣ показался ледъ и еще 10-го шелъ съ чрезвычайной быстротою; на другой день онъ уже стоялъ, 12-го мужики пріѣхали въ Тобольскъ черезъ рѣку.

Къ прежнему нашему слугѣ, Чухонцу, или точнѣе Эстляндцу, присоединили мы казака, знавшаго Остяцкій языкъ. Онъ снабдилъ насъ Остяцкимъ платьемъ, которое превосходно защищаетъ отъ холода и сшито такъ прочно, что его стало бы на всю жизнь. Изъ съѣстныхъ припасовъ мы взяли чернаго хлѣба, вядчины, паюсной икры, семги, мадеры, водки, портеру и чаю. Послѣднему отдавали мы потомъ предпочтеніе передъ всѣми другими напитками, извѣдавъ на опытѣ, что въ зимнихъ странствіяхъ по Сибири нельзя ничего придумать лучше, отраднѣе, усладительнѣе чаю.

Кромѣ обыкновенной зимней повозки мы взяли еще *крытую нарту*, которая употребляется только въ здѣшнихъ сѣверныхъ краяхъ. Экипажъ этотъ такъ легокъ, что въ него можно запрягать оленей и собакъ, и между-тѣмъ совершенно укрываетъ васъ отъ непогоды. На полозьяхъ поставленъ четыреугольный продолговатый кузовъ изъ тонкихъ прутьевъ, слишкомъ въ два аршина вышины и около сажени длины; на боку дверца, а съ другой стороны маленькое окно со слюдой. Снутри и снаружи кузовъ обитъ войлокомъ или оленьей шкурой. Вы препокойно лежите на днѣ и можете еще поставить кое-что изъ клади себѣ въ ноги и подъ сидѣнье извощику. И вы, и вещи ваши, все будетъ въ сохранности отъ стужи и отъ мокроты, только не прогнѣвайтесь, если иногда васъ опрокинутъ: отводовъ нѣтъ, зато нарта легка какъ перышко.

ГЛАВА V.

Заводинскъ. Реполово. Самарово. Обь. Остяцкія юрты. Дикіе звѣри. Каушинскъ. Незамерзающая вода.

22 Ноября, часа въ четыре послѣ обѣда, мы выѣхали изъ сѣверной оконечности верхняго города, и при свѣтѣ мѣсяца быстро скользили правымъ берегомъ Иртыша. Неподалеку отъ Тобольска начинается опять дремучій хвойникъ. На первой станціи вольные ямщики взялись везти насъ за три копейки съ лошади на каждую версту.

Отсюда путь все еще шелъ *горою*, то есть высокимъ правымъ берегомъ рѣки; впослѣдствіи мы ѣхали то лѣвымъ берегомъ, то по теченію, гдѣ дорога означена вѣхами изъ зеленыхъ сосенъ и елокъ, какъ между Петербургомъ и Кронштатомъ на Невѣ. Село Бронниково и потомъ Уватъ поразили насъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ.

При деревнѣ Кошелевѣ Иртышъ образуетъ продолговатый заливецъ, или *зоръ*; въ послѣдствіи мы видѣли много такихъ зоровъ. Не смотря на страшную мятель, деревенскіе жители бодро и весело работали на открытомъ воздухѣ: дѣлали во льду проруби для рыбной ловли. Вездѣ мелькали здоровыя, смѣющіяся лица, шуточные оклики сыпались со всѣхъ сторонъ.

Къ довершенію этой зимней картины, цѣлый табунъ лошадей рѣзво промчался мимо насъ изъ деревни въ поле.

Въ пятнадцати верстахъ отсюда, въ деревнѣ Буренкѣ, впервые услышали мы Остяцкую рѣчь. Окна затянуты рыбьей кожей вмѣсто слюды; Остяцкая одежда видна почти такъ же часто, какъ Русскій кафтанъ; лошади запрягаются не врядъ, а гусемъ; все не по прежнему. Впрочемъ измѣненіе въ упряжи необходимо по причинѣ возрастающей глубины снѣговъ: переднія лошади тонутъ иногда по плечи. Ночью часто задерживали насъ встрѣчи съ длинными обозами Обскихъ рыбниковъ. Удивительно, какъ эти люди могутъ идти пѣшкомъ въ снѣгу по колѣно; лошадьми управляютъ они крича изъ-дали, и при всѣхъ трудностяхъ пути, имѣютъ еще духу отпускать встрѣчнымъ шуточки и прибаутки.

По берегамъ Иртыша, слишкомъ на двѣсти верстъ отъ Тобольска, во многихъ мѣстахъ лежатъ поемные луга, и земли, удобныя для хлѣбопашества; но коневодство, рыбная ловля, охота и собираніе кедровыхъ орѣховъ вездѣ остаются господствующими промыслами.

25 Ноября мы пріѣхали въ Заводинскія юрты. Здѣшніе Остяки научились у Русскихъ сосѣдей строить обыкновенныя избы. Одежда у нихъ полу-Русская, полу-Остяцкая. Мужчины всѣ понимаютъ Русской языкъ, но говорятъ на немъ очень дурно.

На слѣдующей станціи, въ Реноловѣ, Остяцкіе обычаи начинаютъ господствовать: юрты отличаются отъ Заводинскихъ низменностью, тѣснотой; рѣшительно всѣ окна затянуты налимьей кожей. Изъ нея же дѣлаютъ разныя одежды; но самая рыба въ пищу не употре-

бляется, потому что она здѣсь ни почемъ. Чтобы кожа была прозрачнѣе, ее промазываютъ жиромъ; не смотря на то неровности ея разсѣиваютъ свѣтъ самымъ ощутительнымъ образомъ.

Реполовскія юрты были почти совсѣмъ пусты. Намъ сказали, что Остяки отправились на рыбный промыселъ, а жены ихъ празднуютъ этотъ случай въ кабакѣ. Въ темной конурѣ, гдѣ едва ли можно ступить десять шаговъ, нашли мы за прилавкомъ Европейца-Русскаго и вокругъ него около пятнадцати этихъ женщинъ,—небольшія полныя фигурки съ черными и блестящими глазами, немного наискось въ разрѣзѣ. Вино начинало уже дѣйствовать; онѣ живо разговаривали между собою тонкимъ голоскомъ, и тотчасъ ознакомились съ нашими ямщиками. Всѣ онѣ были еще въ лѣтнихъ платьяхъ изъ крапивнаго холста,—родъ рубахъ, вышитыхъ по вороту и груди красными и черными узорами. Онѣ уже издержали всѣ свои деньги, а охота пить разбирала ихъ пуще прежняго; мы предложили имъ наши кошельки. Такъ какъ онѣ не разумѣли ни слова по-Русски, я произнесъ кое-какъ Остяцкіе стихи, которые недавно вытвердилъ. Съ громкимъ смѣхомъ переходили они изъ устъ въ уста, и потомъ были пропѣты какъ слѣдуетъ.

Старый Русскій ямщикъ изъ Реполова увѣрялъ насъ, что Остяки начинаютъ каждый новый промыселъ не только праздникомъ, подобно нынѣшнему, но и стародавнимъ жертвоприношеніемъ. Для этого убиваетъ каждый у себя въ юртѣ домашнее животное, и кровью обмазываетъ себѣ лице. У сѣверныхъ Остяковъ употребляются на это олени; здѣшніе вѣроятно или

покупаютъ оленей, или замѣняютъ ихъ лошадьми и коровами.

Между Реполовымъ и Самаровымъ, то есть на пространствѣ 80 верстъ, олени и лоси водятся только весною, безъ сомнѣнія, привлекаемые въ эту пору почками распускающихся березъ и другихъ широколистныхъ деревьевъ, которыя растутъ въ падяхъ по берегамъ Иртыша.

Ночью пріѣхали мы въ село Самарово, въ 500 верстахъ отъ Тобольска, на правой сторонѣ рѣки подъ горой, поросшей кедровымъ лѣсомъ. Избы разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ по бугристой низменности. Выгоднымъ положеніемъ своимъ близъ втока Иртыша въ Обь Самарово отличается отъ всѣхъ селъ, видѣнныхъ нами по здѣшней дорогѣ. Досчатые переходы ведутъ черезъ оврагъ, зимою наполненный снѣгомъ, а лѣтомъ орошаемый Самаровкой, которая выходитъ изъ холмовъ, лежащихъ далѣе къ востоку (Л. I—2). Въ довольно большомъ деревянномъ домѣ хранятся запасы муки и соли для выдачи пайка служащимъ Березовскаго округа, котораго Самарово составляетъ южный предѣлъ.

Здѣсь въ первый разъ послѣ Урала нашелъ я каменную породу у подошвы холмовъ, обращенной къ Иртышу. То былъ зеленый камень съ кристаллами роговой обманки, съ фельдшпатовой и кварцевой примѣсью. Камни не болѣе двухъ-трехъ кубическихъ футовъ въ объемѣ и видны не выше той черты, которой рѣка достигаетъ въ полную воду. По свойству скалъ можно заключить съ вѣроятностью, что онѣ принадлежатъ скорѣе къ предгоріямъ Урала, чѣмъ

Алтая, и такъ какъ въ Тобольскѣ ихъ вовсе нѣтъ, то должно полагать, что здѣсь отроги Уральскаго хребта подходятъ къ Иртышу ближе тамошняго.

Иртышъ разливается верстъ на двадцать, и часто угрожаетъ самому селенію. Оттого домы выстроены на сваяхъ, или стульяхъ, отъ 5 до 6 футовъ вышины. Въ половодье жители разъѣзжаютъ на лодкахъ, и отправляютъ весь свой скотъ на гору въ кедровый лѣсъ, гдѣ немалая часть его бываетъ жертвою волковъ и медвѣдей. Хлѣбопашества нѣтъ здѣсь и въ поминѣ, зато рыбный и птицеловный промыслы, доведенные до удивительнаго совершенства, вполнѣ вознаграждаютъ безпечныхъ обитателей этого края. Птицъ солятъ и сушатъ какъ рыбу. Сверхъ того собирается до 10,000 пудъ кедровыхъ орѣховъ, которые продаютъ на мѣстѣ отъ двухъ до трехъ рублей за пудъ.

Изъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири въ Самарово приходятъ суда съ Китайскими товарами, вмѣсто прежнихъ рабочихъ нанимаютъ здѣшнихъ поселянъ, и закупивъ у нихъ же съѣстныхъ припасовъ, отправляются далѣе. Несмотря на столь богатыя источники довольства, значительная часть жителей въ крайней бѣдности, благодаря единственно своей лѣни.

За Самаровымъ, верстъ на шестьдесятъ тянутся необозримыя, почти безлѣсныя степи, и чѣмъ далѣе вы ѣдете, тѣмъ болѣе Русское населеніе смѣняется Остяцкимъ, а верстахъ во стѣ отъ Самарова оно исчезаетъ почти совсѣмъ.

У Самарова переѣхали мы черезъ Иртышъ, и лѣвымъ берегомъ его западнаго рукава, такъ называемаго Березовскаго протока, достигли деревни Бѣлогорья,

гдѣ живутъ Русскіе ямщики и рыболовы. Подъ Бѣлогорьемъ рѣка Обь расходится на двѣ главныя вѣтви, и сверхъ того образуетъ нѣсколько зоровъ и протоковъ. Ямщики расказывали намъ, какъ эти протоки, теперь совсѣмъ запавшіе снѣгомъ, весною незапно наполняются быстротечною водой, прерываютъ сообщенія, и иногда на нѣсколько дней запираютъ проѣзжихъ на какомъ-нибудь уединенномъ островѣ. Вѣроятно воды, текущія въ Обь съ Уральскихъ горъ, причиною этого страннаго явленія.

Въ Елизаровѣ, на большомъ островѣ между двухъ главныхъ рукавовъ Оби, мы были изумлены домомъ одного богатаго крестьянина, который зазвалъ насъ къ себѣ погрѣться. Домъ этотъ былъ въ два яруса, и выше обыкновеннаго въ Россіи размѣра; комнаты пребольшія, лѣстница на верхъ внутри изъ покоевъ, вездѣ чистота и опрятность, въ окнахъ большія бѣлыя стекла, какія и въ Тобольскѣ видишь у однихъ богачей. Въ гостиной верхняго яруса одна изъ стѣнъ вся покрыта блестящими образами. Ночная пора не избавила насъ отъ богатаго угощенія. Пока женщины занимались стряпней, хозяинъ не могъ нахвалиться благословеніемъ Божіимъ. «Груду денегъ, 3000 рублей, положилъ онъ въ домъ, а живетъ безъ заботы, потому что рыбѣ нѣтъ числа и городъ близко.» Однако жъ до Тобольска по зимнему пути 460, а по лѣтнему 560 верстъ; но у Сибиряковъ, привычныхъ къ дальнимъ странствіямъ, близость измѣряется совсѣмъ не такъ, какъ въ Европѣ.

Въ Каушинскихъ юртахъ познакомились мы съ настоящимъ бытомъ Остяковъ во всей его наготѣ, безъ

примѣси Русскихъ нововведеній. Десять квадратныхъ юртъ съ плоскими крышами, толсто устланными дерномъ, разсѣяны въ безпорядкѣ на одномъ изъ уступовъ, образующихъ восточный скатъ большаго острова. Кустарникъ, растущій между этихъ избъ, лѣтомъ долженъ придавать виду большую живость.

Теперь лучшимъ украшеніемъ Каушинскихъ юртъ собаки. Это первое мѣсто, гдѣ содержатъ ихъ собственно для ѣзды. Безъ непріязни и безъ лая, только съ какимъ-то любопытствомъ, выходятъ онѣ на встрѣчу пріѣзжимъ цѣлыми стаями. Здѣсь онѣ не выше обыкновенныхъ лягавыхъ собакъ, но гораздо тонѣе и сухощавѣй. Онѣ бѣлыя, но уши у нихъ черны, всегда подняты, подвижны и такъ заострены, какъ только могутъ быть при тупоугольномъ покроѣ; голова длинна и остроконечна, однако жъ рыло здорово, какъ у волковъ. Шерсть, короткая на всемъ тѣлѣ, пушиста и космата на хвостѣ, который онѣ держатъ вверхъ ровной, красивой дугою. Чрезвычайная ловкость въ движеніяхъ дѣлаетъ этихъ животныхъ еще пріятнѣе на взглядъ.

Низкою дверью вошли мы въ одну изъ юртъ, нѣсколько углубленную въ землю. Противъ самаго входа пылалъ огонь на возвышеніи изъ битой глины, въ которомъ вмазанъ чугунный котелъ. Огонь, потребный для котла, ниже обыкновенной топки. Этотъ очагъ почти доходитъ до деревянной стѣны, защищаемой отъ огня толстымъ слоемъ глины. Изъ глины же сдѣлана цилиндрическая труба, которая, въ связи съ задней стѣнкою камелька, идетъ перпендикулярно къ кровлѣ. Она фута въ полтора ширины, но надъ

огнемъ расходится до трехъ футовъ. Такой камелекъ, или каминъ, называютъ здѣсь по-Татарски *чуваломъ.* По другимъ стѣнамъ юрты сдѣланы возвышенія аршина въ три ширины, на которыхъ ночью спятъ, а днемъ сидятъ за работой. Куча лучинъ и нѣсколько рыболовныхъ снарядовъ занимаютъ остальную часть комнаты. Праздные сидятъ на низкихъ скамьяхъ противъ пылающаго камелька, и радушно уступаютъ почетное тѣсто пріѣзжимъ. Въ этой юртѣ жила только одна семья, но есть и такія, гдѣ помѣщается ихъ пять-шесть. Тамъ около стѣнъ устроивается родъ стойлъ, или конуръ, забранныхъ тесомъ, и въ каждомъ отдѣленіи живетъ цѣлая семья.

Не смотря на холодъ, только хозяинъ съ хозяйкою были въ шубахъ, а дѣти оставались при своихъ узорчатыхъ платьяхъ изъ крапивнаго холста. Вмѣстѣ съ нами пришли погрѣться два Русскіе мужика, которые пріѣхали къ Остякамъ за рыбою и собирались везти ее въ Тобольскъ. Мы возбудили всеобщій смѣхъ, попросивши квасу, потому что мука достается Остякамъ дорого, и они берегутъ ее только на хлѣбныя лепешки и на похлебку, или салымъ. Собственно хлѣба Остяки не пекутъ сами, а при случаѣ покупаютъ въ городахъ. Главную пищу ихъ составляетъ сушеная рыба, которую ѣдятъ по большей части сырую. Въ зимнее время, мерзлую рѣжутъ ее стружками, и тогда она называется *строганиной.*

Кромѣ рыбнаго промысла они успѣшно занимаются охотою, и звѣрей такъ много, что имъ не трудно добыть пару соболей, требуемыхъ съ каждой семьи въ видѣ подати, или ясака. Хозяинъ показывалъ намъ

соболя, убитаго въ эту зиму. Онъ хранилъ его въ сундукѣ подъ замкомъ какъ величайшую драгоцѣнность. Нѣсколько рыжеватый цвѣтъ вредилъ достоинству его мѣха и, говорятъ, будто это оттого, что звѣрь жилъ въ рѣдкомъ лѣсу, болѣе доступномъ солнцу. Въ то время вообще безпокоились на счетъ успѣшности промысла, потому что палы, то есть, лѣсные пожары, разогнали отсюда соболей. Подобные случаи нерѣдки на берегахъ Оби, гдѣ лѣтомъ огонь разливается иногда на пространствѣ ста верстъ. Русскіе обыкновенно приписываютъ эти пожары только молніи или тренію другъ о друга качаемыхъ вѣтромъ деревьевъ, но можетъ-быть охотничьи огни тутъ не безъ участія. Смолистый лѣсъ зажечь немудрено, но потушить его можетъ одно только небо, ниспославъ на землю страшный проливной дождь. Въ выгорѣвшихъ лѣсахъ, на мѣстѣ величественныхъ кедровъ, часто являются однѣ тощія березы и осины, прежде подавляемыя сосѣдствомъ исполинскаго хвойника. Впрочемъ въ здѣшнемъ краѣ еще такъ много лѣсовъ, и истребленіе ихъ такъ маловажно въ отношеніи къ обширности, что Сибирскимъ звѣроловнымъ племенамъ нечего опасаться за свое существованіе. Гораздо опаснѣе для нихъ водка, которая попадаетъ въ юрты, не смотря на благодѣтельныя запрещенія правительства. Самыя благоразумныя мѣры безсильны противъ алчности этихъ дикарей къ крѣпкимъ напиткамъ и противъ значительныхъ выгодъ, которыя продажа вина доставляетъ въ здѣшней сторонѣ.

Намъ сказывали, что въ окрестныхъ лѣсахъ всего болѣе бѣлокъ и горностаевъ; весною бываетъ много

оленей, и въ теченіе всего года водятся разнаго рода лисицы, россомахи и лоси. Мнѣ хотѣлось узнать правду насчетъ вражды двухъ послѣднихъ породъ, и я услышалъ то же самое, что расказываютъ въ Европѣ, то есть, будто россомахъ бросается съ дерева лосю на спину, и загрызаетъ его до смерти. Но никто не видалъ этого собственными глазами, вездѣ ссылаются на мертвыхъ, — старики такъ говорятъ!

Для звѣринаго промысла употребляютъ лукъ около трехъ аршинъ длиною. Онъ состоитъ изъ двухъ продольныхъ половинъ, верхней березовой, которая довольно гибка, и нижней изъ хвойнаго дерева, которая потверже; онѣ скрѣплены рыбьимъ клеемъ, но поверхность ихъ такъ тщательно выглажена и такъ ровно покрыта желтою краской, что спая ни мало не видать. Стрѣлы, аршина въ полтора, изъ крѣпкаго дерева; на нижнемъ концѣ перяная опушка въ два ряда, на верхнемъ иногда притупленный двойной конусъ, иногда ржавое ромбоидальное желѣзко, которое хотя и привязано, однако держится не очень, хорошо. Соболей и бѣлокъ бьютъ только тупыми стрѣлами, чтобъ не испортить шкурки; острыя пронзаютъ кожу всѣхъ здѣшнихъ звѣрей. Странно было слышать, что никто изъ Каушинскихъ Остяковъ не умѣетъ сдѣлать лука, и всякой покупаетъ это необходимое орудіе у Казымскихъ, которые зимою пріѣзжаютъ сюда на оленяхъ съ востока, и за каждый лукъ со всѣмъ приборомъ получаютъ сушеной рыбы и Русскихъ издѣлій примѣрно на два рубля.

Благодаря нашему Каушинскому хозяину, мы въ первый разъ прокатились на собакахъ. Сани — простыя дровни съ возвышенною настилкою изъ досокъ. Ѣздокъ почти лежитъ на нихъ, облокотившись и упираясь ногами въ полозъ. Нехотя, однако жъ не медля ни минуты, собаки подошли на зовъ хозяина. Одну изъ нихъ схватили, приподняли ей заднія ноги и надвинули на спину родъ мѣховой подпруги съ петлею внизу. Къ этой петлѣ прикрѣпили постромку, и продѣвъ ее между заднихъ ногъ собаки, другимъ концемъ привязали къ путу, которымъ полозья связаны напереди. По окончаніи запряжки, послушныя твари ожидали съ безпокойнымъ воемъ минуты отъѣзда и все посматривали на сѣдока. Раздалось — пырь, пырь! и онѣ пустились, сперва то рысью, то вскачь, не переставая выть въ отвѣтъ окружавшимъ ихъ подругамъ, до тѣхъ поръ, пока не разошлись. Но послѣ бѣжали онѣ очень ровно и въ точности слушались команды, которую Остяки кричали мнѣ изъ дали: Тиль-тиль — направо, бутъ-тиль — налѣво, цасъ — стой.

Лыжи здѣшнихъ Остяковъ совершенно подобны тѣмъ, какія употребляются въ Европейской Россіи. Нога стоитъ на срединѣ доски, въ пять или шесть футовъ длины и въ шесть дюймовъ шириною. Доска эта немного выгнута и заострена къ оконечностямъ, торчащимъ вверхъ. Чтобъ лыжи не задѣвали концами другъ за друга, на ходу необходимо сохранять ноги въ параллельномъ положеніи, иначе непремѣнно упадешь.

Многіе изъ Каушинскихъ мужчинъ заплетаютъ свои черные, густые волосы въ двѣ косы на затылкѣ.

Здѣшній народъ отличается и рослостью и хорошею одеждой; жаль только, что его обезображиваетъ глазная болѣзнь. Почти у всѣхъ, которыхъ мы видѣли, вѣки воспалены и покрыты гноемъ. Говорятъ, это слѣдствія заразы, занесенной къ нимъ Русскими сосѣдями. Остяки не употребляютъ ни салфетокъ, ни платковъ; вмѣсто того у нихъ длинныя, тонкія стружки лиственницы. Этими стружками чистятъ и поваренную утварь; пучекъ ихъ всегда висить у женщинъ на поясѣ.

Сосновскія юрты еще ниже и глубже въ землѣ, нежели Каушинскія. Въ окнахъ вмѣсто стеколъ вставляются толстыя льдины, и передъ каждой юртою лежитъ ихъ цѣлый запасъ. Между юртами замѣтны другія строенія, поднятыя отъ земли на четырехъ столбахъ, болѣе сажени вышиною. Въ нихъ всходятъ по косвенному бревну, на которомъ сдѣланы зарубки въ видѣ ступенекъ. Это родъ кладовыхъ, гдѣ Остяки сберегаютъ отъ прожорливости собакъ свои съѣстные припасы.

Жители Сосновскихъ юртъ чрезвычайно мелки въ сравненіи съ Каушинскими. Посреди селенія возвышалось дерево, обтесанное и поставленное въ видѣ мачты, съ рѣзными поперечинами наверху. На вопросъ нашъ, для чего это, Остяки отвѣчали, что для красы. Юрты лежатъ немного въ сторону отъ лѣваго берега Оби, въ обширной котловинѣ, окруженной превосходнымъ хвойникомъ. Близъ самаго жилья стоятъ одинокія сосны, кедры и лиственницы, въ десять саженъ вышины, и только маковицы ихъ увѣнчаны вѣтвями.

Въ Сосновскѣ перемѣнили мы лошадей, и имѣли случай дивиться инстинкту этихъ животныхъ. На Оби отъ сильныхъ морозовъ часто дѣлаются во льду трещины, или такъ называемыя полыньи, и хотя онѣ вскорѣ застываютъ и становятся почти непримѣтными для людей, однако жъ лошади, еще не доѣзжая ихъ, нѣсколько замедляютъ бѣгъ свой, сперва стараются обойти трещину, потомъ если и ступятъ на нее, то съ осторожностью, какъ бы ощупывая передними ногами, сдержитъ ли она ихъ или нѣтъ.

Между Больше-Атлымскими юртами и селомъ Кондійскимъ есть полынья версты въ полторы длиною, которая, по увѣренію Остяковъ, никогда не замерзаетъ оттого, что тутъ неподалеку бьетъ ключъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ тотъ же день въ Алешкиныхъ юртахъ намъ указали другой незамерзающій источникъ. Шагахъ въ пятидесяти отъ жилья, въ долинѣ, запавшей глубокимъ снѣгомъ, увидѣли мы ледяную поверхность футовъ въ пять ширины съ прорубью посерединѣ. Опушка изъ молодой ольхи означала дальнѣйшее направленіе источника. Сдѣлавъ шаговъ двадцать, мы пришли къ его началу, гдѣ ледъ былъ уже гораздо тонѣе. Я пробилъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ и нашелъ, что вода съ шумомъ бѣжитъ въ узкомъ ледяномъ каналѣ совершенно правильнаго образованія; только исподъ ледянаго черепа былъ усѣянъ странными неровностями, которыя висѣли какъ сталактиты. Впослѣдствіи я удостовѣрился, что причиною этого явленія кристаллизація паровъ теплаго источника. При шести градусахъ мороза термометръ показывалъ въ немъ 0°, 05 тепла. За юртами,

*

ближе къ берегу Оби, не было и слѣдовъ этого ручья, но статься можетъ, что по крайней мѣрѣ часть его струится и тамъ подъ толстымъ снѣговымъ покрываломъ.

Меня удивилъ испугъ проводника моего, когда я ненарочно ступилъ въ воду въ своихъ мѣховыхъ косматыхъ сапогахъ. Онъ говорилъ, что непремѣнно должно окунуть ногу въ снѣгъ и заморозить воду прежде, чѣмъ она проникнетъ до тѣла. Подобный страхъ вымочить обувь всегда замѣчалъ я и прежде и впослѣдствіи у Остяковъ, хотя они совсѣмъ не изнѣжены. При входѣ въ юрту, мужчины останавливаются на порогѣ, и палкою или ножемъ, висящимъ на поясѣ, околачиваютъ и оскребаютъ съ сапоговъ снѣгъ, прежде нежели подойдутъ къ огню грѣться.

Упомянувъ о селѣ Кондійскомъ, мы запамятовали сказать, что это преждебывшее княжество Остяковъ лежитъ на возвышенности по правому берегу Оби. Оно уже съ давнихъ поръ населено Русскими. Монастырь, переведенный сюда изъ Березова еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, занятъ однимъ сельскимъ священникомъ, а монаховъ въ немъ нѣтъ. Около двадцати чистыхъ крестьянскихъ избъ окружаютъ усдиненную обитель.

На станціяхъ Остяки вездѣ держатъ лошадей, и сѣно для нихъ покупаютъ у Русскихъ иногда очень далеко. На пути къ Березову я не разъ спрашивалъ у нихъ, зачѣмъ они не разводятъ оленей, и всегда слышалъ одинъ отвѣтъ, что здѣсь нѣтъ мху, а ростетъ онъ по горамъ, за Березовымъ. Но тамъ такія же горы какъ и тутъ, и по всей вѣроятности олени могли бы водиться въ этомъ краѣ; но уходъ за ними не-

совмѣстенъ съ исключительностью рыбнаго промысла, и вотъ конечно причина, по которой имъ предпочитаютъ здѣсь собакъ. Несмотря на вѣрную службу этихъ животныхъ, хозяева обходятся съ ними довольно сурово. Чуть собака ворвется въ юрту, удары и толчки сыплются со всѣхъ сторонъ; женщины визжатъ своимъ тонкимъ голосомъ, чтобъ гостья чего-нибудь не стащила. Оно и въ самомъ дѣлѣ не весело: суточный запасъ пищи для всѣхъ обитателей юрты стоитъ обыкновенно на полу въ деревянномъ корытѣ, и такъ какъ стряпаютъ по большей части одинъ разъ въ день, а иногда приготовляютъ вдругъ цѣлый уловъ рыбы дня на два и на три, то если бъ дать волю прожорливости собакъ, хозяевамъ часто приходилось бы сидѣть голодомъ. Только когда собаки очень разгорячатся и устанутъ отъ ѣзды, я видалъ, что ихъ пускаютъ въ юрту отдохнуть близъ чувала, пока въ общемъ корытѣ выставятъ имъ весьма умѣренную порцію рыбы.

Для щенятъ сдѣлано совершенное изъятіе: они не выходятъ изъ тепла, и женщины ухаживаютъ за ними, какъ можно себѣ представить. Ихъ привязываютъ въ ногахъ у постелей, и кормятъ до сыта. Они бѣлые съ чернымъ, какъ и взрослыя собаки, но шерсти у нихъ расположены не такъ правильно, и волосъ гораздо длиннѣе. Нѣкоторыхъ нарочно убиваютъ недоростками, чтобы употребить шкуру на опушку шубъ.

Въ бѣдныхъ Исацкихъ юртахъ рыбная ловля составляетъ единственное занятіе жителей. Они сказывали намъ, что не умѣютъ удить рыбы какъ Русскіе, а ловятъ ее *мордами*, то есть плетушками конической

формы. Платья у нихъ изъ налимьей кожи, промазанной жиромъ, и отъ него страшная вонь и нечистота. Несмотря на то, щегольство и здѣсь обнаруживалось въ прическѣ. У большей части мужчинъ черная, длинная коса была переплетена тесьмами и украшена бусами на оконечности.

На половинѣ дороги отъ послѣдней станціи подъ Березовымъ я спросилъ своего Остяка, знаетъ ли онъ какъ поздно на дворѣ, и онъ отвѣчалъ съ совершенной точностью—поздно, а до полуночи немного не дошло. Онъ увѣрялъ, что видитъ это по созвѣздію Большой Медвѣдицы, которую называлъ Лосемъ. И дѣйствительно, держа въ памяти перемѣны въ положеніи этого созвѣздія, соотвѣтственныя годовымъ временамъ, можно приблизительно угадывать часы здѣшней продолжительной ночи.

ГЛАВА VI.

Березовъ. Опыты хлѣбопашества. Торговля Остяковъ. Русскіе ссыльные.

1 Ноября, въ часъ по полуночи, я проснулся въ тысячѣ верстахъ отъ Тобольска, въ Березовѣ, передъ деревяннымъ домомъ, построеннымъ на Русскій ладъ. Въ эту пору гости изъ Тобольска большая рѣдкость; даже купцы, торгующіе съ Самоѣдами, проѣзжаютъ черезъ Березовъ въ Обдорскъ не ранѣе Февраля.

Березовъ лежитъ къ западу отъ малой Оби на возвышенномъ лѣвомъ берегу Сосвы и на правомъ Вогулки, которая въ трехъ верстахъ отсюда впадаетъ въ Сосву. На холмистомъ мысѣ, образуемомъ этими двумя рѣками, расположена большая часть городскихъ строеній. Къ западу тянутся дремучіе лѣса, на востокъ необозримыя равнины. Весною, во время половодья, Обь и Сосва разливаются слишкомъ на пятьдесятъ верстъ.

Съ перваго взгляда видъ Березова соотвѣтствуетъ понятію о крайнихъ жилищахъ человѣческихъ на сѣверѣ. По моему опредѣленію его географическаго положенія, солнце должно было взойти въ 39 минутъ десятаго, и въ полдень быть на $4° 18'$ надъ горизонтомъ; но при пасмурности неба сумерки продол-

жались цѣлый день. Безмолвная пустынность царствовала въ полутемныхъ улицахъ; только дымъ изъ трубъ возвѣщалъ присутствіе живыхъ людей. Съ южной стороны ѣхало на собакахъ нѣсколько Остяковъ, и тѣ повернули къ западу, гдѣ живутъ казаки (*Л.* I—4).

Но по этой внѣшней безжизненности несправедливо было бы заключить, что и внутри жилищъ все такъ же мертво. Только войдите, и увидите, какая тамъ дѣятельность, какое веселье. По старинному Русскому обычаю забота угощать пріѣзжихъ пала не на одну семью; въ теченіе пяти дней, которые мы провели въ Тобольскѣ, намъ должно было погостить въ пяти домахъ. Дружескія, веселыя бесѣды продолжались до поздней ночи. Надобно замѣтить, что и науки были не чужды добрымъ людямъ, которые оказывали намъ такое радушіе. Нигдѣ еще не видали мы подобнаго участія къ предмету нашихъ изысканій, и мы могли собрать довольно точныя свѣдѣнія о климатѣ, животныхъ и первобытныхъ обитателяхъ этого края.

Качествами, которыя отличаютъ Березовскихъ жителей, обязаны они многимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Необходимость вѣчной борьбы съ жестокимъ климатомъ развила у нихъ, какъ и у другихъ обитателей дальнихъ частей Сибири, духъ предпріимчивости и отваги въ промыслахъ. Пребываніе Русскихъ моряковъ, которые изъ Ледовитаго Моря приходили зимовать въ Березовъ, много содѣйствовало къ распространенію здѣсь разныхъ свѣдѣній и развитію такихъ способностей, которыя безъ того оставались бы подъ спудомъ. Наконецъ въ теченіе полутораста лѣтъ кровь и умъ многихъ замѣчательныхъ людей, скончав-

шихъ дни свои въ Березовѣ, не могли исчезнуть безъ слѣда, безъ ощутительнаго вліянія. По-сю-пору вспоминаютъ здѣсь знаменитыхъ сподвижниковъ Петра и расказываютъ любопытныя подробности о ихъ жизни и кончинѣ.

Почтенный Березовскій протопопъ говорилъ намъ, какъ крѣпко убѣждены всѣ здѣшніе жители, что лѣтомъ оттаиваетъ только тонкій слой земли, а глубже все остается замерзшимъ. Съ другой стороны онъ же удостовѣрялъ, что незамерзающіе источники, какъ тотъ, что мы видѣли въ Алешкиныхъ юртахъ, есть и гораздо ближе къ Березову. Чтобы рѣшить сомнѣніе, я прибѣгнулъ къ бураву. По совѣту рабочихъ опытъ былъ сдѣланъ въ сѣверной оконечности города, передъ большою церковью близъ кладбища и въ 59 футахъ надъ поверхностью Вогулки. Мнѣ сказали, что въ этомъ мѣстѣ, окруженномъ славнымъ лѣсомъ, будетъ легче буравить, чѣмъ въ низменной голой равнинѣ къ югу отъ города. Сначала пришлось употребить топоры, но на глубинѣ 5 футовъ буравъ вошелъ въ мягкую, нимало не замерзшую землю. Сверленіе продолжалось до 23 футовъ глубины. Термометръ показывалъ 8° морозу, а спущенный на дно ямы, черезъ три четверти часа поднялся до 1°,60 теплоты, слѣдственно малостью ниже чѣмъ въ Тобольскѣ, который однако жъ гораздо южнѣе Березова.

Въ числѣ достопримѣчательностей показывали намъ среди кладбища лиственницу въ 30 футовъ вышины, отъ старости зеленѣющую только на вершинѣ. Прежде, когда Остяцкій князь жилъ въ Березовѣ, это дерево было главною святыней народа. Здѣсь, какъ и

въ другихъ подобныхъ случаяхъ, неправильный ростъ доставилъ лиственницѣ поклоненіе: въ шести футахъ надъ корнями ея огромный стволъ дѣлится на двѣ половины одинакой толщины. Въ промежутокъ ихъ набожные приносили свои жертвы. И теперь еще смѣтливые казаки находятъ иногда подобныя сокровища и между прочимъ серебряныя монеты, принадлежащія, безъ сомнѣнія, къ той порѣ, когда онѣ были не такъ рѣдки на берегахъ Оби и Иртыша, какъ въ нынѣшнее время. Вѣроятно онѣ сохранились у Остяковъ отъ періода, предшествовавшаго Русскому владычеству. Тогда купцы изъ Бухары и другихъ южныхъ странъ проникали до полярнаго круга и покупали у Вогуловъ и Самоѣдовъ, а быть можетъ, и прямо у Остяковъ, пушной товаръ, который достается теперь Русскимъ торговцамъ.

Мы отправились потомъ къ устью Вогулки осмотрѣть два магазина съ мукой и солью, продовольствующіе жителей Березова и сосѣднихъ инородцевъ. Для этой поѣздки я выпросилъ у пріѣзжихъ Остяковъ сани съ оленями, которыхъ здѣсь вовсе нѣтъ. Эти животныя привыкли къ свѣжему корму на корню, и потому въ Березовѣ не могутъ пробыть долго. Неотпряженные стоятъ они на дворахъ и на улицахъ, и терпѣливо ожидаютъ отъѣзда своихъ господъ.

Въ лѣсу, неподалеку отъ устья Вогулки, я нашелъ мѣста, сохранныя отъ снѣгу и еще покрытыя растеніями. По влажной почвѣ стлался коверъ водяницы и богульника, и тутъ-то понялъ я вполнѣ часто повторяемые расказы о поспѣшности, съ какою зелень по веснѣ заступаетъ на сѣверѣ мѣсто снѣгу.

Прекрасное сѣверное сіяніе явилось въ ночи съ 1 на 2 декабря и продолжалось почти до восхожденія солнца. Всѣ здѣшніе жители утверждали, что это признакъ поворота къ обычному холоду. Въ самомъ дѣлѣ съ 12 по 22 ноября средняя температура была 15° морозу, съ переходами отъ 13-ти до 24-хъ. 22 числа при постоянномъ южномъ вѣтрѣ настала оттепель, простиравшаяся отъ Тобольска до Березова, причемъ средняя температура была немногимъ болѣе двухъ градусовъ морозу. 2 Декабря вѣтеръ отошелъ къ сѣверозападу, и въ полдень было уже 10 градусовъ, къ вечеру 15, въ слѣдующіе дни 23.

Наблюденія надъ теплотою земли заставляли меня думать, что климатъ Березова не опаснѣе Тобольскаго для полеводства. Почтенный членъ здѣшняго купечества, Г. Нижегородцевъ, былъ ревностнымъ защитникомъ моего мнѣнія. Онъ первый съ 1826 года дѣлалъ попытки завести здѣсь хлѣбопашество, и старанія его увѣнчались успѣхомъ. Для сравненія показывали намъ рожь и ячмень здѣшняго посѣва и иностраннаго. Сѣмена для перваго были выписаны черезъ Архангельскъ изъ Або и Торнео. Ячмень уродился славно, самъ-двадцатъ, а неурожай ржи въ 1827 году приписываютъ только сѣверному вѣтру, который дулъ въ ночь съ 11 на 12 сентября при теплой еще погодѣ, и передъ самой жатвою покрылъ поля довольно толстымъ слоемъ снѣгу.

Дальнѣйшій успѣхъ этого опыта былъ бы весьма важенъ для Березовцевъ не только относительно къ удовлетворенію ихъ собственныхъ нуждъ, но и потому, что хлѣбъ служитъ имъ главною монетой при об-

мѣнахъ съ Остяками и Самоѣдами. Его вывозятъ изъ южной части Тобольской и Томской губерній. Говорятъ, что ежегодно частные торговцы отправляютъ въ Обдорскъ 16,000 пудъ молотаго и 4,000 пудъ печенаго хлѣба, да казна около 9,000 пудъ муки. Торгъ этотъ весьма прибыленъ для Березовскаго купечества. Въ особенности, онъ доставляетъ много оленьихъ шкуръ, разсылаемыхъ по всѣмъ городамъ губерніи для дальнѣйшей распродажи. Зимняя одежда состоитъ здѣсь преимущественно изъ нихъ.

Кромѣ совсѣмъ готовыхъ запасовъ, множество шкуръ просушивается на дворѣ. Это свѣжія, снятыя съ тѣхъ оленей, которыхъ купцы постоянно вымѣниваютъ у сосѣднихъ стадохозяевъ, и которыхъ мясо продается на торгу. Жители южной половины Тобольской губерніи продовольствуются не столько собственнымъ скотомъ, сколько вымѣниваютъ его у Киргизовъ, а потому закупка Остяцкихъ оленей служитъ и здѣсь существеннымъ пособіемъ.

Правда, что теперь, по введеніи Русскихъ обычаевъ, стада оленей въ самыхъ сѣверныхъ краяхъ сдѣлались не такъ многочисленны, какъ стада барановъ въ степяхъ южной Сибири, однако жъ мясо еще довольно дешево: взрослый олень обходится отъ 6 до 8 рублей, не болѣе, и потому каждый промышленикъ можетъ употреблять его въ скоромные дни вмѣсто рыбы.

Въ бытность нашу въ Березовѣ свѣжая оленина изобиловала на всѣхъ столахъ. Ее умѣютъ варить и жарить въ разныхъ видахъ, и даже въ щахъ засту-

паетъ она мѣсто говядины. Языки сберегаютъ въ прокъ особо, свѣжіе, сухіе и копченые.

Въ числѣ пушныхъ звѣрей, которые оживляютъ здѣшнюю торговлю, должно упомянуть во-первыхъ песца, какъ самаго обыкновеннаго. По возрасту и степени развитія, здѣшніе промышленики раздѣляютъ его на семь видовъ подъ слѣдующими названіями: песцы, норники, копанцы, недопески, крестоватики, голубые песцы и синеватики. Голубыхъ песцовъ всего меньше.

Дороже цѣнятся почти столь же многочисленныя лисицы. Самые высокіе мѣха черные, особенно если они съ надцвѣтомъ, то есть съ бѣловерхой осью: за нихъ даютъ на мѣстѣ пять ясаковъ или пятьдесятъ рублей на деньги. Потомъ слѣдуютъ чернобурыя лисицы, далѣе чернодушки, сиводушки и бѣлодушки, которыя при господствѣ рыжаго цвѣта получаютъ свое названіе отъ оттѣнка на исподѣ шеи. Подъ брюхомъ и грудью лисій мѣхъ гораздо легче и тоньше, чѣмъ на хребтѣ, и потому въ городахъ западной Сибири черевьи мѣха идутъ обыкновенно для женщинъ, а хребтовые для мужчинъ.

Бобръ также весьма часто попадается въ этомъ краѣ на разныхъ притокахъ рѣки Оби. Я видѣлъ запасы прекраснѣйшихъ мѣховъ, однако жъ мнѣ справедливо сказали, что они далеко уступаютъ такъ называемымъ Камчатскимъ, получаемымъ отъ морскихъ бобровъ, которые дороже всѣхъ пушныхъ звѣрей въ Сѣверной Азіи. Впрочемъ бобра преслѣдуютъ здѣсь не столько для мѣха, сколько для драгоцѣнной струи, которую продаютъ по 500 рублей за фунтъ, а иногда и дороже. Кромѣ ея, какъ Остяки, такъ и Русскіе,

употребляютъ въ видѣ наружнаго средства отъ опухолей такъ называемыя *почки*, — какіе-то круглые жирные наросты, находимые будто бы у бобровой самки подъ кожею на груди и весьма похожіе на сумочки съ струею. Зубамъ бобра приписываютъ здѣсь цѣлительность отъ зубной боли.

Обычаи Березовскихъ купцевъ представляютъ много любопытныхъ особенностей. Вошли вы, васъ, какъ водится, сажаютъ подъ иконы. Гостиная совершенно пуста, но изъ смежныхъ комнатъ выносятъ вамъ вино, закуски, привозимыя издалека, и разныя рѣдкости, которыми хозяинъ или только подтверждаетъ свои чудные расказы, или хочетъ возбудить въ васъ желаніе мѣняться. Кладовыя есть только для оленьихъ мѣховъ и другихъ гуртовыхъ предметовъ, но лучшими товарами и дома и на пути купецъ окружаетъ свою особу: въ пестромъ безпорядкѣ найдете вокругъ него разнородныхъ хищныхъ звѣрей между Русскимъ и Остяцкимъ оружіемъ, цыбики чаю и мамонтовы кости, Русское платье, самовары, водку и мадеру, сумочки съ бобровой струей и швейныя иглы, Бухарскіе плоды, Самоѣдскія шубы, табакъ и множество всякой всячины. Къ этому хаосу женщины присоединяютъ еще свои платья и домашнюю утварь, потому что заднія комнаты принадлежатъ имъ по всѣмъ правамъ; да и оставя это, какая хозяйка не размѣстится въ домѣ по-своему, когда мужъ бываетъ такъ часто въ отлучкѣ, какъ здѣшніе купцы. Къ нимъ вполнѣ примѣняются отзывы Гомера о его Сидонскихъ современникахъ, — «много опасностей переносятъ они въ своихъ странствіяхъ, но возвращаются съ тысячью отрадныхъ со-

кровищъ, потому что умѣютъ обойдтись съ каждымъ народомъ кротко и ласково, умѣютъ оглодать и высосать его богатство.» Извините! такъ невѣжливо говоритъ Гомеръ: знаете, какъ трудно ладить съ стариками.

Несмотря на то, люди Южно-Азійскаго племени сохранили отчасти монополію, которою пользовались при потомкахъ Чингисъ-Хановыхъ. Татары изъ окрестностей Тобольска постоянно привозятъ сюда разныя жизненныя потребности, кромѣ дичи, которой и безъ того много въ Березовѣ. Зима особенно богата глухими тетеревами и куропатками, а лѣтомъ здѣсь множество дикихъ утокъ. Ихъ не только ловятъ самихъ, а еще собираютъ и яица. Съ недавняго времени начали держать куръ. Зимою помѣщаютъ ихъ обыкновенно подлѣ бань въ курятникахъ, протапливаемыхъ раза два въ недѣлю.

Русскіе раздѣляютъ Остяковъ на верховыхъ и низовыхъ, относительно къ теченію рѣки Оби, но опредѣленной границы между ими нѣтъ, хотя въ этнографическомъ смыслѣ всего лучше принимать за нее Березовъ. Между верховыми Остяками въ Самаровѣ и низовыми въ Обдорскѣ замѣтна значительная разность въ языкѣ, которая обнаруживается впрочемъ постепенно. Болѣе рѣзкую черту проводитъ здѣсь одѣяніе. Только къ сѣверу отъ Березова оленьи шубы получаютъ рѣшительное господство; къ югу онѣ, по большей части, замѣняются крапивнымъ холстомъ и кожею налима, какъ произведеніями, которыя ближе подъ рукой; однако покрой платья вездѣ почти одинаковъ.

И Остяки, и Русскіе называютъ *пешкàми* кожи самыхъ молодыхъ оленятъ, а шкуры тѣхъ, которыя

побольше, но еще не совсѣмъ выросли, извѣстны подъ именемъ *неплюевъ* или *неплюекъ*. Эти два рода шкуръ употребляются для большей части одеждъ у низовыхъ Остяковъ; кожи взрослыхъ оленей, которыя несравненно здоровѣе, идутъ, какъ увидимъ, только на немногія подѣлки.

На голое тѣло надѣваютъ во-первыхъ короткіе штаны изъ выдѣланной оленьей или рыбьей кожи. Они въ обтяжку и простираются до колѣнъ, такъ что входятъ на ладонь подъ чулки, или *чижи*, приготовляемые изъ самыхъ мягкихъ пешковъ шерстью на исподъ. Надъ колѣномъ придерживаются они ремешкомъ, а на нихъ надѣваются такой же длины сапоги, или *пымы*, которые шьютъ изъ шкуръ старыхъ оленей, шерстью наружу даже и подъ слѣдомъ. Они прикрѣпляются двумя ремешками къ поясу штановъ и еще стягиваются вокругъ голени двумя красными шерстяными тесьмами, пришитыми сзади надъ икрой.

Малица — настоящій полушубокъ безъ разрѣза. Она дѣлается изъ неплюя шерстью внутрь. Къ рукавамъ ея пришиты рукавицы изъ жесткаго лапчатаго мѣха шерстью наружу и съ поперечнымъ разрѣзомъ на ладони, чтобъ въ случаѣ нужды просовывать кисть.

Сверхъ малицы надѣваютъ *парку* точно такого же покроя, но подлиннѣе и съ капишономъ, или пришивной шапкою, которая покрываетъ всю заднюю часть головы до висковъ и подбородка, оставляя только продолговатое отверзтіе для лица, заключеннаго въ ней какъ въ рамкѣ. Парка всегда шьется изъ неплюевъ мѣхомъ наружу; на верху шапки для украшенія торчатъ обыкновенно уши молодаго оленя.

По краямъ обшивается она опушкою изъ мѣха длинношерстныхъ собакъ.

Этимъ заключается обыкновенная одежда Остяка, но если ему нужно укутаться еще теплѣе, онъ сверхъ па́рки надѣваетъ *гусь*, совершенно сходный съ нею покроемъ и отличный только тѣмъ, что шьется изъ пушистаго зимняго мѣха старыхъ оленей. Этотъ мѣхъ совершенно бѣлъ, и завернувшись въ него, Остякъ похожъ точь въ точь на бѣлаго медвѣдя.

Малица стягивается ременнымъ кушакомъ съ мѣдною застежкою, на который для красы нашиваютъ еще нѣсколько пуговицъ или бляхъ. Замѣчательно, что этими металлическими бездѣлушками Остякъ ставитъ себя въ совершенную зависимость отъ Русскихъ торговцевъ, тогда какъ онѣ вовсе не необходимы и составляютъ болѣе предметъ щегольства. У Русскихъ же покупаютъ Остяки широкіе ножи, которые висятъ у нихъ на поясѣ (Л. I — 3).

Женщины одѣваются точно какъ мужчины; но сверхъ того носятъ длинное холстинное покрывало, или платъ. Дома, одежда ихъ ограничивается весьма длинными рубахами изъ крапивнаго холста со стоячимъ воротникомъ, унизаннымъ стеклярусными узорами; подолъ и рукава вышиты разноцвѣтною бумагой. Лѣтомъ и мужчины носятъ такія рубашки, только покороче и безъ шитья; обуви тогда вовсе не употребляютъ.

Что касается до характера Остяковъ, Русскіе не нахвалятся ихъ честностью. Говорятъ, что воровство у нихъ неизвѣстно и что данное слово свято соблюдается, особенно если Остякъ поклялся надъ медвѣ-

демъ, медвѣжиной или даже медвѣжьей шкурой. Вообще благоговѣніе ихъ къ этому звѣрю безпредѣльно, и потому ни одна судебная присяга не обходится безъ него. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, г. Бѣлявскій, видѣлъ примѣръ такого уваженія на своей медвѣжьей шубѣ. «Отъ самаго Березова до Обдорска, говоритъ онъ, на станціяхъ Остяки никогда не допускали меня положить ее на мѣсто, но держали въ рукахъ нараспашку до тѣхъ поръ, пока я опять надѣвалъ ее. Тщетно просилъ я ихъ положить ее куда нибудь до времени. Наконецъ, убѣдясь неоднократными опытами, что просьба моя оскорбляетъ простодушныхъ Остяковъ, я пересталъ ихъ тревожить и не безъ удивленія наблюдалъ, съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ расматривали они смертную оболочку своего божества, и похаживая около моей шубы, нашептывали вѣроятно молитвы.»

Честное слово сохраняетъ силу свою даже и по смерти того, кто его далъ. Сынъ добровольно платитъ долги отцовскіе; потомки иногда черезъ нѣсколько поколѣній выполняютъ обязательства предковъ, если только они докажутся, а документами служатъ извѣстныя нарубки, дѣлаемыя на деревѣ и хранимыя изъ рода въ родъ. Узлы на веревкѣ или на ремнѣ также употребляются въ видѣ памятныхъ и числовыхъ знаковъ. Не имѣя объ нихъ понятія, я видалъ ихъ прежде въ нѣсколькихъ юртахъ. Теперь объяснилось, что они служатъ почтовою книгою для отмѣтки числа лошадей, отпущенныхъ Русскимъ проѣзжимъ, и по этимъ отмѣткамъ Остяцкіе ямщики получаютъ въ городѣ установленный платежъ.

Рѣзкую противоположность съ Сѣверо-Азійскимъ характеромъ Березова составляютъ многіе изъ живущихъ тамъ ссыльныхъ; но особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ изъ нихъ, которые поселены. Вотъ одна изъ прекраснѣйшихъ чертъ Русскаго уголовнаго законодательства: оно не только не лишаетъ преступника возможности къ исправленію, но ведетъ къ этому настоящимъ, прямымъ путемъ, поставляя его въ необходимость трудиться для пользы собственной и общей. Примѣры благотворныхъ перемѣнъ, какія дѣятельная жизнь производитъ въ поселенцахъ, служатъ надежною порукой успѣховъ въ будущемъ, и какъ любопытно наблюдать этотъ огромный исправительный домъ, которому нѣтъ подобнаго въ цѣломъ мірѣ!

ГЛАВА VII.

Олени. Сильный холодъ. Обдорскъ. Неоттаявающая земля. Вайгачъ. Торговля съ бродячими народами. Самоѣды. Обдорскія горы. Путешествіе Зуева къ Ледовитому морю.

8 Декабря въ полдень, при ясномъ небѣ и западномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 21 градусъ морозу. Мы выѣхали въ два часа, за четырнадцать минутъ до захожденія солнца. Большую кибитку, неудобную для ѣзды на оленяхъ, оставили мы здѣсь, а на мѣсто ея взяли другую нарту. Первую станцію мы еще ѣхали на лошадяхъ, и къ полуночи прибыли въ Тегинскія юрты, лежащія середи лѣса.

Нѣсколько мужчинъ сидѣли, обнажась попоясъ, у ясно пылающаго огня, другіе поднялись въ такомъ же видѣ изъ-за отгородокъ, гдѣ они спали. Тотчасъ всѣ одѣлись и пошли ловить оленей для нашихъ нартъ. Мы оставались съ женщинами, которыя гостепріимно разостлали намъ свѣжія чистыя оленьи шкуры на общей постели. Черезъ часъ или около услышали мы изъ-дали крикъ погонщиковъ. Гугу! раздавалось по лѣсу все ближе и громче, и наконецъ явственно послышался топотъ бѣгущаго стада. Мы вышли изъ юрты; испуганные олени неслись со всѣхъ сторонъ прямо къ намъ. Только прекратился крикъ, они остановились и безтревожно начали искать кор-

му подъ снѣгомъ. Остяки развернули длинный ремень и, держа его аршина на полтора отъ земли, оцѣпили имъ все стадо и заставили оленей сжаться въ толпу. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ вошли въ кругъ, хватали за рога тѣхъ, которые назначались въ упряжъ, и привязывали ихъ къ ремню. Разумѣется, что все это возможно только съ полуручными животными, иначе двухаршинные рога однимъ ударомъ освободили бы плѣнника. Но олени еще послушнѣе и кротче лошадей; стоятъ смирно, что бы съ ними ни дѣлали.

Ихъ запрягаютъ парой или четверкою врядъ. Передняя часть туловища стягивается кожаной подпругой; къ ней подъ брюхомъ прикрѣплена постромка, которая между заднихъ ногъ идетъ къ санямъ, но прежде продѣвается въ диру доски, находящейся передъ полозьями, и посредствомъ костянаго кольца или ременной петли держится на бичевкѣ, соединяющей передки полозьевъ. Доска съ дирами по числу оленей употребляется для того, чтобъ удерживать постромки въ одинакомъ разстояніи, не мѣшая имъ ходить вольно по бичевкѣ, протянутой у передковъ.

На голову, подъ рога, привязываютъ родъ костянаго налобника, выгнутаго полумѣсяцемъ, къ которому прикрѣпленъ ременною петлей другой косячекъ поменьше; онъ виситъ надъ верхнимъ угломъ лѣваго глаза и приходится прямо на скуловую кость. Къ нему-то пристегивается возжа и продѣвается на лѣвомъ боку въ колечко подпруги. Этой одной возжи достаточно для управленія всей четверкой, потому что за крайнимъ оленемъ другіе идутъ уже сами собой. По особенно-

му образованію зубовъ оленя, удила не годятся для него точно такъ же, какъ для верблюдовъ и для быковъ. Собакъ, которыя гораздо смышленѣе, вовсе не взважживаютъ: онѣ, какъ мы видѣли, слушаются одного крика. Остякъ, ѣдущій на оленяхъ, вооруженъ шестомъ аршинъ въ пять, которымъ онъ погоняетъ ихъ, останавливаетъ и понуждаетъ на поворотахъ.

Мы ѣхали лѣвымъ берегомъ западной Оби, потому что онъ вездѣ покрытъ большими лѣсами, гдѣ живутъ зимою хозяева оленьихъ стадъ. Иногда извощики наши останавливались, чтобы дать вздохнуть быстроногимъ животнымъ: они тотчасъ наклонялись къ снѣгу и ѣли его для освѣженія; а Остякъ между тѣмъ вынималъ изъ-за пазухи табачный рожокъ, осторожно насыпалъ немного драгоцѣннаго порошка на ноготь большаго пальца и понюхивалъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Употребленіе табаку, вѣроятно, перешло сюда отъ Китайцевъ, потому что, подобно большей части народовъ восточной Сибири, Остяки называютъ его Монгольскимъ именемъ *шаръ*, да и нюхаютъ по-Китайски. Доселѣ намъ рѣдко случалось видѣть, чтобъ они курили. Въ нюхальный табакъ, для экономіи, Остяки подсыпаютъ порошокъ изъ березовой губки, высушенной на огнѣ.

Высокіе, дремучіе боры, окраявшіе дорогу, не соотвѣтствовали тому слишкомъ общему понятію, какое Европейскіе географы даютъ намъ о сѣверной Сибири. Мы были отъ полярнаго круга верстъ на триста не съ большимъ, а лиственницы, сосны, кедры и березы не перемежались и, кажется, не уступали въ красотѣ уроженцамъ лѣсовъ Тобольскихъ. Въ двадцати

верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Качегатскихъ юртъ находится запасный магазинъ съ хлѣбомъ и солью. Это мѣсто славится плодоносіемъ живописныхъ холмовъ своихъ, омываемыхъ рѣкою: деревья и овощи растутъ очень хорошо, особенно рѣпа родится прекрупная; въ лѣсахъ множество черной смородины и полевыхъ розъ.

На слѣдующей станціи напрасно искалъ я бревенчатыхъ юртъ. Хозяева наши жили въ двухъ пирамидальныхъ шалашахъ среди лѣса. Эти подвижныя палатки называются *чумами* и сплочены изъ длинныхъ жердей, у которыхъ верхніе концы вмѣстѣ, а нижніе врознь. Зимою покрываются онѣ оленьими шкурами, лѣтомъ берестой; вверху оставлено отверзтіе, куда проходятъ свѣтъ и дымъ. Вползываютъ въ нихъ между жердей, приподнявши немного край шкуры. Середи чума былъ разложенъ огонь.

Здѣсь я замѣтилъ въ первый разъ, что Остячки накалываютъ себѣ поперегъ пальцевъ параллельные ряды голубыхъ точекъ. И у мущинъ, сидѣвшихъ полунагими у огня, было нѣсколько такихъ пятенъ на разныхъ частяхъ тѣла, но они сдѣланы не такъ искусно, какъ у женщинъ и, быть можетъ, служатъ не для красы, а въ видѣ примѣтъ. Дѣйствительно, знаки эти вносятся въ ясачную книгу и вообще служатъ безграмотному Остяку вмѣсто подписи.

Посредствомъ трехъ поперечинъ между стойками чума, надъ огнемъ повѣсили котелъ со снѣгомъ, чтобы сварить намъ рыбы. Женщины и тутъ оставались подъ покрывалами, приподнимая ихъ только съ той стороны, куда имъ нужно было взглянуть. И мужчи-

ны, и женщины были рослы, статны, красивы и здоровы на видъ, не такъ какъ тѣ, что живутъ ближе къ Березову и страдаютъ глазною болѣзнію и струпьями на головѣ.

Зимою промыслъ пушныхъ звѣрей составляетъ главное занятіе оленныхъ Остяковъ. Эта прибыльная охота и привольность кочевьевъ, необходимая для содержанія большихъ оленьихъ стадъ, кажется доставляли нашимъ хозяевамъ довольство и избытокъ. Въ здѣшнемъ краѣ бьютъ они бѣлку и лису, а лѣтомъ отправляются на западъ въ горы, еще мало посѣщаемыя Христіанами. Тамъ кормятъ они стада свои и живутъ ими, сберегая для торговли весь избытокъ въ мясѣ и мѣхахъ. На общихъ пажитяхъ сходятся они съ Самоѣдами и Вогулами, а зимою возвращаются во свояси на Обь для закупки соленой рыбы. Русскіе товары получаютъ они черезъ Вогуловъ и Самоѣдовъ Архангельской губерніи, или сами вымѣниваютъ ихъ въ Ѳбдорскѣ.

Ночью съ 6 на 7 Декабря безпрестанно шелъ мелкій снѣгъ, но когда мы выѣхали изъ Шурушкарскихъ юртъ, небо прояснилось и термометръ показывалъ 22° морозу. Ѣдучи на открытой нартѣ, я часто принужденъ былъ потирать себѣ лице мѣховой рукавицею, потому что легкій восточный вѣтерокъ остужалъ его чувствительнымъ образомъ. Что касается до прочихъ частей тѣла, то и при нынѣшнемъ холодѣ въ тепломъ Остяцкомъ платьѣ легко можно было пролежать нѣсколько часовъ на открытомъ воздухѣ безъ малѣйшаго движенія.

Шурушкарскія юрты стоятъ на голомъ скатѣ глинистыхъ утесовъ, которые почти безпрерывно образуютъ лѣвый берегъ нераздѣльнаго тутъ русла Оби по самый Обдорскъ. Конечно близость горъ, лежащихъ къ западу, обнаруживается этими холмами и невдалекѣ отсюда производитъ крутой поворотъ Оби на сѣверовостокъ. Гористый лѣвый берегъ все еще поросъ лѣсомъ, но уже не такъ частымъ, какъ нѣсколько выше.

Въ часъ по полуночи пріѣхали мы на станцію Вандіаски, называемую городкомъ потому, что еще со времени покоренія Сибири живетъ здѣсь Остяцкій князь. Три крѣпкія деревянныя юрты стоятъ на голомъ холмѣ праваго берега, ничѣмъ не отличаясь отъ обыкновенныхъ Остяцкихъ юртъ. Онѣ довольно богаты собаками, а впрочемъ бѣднѣе многихъ. Хозяева только забавною падкостію къ водкѣ умѣли показать, что они не изъ простыхъ. Я пріѣхалъ къ нимъ прежде моихъ товарищей, и меня вѣрно приняли за побродягу. Одинъ изъ Остяковъ объявилъ на ломаномъ Русскомъ языкѣ, что онъ старшина и потомъ съ врожденной робостью и заученой настойчивостью требовалъ или моего вида, или запаса табаку и водки для осмотра. Я увѣрялъ его, что у меня нѣтъ ни того, ни другаго: это еще не понравилось, однако не помѣшало быть гостепріимнымъ. Когда же подоспѣли всѣ наши, Остяки снова осадили меня поклонами, натаскали груду мерзлой рыбы и безпрестанно повторяли: «ваше благородіе, ваше высокоблагородіе, вотъ тебѣ подарокъ.» Прошу не поднести водки за такія вѣжливости!

При отъѣздѣ отсюда на ночь я помѣстился въ крытую нарту, но увидѣлъ, что ей можно отдать предпо-

чтеніе только въ мятель; а въ тихую погоду, какъ сегодня, даже и при 25° мороза, лучше ѣхать на санкахъ. Отъ дыханія, спертый воздухъ наполняется сырымъ морознымъ туманомъ, который пристаетъ къ войлочнымъ стѣнкамъ и падаетъ на васъ большими хлопьями. Если крытая нарта опрокинется, ее очень трудно поднять. Благодаря такому непріятному случаю, я отсталъ отъ товарищей, и если бъ, къ счастію, не подоспѣлъ проѣзжій Остякъ на собакахъ, долго бы сидѣть мнѣ въ снѣгу. Издалека послышался лай собакъ, лишь только онѣ зачуяли моихъ оленей. Впослѣдствіи я всегда замѣчалъ это въ подобныхъ случаяхъ.

Нигдѣ не нюхали мы такого ѣдкаго лиственничнаго дыма, какъ въ юртѣ на послѣдней станціи передъ Обдорскомъ. Когда подложили дровъ, чтобъ согрѣть для насъ воды, даже старые Остяки закашлялись; но вскорѣ мы къ этому привыкли и спали покойно вплоть до полуночи, когда надобно было снова пуститься въ путь.

8 Декабря пріѣхали мы въ Обдорскъ часовъ въ девять утра, на раззвѣтѣ. Странно изумилъ насъ запахъ горячаго хлѣба, раснесшійся далеко въ тихомъ холодномъ воздухѣ изъ того самаго дома, гдѣ слѣдовало намъ пристать. Вошедши, мы увидѣли, что хозяева суетятся у огромной печи и свѣжіе ржаные хлѣбы лежатъ грудами отъ полу до потолка. Налимья кожа въ окнахъ вмѣсто стеколъ притупляла слабый свѣтъ солнечныхъ лучей, такъ что въ комнатѣ до полудня горѣли свѣчи; но на улицѣ при ясно-голубомъ небѣ видъ снѣжной окрестности былъ истинно прекрасенъ. Деревянная церковь, черныя избы казаковъ и низменныя Остяцкія юрты картинно разбросаны по дебри-

стымъ холмамъ, образующимъ правый берегъ рѣки Полуя. Темные столбы дыма поднимались прямо изо всѣхъ трубъ.

Страннымъ видомъ своимъ здѣшніе холмы обязаны дѣйствію не воды, а мороза: онъ разорвалъ ихъ глубокими трещинами и нѣкоторымъ далъ сходство съ огромными колоннами безальтной породы. Вода, стекающая съ нихъ при таяніи снѣговъ, быть-можетъ только округляетъ края ихъ. На западъ стелется широкое ледяное поле Оби, обставленное глинистыми утесами, а въ самой глубинѣ дали къ сѣверу и сѣверо-западу возвышаются во всемъ своемъ величіи оконечности Уральскаго хребта. Солнце встало надъ горизонтомъ, и ослѣпительные лучи отражались отъ снѣговой равнины къ югу, на сѣверѣ тянулись длинныя тѣни по бѣлому ковру. Горы синѣли отъ подошвы до верху, и только мѣстами мелькали на нихъ по крутизнамъ блестящія полосы снѣгу. Внизу, по ледяному черепу рѣки, медленно шелъ караванъ бродячихъ Остяковъ. Въ промежуткахъ длинныхъ нартъ и позади, олени осторожно пробирались другъ за другомъ, какъ будто опасаясь проложить новый слѣдъ на нетронутой глади.

Обь принимаетъ въ себя нѣсколько рѣкъ, и весною сливается съ ними въ необозримое море. Лѣса и кустарникъ, разсѣянные между рѣкъ и холмовъ, дѣлаютъ этотъ край однимъ изъ самыхъ живописныхъ.

Астрономическія наблюденія для опредѣленія географическаго мѣста Обдорска начаты немедленно при самой ясной погодѣ, и раннѣе наступленіе ночи благопріятствовало имъ какъ нельзя болѣе. Въ то же

время приступлено къ буравленію земли, хотя намъ и предвѣщали большія затрудненія, потому что безъ помощи огня здѣсь не копаютъ даже могилъ въ сажень глубиною. На другой день шелъ сильный снѣгъ при свѣжемъ западномъ вѣтрѣ; не смотря на то, казаки продолжали работать на открытомъ воздухѣ. Сперва вырубили они яму топорами; 9 числа на глубинѣ двѣнадцати футовъ земля найдена мерзлою; 11-го буравъ вошелъ на двадцать одинъ футъ; устье ямы заткнуто рогожами и войлокомъ, и не смотря на то термометръ, опущенный на дно, все еще показывалъ слишкомъ полтора градуса морозу, тогда какъ на верху было 25 градусовъ. Очевидно, что земля въ Обдорскѣ никогда не оттаяваетъ.

Въ самый день нашего пріѣзда, около восьми часовъ вечера, мы услышали страшный вой множества санныхъ собакъ, которыхъ держатъ здѣсь ста четыре. Голодъ ежедневно въ одинъ часъ заставляетъ ихъ подымать эту музыку; стоитъ одной собакѣ завыть и всѣ ей аккомпанируютъ, а впрочемъ ихъ почти никогда не слышно. Онѣ и въ сильные холода не требуютъ защиты отъ непогоды; спятъ себѣ около домовъ въ снѣжныхъ ямахъ, протаявшихъ подъ ними отъ ихъ же собственной теплоты. Впрочемъ такое спокойствіе собакъ Остяки почитаютъ предзнаменованіемъ дурной погоды, и примѣта ихъ дѣйствительно подтвердилась на этихъ дняхъ. Здѣсь, какъ и по всему теченію Оби, Остяки кормятъ ихъ одной рыбою, которую просушиваютъ на солнцѣ, толкутъ вмѣстѣ съ косточками и подъ названіемъ *порсы* берегутъ и для нихъ, и для себя. Дорогою возятъ ее въ мѣшкахъ изъ осетриной кожи.

Въ Обдорскѣ гораздо болѣе собакъ, нежели въ Березовѣ, гдѣ возможно еще коневодство; здѣсь въ замѣнъ лошадей есть, правда, олени, но городская жизнь не представляетъ для нихъ нужныхъ удобствъ. Имъ надобны полевой мохъ и привольe. Впрочемъ и выше Обдорска, въ тѣхъ юртахъ, гдѣ олени находятъ себѣ довольно корму, при нихъ всегда держатъ еще собакъ, не говоря ужъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предпочтительно занимаются рыболовствомъ. Этотъ промыселъ необходимое условіе содержанія собакъ для ѣзды, и оттого кочевые Самоѣды, которые преимущественно промышляютъ звѣроловствомъ и рыбу добываютъ только посредствомъ мѣны, держатъ у себя исключительно оленей.

При такомъ множествѣ собакъ бѣшенство ихъ было бы бичемъ для всего края, неизбѣжной гибелью для цѣлыхъ племенъ. Но что говоритъ Штеллеръ о Камчатскихъ собакахъ, въ томъ самомъ единогласно увѣряли меня и здѣсь: водобоязнь въ этой сторонѣ вовсе неизвѣстна; она произведеніе быта нашихъ Европейскихъ городовъ, и такъ какъ собакъ кормятъ здѣсь гораздо скуднѣе, то и у насъ корень зла скорѣе можно полагать въ избыткѣ пищи, нежели въ умѣренности.

Съ изумленіемъ увидѣли мы на крышѣ одного дома надъ рѣкою Россійскій военный флагъ, и узнали, что здѣсь зимуютъ моряки подъ начальствомъ штурмана Иванова. Онъ говорилъ намъ, что уже семь лѣтъ занимается подробною съемкою береговъ Ледовитаго моря отъ Печоры до Обской Губы. Въ прошлую осень онъ кончилъ свои главныя поѣздки по матери-

ку, употребляя при этомъ сани, запряженныя оленями: Остяки и Самоѣды ѣздятъ по тамошнимъ тундрамъ на санкахъ круглый годъ. Какъ скоро замерзнутъ устья рѣкъ и морскіе заливы, эти бродячія племена покидаютъ свои юрты на берегу моря, и уходятъ съ оленями на тундры, изобилующія мхомъ. Многіе стадохозяева остаются цѣлый годъ на островѣ Вайгачѣ, извѣстномъ у Самоѣдовъ подъ именемъ Хаіодеи и чтимомъ какъ мѣсто самыхъ богопріятныхъ жертвъ; другіе туземцы и Русскіе промыщленики переправляются на твердую землю для ловли пушныхъ звѣрей и рыбы.

Южный и восточный берегъ острова состоитъ изъ крутыхъ каменныхъ утесовъ, которые однако жъ не выше футовъ двухъ сотъ. Я получилъ нѣсколько обломковъ тамошняго глинистаго сланца съ примѣсью сѣрнокремнистыхъ кристалловъ. Говорятъ, морозъ и другія атмосферныя явленія дѣйствуютъ очень разрушительно на эти утесы; обломки ихъ гранятся морскими волнами въ видѣ ядеръ и называются здѣсь *орѣшниками.* Ихъ такъ много по берегамъ рѣкъ, текущихъ съ острова, что при сильномъ морскомъ вѣтрѣ устья въ теченіи нѣсколькихъ часовъ совершенно запираются высокими грудами камней. Рѣка превращается до перваго прорыва въ озеро, и промышленики, застигнутые невзгодой, должны перетаскивать свои карбасы черезъ каменный оплотъ.

Приливъ у здѣшнихъ береговъ бываетъ правильный и продолжается пять-шесть часовъ; но восходитъ фута на два не болѣе, и только при сильныхъ вѣтрахъ случается прибыль воды въ Обдорскѣ.

Обширнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ краѣ имѣютъ Русскіе, водворившіеся здѣсь навсегда; значительный торгъ, который весь проходитъ черезъ ихъ руки, поставляетъ ихъ въ прямое отношеніе ко всѣмъ бродячимъ народамъ, кочующимъ на пространствѣ 51 градуса долготы, что въ здѣшнихъ широтахъ составляетъ 4,500 верстъ слишкомъ, то есть отъ Архангельска черезъ Обдорскъ до Туруханска, на нижнемъ Енисеѣ. Привлекаемые Русскими издѣліями, эти непосѣдные люди подаются къ Обдорску еще въ декабрѣ, но только въ февралѣ наступаетъ дѣятельная мѣновая торговля, и въ то же время кочевой народъ, принадлежащій къ Березовскому округу, обязанъ выплачивать свой ясакъ. Хозяева наши уже заготовляли хлѣбъ, котораго имъ надлежало выставить 2,000 пудовъ къ началу ярмонки. Казаки также пекли его для своихъ оборотовъ.

Сверхъ-того въ домѣ, гдѣ мы остановились, было нѣсколько ящиковъ съ мѣдными и желѣзнымъ украшеніями грубой работы, женскими кольцами, бляхами, какія Самоѣдки вплетаютъ себѣ въ косы и особенно пуговицами для украшенія Остяцкихъ поясовъ. Эти пуговицы расходятся отсюда по свему сѣверу, и уже съ незапамятныхъ поръ водится изображать на нихъ собаку или цвѣтокъ, подобный розану. Хозяева показывали намъ еще одинъ товаръ, на который всего болѣе требованній: это множество старыхъ, ржавыхъ сабель, употребляемыхъ Остяками при главнѣйшихъ обрядахъ богослуженія. Для того же приготовлены были мѣдные налобники и запястья, которыми нынѣшніе Остяки украшаютъ своихъ кумировъ, какъ прежде украшали серебромъ и золотомъ. Табакъ, желѣзные и

мѣдные котлы, топоры, ножи, иглы, огнивы привозятся разными промышлениками и торговцами изъ Тобольска и другихъ при-Обскихъ мѣстъ.

Русскіе закупаютъ здѣсь, кромѣ пушнаго товара, о которомъ мы упоминали говоря о Березовѣ, множество готоваго платья изъ оленьихъ шкуръ, мясо и бойную скотину; сверхъ-того для вывоза берутъ они мамонтову кость, вѣсомъ обыкновенно пять или шесть пудъ въ штукѣ, и бѣлые волчьи и медвѣжьи мѣха. Говорятъ, что кромѣ ясака, въ Обдорскъ ежегодно привозится на полтораста тысячъ мягкой рухляди. Сверхъ того доставляютъ сюда много пуху и шкурокъ разныхъ водяныхъ птицъ. Остяки и Самоѣды продаютъ ихъ до шести сотъ пудъ ежегодно, а для этого, по приблизительной выкладкѣ, надо ободрать около 50,000 штукъ.

Въ числѣ туземныхъ племенъ, вымѣнивающихъ Русскіе товары на Обдорской ярмонкѣ, отъ верховыхъ и низовыхъ Остяковъ отличаютъ обитателей тундряной страны, лежащей на востокъ отсюда между Обью и Енисеемъ, которые однако причисляются къ Остяцкому же племени. Потомъ слѣдуютъ Самоѣды, частію Европейскіе изъ Архангельской губерніи, частію кочующіе близъ Обдорска и раздѣляемые на каменныхъ, которые лѣтомъ уходятъ въ горы, и низовыхъ, которые остаются въ долинахъ для рыбнаго промысла. Послѣдніе отпускаютъ большую часть стадъ своихъ съ земляками въ горы, и объ нихъ здѣсь говорятъ, будто они бѣднѣе каменныхъ, потому что тѣ хуже смотрятъ за ихъ оленями, чѣмъ за своими.

Несущественная разность въ породѣ была поводомъ къ прозванію Верхне-Печорскихъ Самоѣдовъ особымъ именемъ Зырянъ.

Всѣ эти народы разумѣютъ другъ друга безъ труда и такъ же свободно объясняются съ здѣшними купцами, у которыхъ по торговымъ дѣламъ господствуетъ исключительно Остяцкое нарѣчіе. Только нѣкоторые казаки знаютъ сверхъ-того по-Самоѣдски.

Географическое распредѣленіе туземцевъ важно для ярмоночной торговли въ томъ отношеніи, что съ нимъ сопряжены разности въ качествѣ привознаго товара. Такимъ образомъ изъ всѣхъ волковъ наиболѣе цѣнятся тѣ, которыхъ къ востоку отсюда бьютъ Енисейскіе Остяки, потому что бѣлизною и мягкостію волоса они гораздо лучше такъ называемыхъ лѣсныхъ и степныхъ волковъ средней Сибири. Красивость ихъ возрастаетъ, кажется, съ умноженіемъ дикихъ оленей, которые бродятъ по тундрамъ между Обью и Енисеемъ, и которыхъ тамошніе Остяки умѣютъ весьма искусно добывать. Ручнымъ оленямъ привязываютъ они ремень между верхними концами роговъ и пускаютъ ихъ къ стаду дикихъ; эти нападаютъ на чужаковъ, и запутываются въ ремень рогами, а тѣ удерживаютъ ихъ въ этомъ положеніи до прибытія хозяина. Остяки мастера также бить дикихъ оленей самоєтрѣломъ, или лукомъ, который зарывается въ снѣгъ, и отъ малѣйшаго прикосновенія пускаетъ смертоносную стрѣлу.

Самоѣдамъ всѣ сосѣди отдаютъ честь въ разнообразіи ихъ звѣроловнаго промысла. Мало имъ обыкновенныхъ хитростей и орудій: они наряжаются звѣрями, воютъ, рычатъ, ходятъ на четверенькахъ, бра-

таются съ обитателями лѣсовъ и губятъ ихъ безъ милости. Они снабжаютъ Обдорскій рынокъ значительнѣйшимъ запасомъ бѣломедвѣжьихъ мѣховъ. Постоянное обхожденіе съ этимъ звѣремъ дѣлаетъ его совсѣмъ не такъ страшнымъ для здѣшнихъ приморскихъ жителей, какъ намъ его изображали. И Самоѣды согласны въ томъ, что бѣлый медвѣдь гораздо сильнѣе и кровожаднѣе чернаго, а въ хитрости ему не уступитъ, но они всегда торжествуютъ надъ этимъ неповоротливымъ противникомъ. Часто одинъ человѣкъ выходитъ на огромнаго медвѣдя, привязавъ только ножъ къ длинному шесту. Весною и осенью стерегутъ звѣря на льду у отверзтій, гдѣ тюлени всплываютъ подышать. Медвѣдь огораживается здѣсь снѣжнымъ валомъ и опускаетъ въ воду только одну изъ переднихъ лапъ. Самоѣды употребляютъ подобную хитрость, но даютъ тюленямъ вынырнуть и тотчасъ, накрываютъ полынью приготовленною доской. Середи лѣта, когда ледъ у береговъ тронется, много медвѣдей выходитъ на материкъ, и тутъ пробавляются они однѣми мышами. Нѣкоторые, быть-можетъ, добываютъ еще тюленей на пловучихъ льдахъ. Но совершенный постъ наступаетъ для нихъ за полярнымъ кругомъ: съ той поры, какъ исчезнетъ солнце до появленія его вновь, бѣлый медвѣдь лежитъ неподвижно въ снѣгу у моря и ждетъ погоды.

Изъ рыбьяго племени постоянными жителями Оби и ея притоковъ — щуки, язи, плотва, окуни; но они только выше Березова имѣютъ нѣкоторую цѣнность, да и тамъ гораздо болѣе уважается *ходовая* рыба, которая въ первой половинѣ іюня, тотчасъ по

вскрытіи низовьевъ, проходитъ съ моря вверхъ по Оби: это осетры, нельмы, муксуны, налимы, разныя породы лосося и сельди. За исключеніемъ нѣкоторыхъ лососей и сельдей, вся эта рыба идетъ даже за Томскую губернію, то есть на нѣсколько тысячь верстъ отъ моря. Виды лосося, пыдьянъ и щокуръ, а говорятъ будто бы и сельдь, пробираются западными притоками Оби къ Уральскимъ ключевымъ водамъ и остаются тамъ на зиму, тогда какъ въ нижней половинѣ рѣки съ зимою настаетъ такъ называемый *заморъ*, и вся ходовая рыба исчезаетъ, или *замираетъ*, какъ выражаются тамошніе жители. На Оби можно убѣдиться вполнѣ, что прѣсная вода необходима этой рыбѣ для расплода, и вотъ главная причина ежегоднаго появленія ея въ рѣкахъ: икра зараждается и становится крупнѣе и спѣлѣе по мѣрѣ того, какъ рыба идетъ вверхъ по ихъ теченію, и въ началѣ зимы около Тобольска ловятъ уже молодую рыбу.

Теплокровные дельфины, называемые здѣсь бѣлугами, входятъ въ Обь, преслѣдуя своихъ холодно-кровныхъ соплеменницъ. Они не всегда бываютъ въ одинаковомъ числѣ, но постоянно являются за рыбой около половины іюня, занимая иногда всю ширину рѣки верстъ на пять въ протяженіи. Они подымаются до Куневатска, на двѣсти шестьдесятъ верстъ отъ моря. Даже осетры боятся ихъ погони, — и не удивительно, потому что эти чуда отъ 3 до 4 саженъ въ длину. Испуганная рыба ускоряетъ ходъ свой и тѣмъ легче попадается въ разставленныя сѣти. Дельфины идутъ обратно къ морю въ сентябрѣ. Русскіе рыбаки пытались ловить ихъ неводомъ, но раздраженный

дельфинъ всегда прорвется. Одни Остяки, приготовляющіе изъ кожи этихъ чудовищъ ремни для сбруи, умѣютъ бить ихъ и въ морѣ, и въ прѣсной водѣ. Можно полагать съ достовѣрностью, что Обь даетъ ежегодно болѣе ста милліоновъ фунтовъ рыбы.

Кромѣ выдѣлки ремней, о которой мы сей-часъ упоминали, есть отрасли мелочной промышлености, которыми занимается исключительно Остяцкое населеніе. Особенно женщины—мастерицы сшивать кожи концами изъ оленьихъ жилъ или волосъ. Русскія не умѣютъ этого дѣлать, и въ случаѣ нужды обыкновенно прибѣгаютъ къ Остячкамъ.

Остяки имѣютъ довольно чистое понятіе о Высочайшемъ Существѣ, и рѣшительно утверждаютъ, что никогда не осмѣливались ни изображать его, ни приносить ему жертвы. Этотъ богъ называется у нихъ Торымъ, какъ и у Вогуличей. Но самая выспренность понятія о высшей силѣ вела грубые, матерьяльные умы къ обоготворенію ближайшихъ, болѣе осязательныхъ могуществъ, въ видѣ второстепенныхъ боговъ, нужныхъ, такъ сказать, для житейскаго обихода. Своекорыстіе наслѣдственныхъ шамановъ воспользовалось слабоуміемъ толпы, и превратило ея суевѣрные страхи и чаянія въ неприкосновенные догматы Здѣсь, какъ и у Самоѣдовъ, особенно содѣйствовало шаманамъ благоговѣйное чувство народа къ его усопшимъ. По погребеніи тѣла вмѣстѣ съ нартою, запряженной оленями, а у Низовыхъ Остяковъ еще съ трубкою и табакомъ, грубое деревянное изображеніе умершаго ставится въ юртѣ и пользуется божественными почестями такъ долго, какъ присудитъ ему ша-

манъ. Онъ осматриваетъ тѣло и среди заклинательныхъ обрядовъ возвѣщаетъ, что̀ причиною смерти усопшаго, любовь къ нему божества, или его собственные грѣхи. Служеніе такимъ семейнымъ святымъ поручается въ особенности женщинамъ. Садясь за пищу, онѣ каждый разъ обязаны приносить въ жертву истукану что-нибудь съѣстное, а если это истуканъ мужа, вдова должна еще обнимать его и оказывать ему всѣ другіе знаки супружеской любви. Гдѣ народный обычай сохранился въ чистотѣ, тамъ поклоненіе мертвымъ продолжается, говорятъ, три года, и только послѣ этого болванъ предается землѣ. Но если умретъ шаманъ, его деревянное изображеніе остается предметомъ почестей на безсрочное время. Потомство бережетъ его изъ рода въ родъ, и искусными прорицаніями можетъ выманивать для него жертвъ точно такъ, какъ и для настоящихъ кумировъ, чтимыхъ не одною семьей а цѣлымъ пламенемъ. Но и эти второстепенные божки конечно также историческаго происхожденія: едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что сначала это были памятники людей, чѣмъ-нибудь отличныхъ, но что мало по малу, для сохраненія ихъ въ чести, шаманы толками о чудесахъ умѣли придать имъ сверхъестественное значеніе. Такъ составились преданія о благодѣтельномъ Эртикѣ и воинственномъ Еланѣ или Елялѣ, о Лонгѣ, покровителѣ всякаго художества, о Мейкѣ, который сбиваетъ съ пути проѣзжихъ, какъ Русскій лѣшій, и о многихъ другихъ. Изображенія ихъ, по большей части, деревянныя куклы безъ ногъ, съ набивнымъ туловищемъ и нерѣдко съ металлическимъ лицемъ.

Самоѣды также исповѣдуютъ Вѣчнаго Бога, *Нумъ*, и увѣряютъ, что изобразить его невозможно. Молитва ихъ къ нему заключается въ словахъ *Нумъ тадъ* и *Нумъ арка*, Богъ дай и Богъ великъ. Послѣднее должно разумѣть въ смыслѣ благодаренія. Подъ именемъ *тадебціевъ*, ложно называемыхъ полубогами, они очевидно понимаютъ существа, приближенныя къ Всевышнему и посредствующія между имъ и человѣкомъ. Жрецы ихъ называются *тадыбами*, и вы невольно замѣчаете это нерѣдко встрѣчаемое созвучіе въ имени божествъ и жрецовъ. Кумиры тадебціевъ ставятъ на островѣ Вайгачѣ и иныхъ прибрежныхъ мѣстахъ подъ именемъ *хаіе*, и приносятъ имъ въ жертву оленей и другіе дары. Самоѣдское названіе Вайгача, Хаіодея, значитъ страна кумировъ. Къ бѣлому медвѣдю, какъ сильнѣйшему созданію божества, оказываютъ они такое жъ благоговѣніе, какъ Остяки къ черному. Они также клянутся пастью этого звѣря; впрочемъ подобно Остякамъ убиваютъ его, ѣдятъ, но всегда задобриваютъ, чествуютъ по смерти, и напримѣръ ни за что не позволятъ женщинѣ отвѣдать его головы. Куреніе медвѣжьимъ саломъ считается лучшею предосторожностью отъ бѣдъ и неудачь на промыслѣ, которыя приписываютъ зложелательству врага и особенно близости женщинъ.

11 Декабря выога затихла, и при 22 градусахъ мороза и слабомъ юговосточномъ вѣтеркѣ небо цѣлый день было безоблачно и сине. Горный хребетъ виднѣлся совершенно явственно, но въ весьма различныхъ оттѣнкахъ. Въ теченіи двухъ послѣднихъ дней снѣжные скаты сперва казались бѣлыми, а около полудня, когда солнце немного взходило, они горѣли огнен-

нымъ заревомъ, какъ Швейцарскія Альпы по утрамъ и вечерамъ. Хребетъ заслоняетъ около девятой части горизонта и оканчивается, съ обѣихъ сторонъ крутыми скатами. Глубокіе продолы дѣлятъ его на пять особыхъ купъ. При низменности солнца, около ближайшихъ холмовъ странно было видѣть въ зрительную трубу волнистое движеніе воздуха, направлявшееся по вѣтру. Въ умѣренныхъ климатахъ явленіе это довольно обыкновенно по утрамъ при лѣтнемъ знoѣ, и происходитъ оттого, что легкіе пары росы, сильно нагрѣтые лучами солнца, подымаются въ болѣе холодные слои воздуха.

Послѣ обѣда разсыльный казакъ привелъ намъ двухъ Остяковъ съ нартами. Они сказали, что оставили на дорогѣ къ горамъ шалашъ, который мы можемъ взять съ собою; но много толковали объ опасностяхъ подыматься на горы въ это время года: вьюги, по словамъ ихъ, бываютъ тамъ весьма часто, и такія сильныя, что не выдержитъ ни какой шалашъ. Однако жъ насъ увѣряли прежде, что многіе Самоѣды и середи зимы проѣзжаютъ горами на ярмонку, слѣдственно въ возможности такого перехода не было сомнѣнья.

Наши Остяки были люди статные и здоровые; одежда, олени и нарты все показывало ихъ достатокъ. При видѣ водки они почувствовали къ ней неодолимое влеченіе. Когда мы дали имъ нѣсколько глотковъ, они неотступно просили еще немного и потомъ еще; надобно было отказать имъ на отрѣзъ, чтобы заставить ихъ тронуться съ мѣста. Къ удивленію, дорогой эта страсть исчезла совершенно, и мѣсто болѣзненныхъ судорожныхъ позывовъ и тѣлодвиженій заступило спокойствіе неутомимой силы и дѣятельности.

Мы выѣхали изъ Обдорска 12 декабря, часовъ въ одиннадцать, на разсвѣтѣ. Термометръ показывалъ болѣе 27 градусовъ холода. Сперва Полуемъ, потомъ Обью, достигли мы бугристой равнины, которая подымалась примѣтнымъ образомъ. На ней росли только нагія лиственницы, не болѣе трехъ саженъ въ вышину, да и то довольно рѣдко: въ промежуткахъ деревъ можно было ѣхать четверкою въ рядъ. Еще въ долинѣ рѣки попались намъ двѣ куропатки, бѣлыя какъ снѣгъ, такъ что сначала мы ихъ не разсмотрѣли; онѣ бѣжали передъ самыми нартами и не оказывали ни малѣйшей боязни.

При захожденіи солнца, то есть часа черезъ полтора по отъѣздѣ, достигли мы обѣщаннаго шалаша. Это былъ обыкновенный чумъ изъ жердей, обтянутыхъ олеными шкурами, и принадлежалъ семьѣ Самоѣдовъ. Олени были уже собраны вокругъ; въ нѣсколько минутъ хозяйка сняла шалашъ и вмѣстѣ съ двумя котлами увязала на длинную нарту, на другую сѣла съ ребенкомъ сама, а мужчины размѣстились на три остальныя. Когда нашъ обозъ тронулся, за нимъ слѣдовала длинная вереница оленей. Мы переѣхали черезъ Ханами, маленькую рѣчку, текущую на юговостокъ. Въ сумерки, около пяти часовъ вечера, на сѣверо-западѣ упалъ шаръ зеленовато-огненнаго цвѣта. обыкновенность этихъ метеоровъ въ здѣшнемъ краѣ Оказывается уже тѣмъ, что у Остяковъ есть для нихъ особенное названіе, *хозиль питесъ*.

Въ половинѣ шестаго остановились отдохнуть на гладкой равнинѣ. Проводники, разрывъ снѣгъ руками, увидѣли мохъ и, находя это мѣсто удобнымъ для ноч-

лега, отпрягли оленей и пустили на волю. Одинъ изъ мужчинъ срубилъ нѣсколько лиственницъ и раскололъ ихъ въ щепы; все прочее предоставлено было Самоѣдкѣ. Изъ жердей выбрала она двѣ, которыхъ верхніе концы были связаны ремнемъ, и воткнула ихъ въ снѣгъ сажени на двѣ другъ отъ друга; потомъ уперла прочія жерди въ точку соединенія первой пары, оставивъ въ одномъ мѣстѣ аршинный промежутокъ для прохода. Этотъ остовъ покрыли двойной настилкою изъ оленьихъ шкуръ; нижняя была мѣхомъ внутрь, верхняя — наружу. Шкуры сшиты для этого заранѣе и весьма искусно обвиваются вокругъ жердей, какъ холстъ въ видѣ спирали; не нужно ни веревокъ, ни ремней: онѣ держатся собственною тяжестью. Аршина на два отъ земли Самоѣдка привязала къ стойкамъ чума двѣ поперечины, повѣсила на нихъ котелъ, высѣкла огня и зажгла щепы, приготовленныя въ ящикѣ съ пескомъ среди чума. Между тѣмъ одинъ изъ мужчинъ снаружи окопалъ шалашъ снѣгомъ, а когда внутри началъ спираться дымъ, онъ сдѣлалъ въ этой насыпи отверзтіе по вѣтру; кромѣ того, для выпуска дыму, верхніе концы жердей были оставлены непокрытыми. Въ чумѣ для хозяина разостлали на снѣгу прутяную рогожку, а для прочихъ однѣ оленьи шкуры и платья. Въ полчаса было все готово; общество съ родостью хлынуло въ чумъ, и усѣлось спиною къ стѣнѣ, а къ огню ногами. Мужчины и здѣсь обнажили грудь, прикрывая только спину шубами. Тутъ мы замѣтили, что Самоѣдскія малицы, не такъ какъ у Остяковъ, спереди разрѣзныя.

Между тѣмъ началась стряпня, въ которой дѣйство-

вала опять одна хозяйка. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ чума взяла она чистаго, нетронутаго снѣгу и положила въ котелъ, чтобъ распустить воды для питья. Въ другомъ котлѣ варилась похлебка изъ муки, которую Самоѣды обыкновенно возятъ съ собой зимою. Иногда подбавляютъ въ муку оленьей крови или порсы; но мясо парное и мерзлое всегда ѣдятъ сырьемъ. Тотчасъ послѣ стола двое мужчинъ пошли стеречь оленей, которые между-тѣмъ успѣли уже довольно отдалиться. Они вооружились шестами, обыкновенно употребляемыми при ѣздѣ, и когда воротились черезъ нѣсколько часовъ, другіе пошли на смѣну.

Этотъ чумъ принадлежалъ шестидесятилѣтнему Самоѣду, который, кромѣ разрѣзной малицы, отличался отъ Остяковъ сѣдою бородой, нѣсколько закрученной къ верху. Подобно прочимъ мужчинамъ его племени, онъ былъ высокъ; ни ростомъ, ни лѣтами не подходилъ онъ къ женѣ своей, маленькой и очень молодой женщинѣ. Ихъ всюду сопровождалъ двухлѣтній сынъ. Мать еще кормила его грудью, а онъ ужъ бѣгалъ и говорилъ порядочно.

Изъ пятидесяти оленей, составлявшихъ наше стадо, только двадцать принадлежали Самоѣдамъ. Впрочемъ намъ сказывали, что на сѣверѣ, ближе къ морю, есть у нихъ другой чумъ, въ которомъ они оставили родственниковъ и оленей. Тамъ промышляютъ они лѣтомъ, а теперь, по случаю ярмонки, прикочевываютъ къ Обдорску, ежедневно перемѣняя мѣсто, чтобъ олени находили себѣ кормъ.

Изъ четверыхъ остальныхъ мужчинъ нашего общества, кажется, только двое говорили между собой

преимущественно по-Остяцки; двое другихъ употребляли и Самоѣдскій языкъ и одежду, по навыку ли отъ народа, съ которымъ постоянно водились, или потому, что принадлежали къ нему дѣйствительно. Они съ тридцатью оленями отдѣлились отъ прежнихъ своихъ товарищей только для того, чтобы провожать насъ. У всѣхъ былъ цвѣтущій здоровый цвѣтъ, какой мы рѣдко видали у верховыхъ Остяковъ. При этомъ они были широкоплечи и рослы, какъ Обдорскіе казаки, которые въ здѣшнемъ краѣ слывутъ гигантами.

Какъ скоро всѣ наѣлись до сыта, перестали подкладывать дровъ, и огонь началъ гаснуть. Каждый устроилъ себѣ постель, каждый тщательно укрылся шубами, — и должно отдать имъ справедливость, они такъ славно берегутъ отъ холода, что мы спали какъ не льзя лучше, тогда какъ и подъ нами и подлѣ насъ въ снѣгу было 28 градусовъ морозу, и холодный воздухъ не шелъ въ дымовое отверстіе только развѣ пока пылалъ огонь.

На другой день, въ пять часовъ утра, въ чумѣ всѣ проснулись. Нѣсколько углей тлѣлось еще на очажкѣ, и тотчасъ развели на нихъ яркое пламя. Въ ожиданіи разсвѣта мы сдѣлали себѣ чаю, а Самоѣды позавтракали своей мучной похлебки и оленины, потомъ двое пошли собирать стадо. Небо было ясно по прежнему, но порывистый сѣверный вѣтеръ дулъ прямо съ горъ.

Давно я замѣчалъ въ оленяхъ падкость къ человѣчьей уринѣ, но особенно убѣдился въ этомъ здѣсь. Едва кто-нибудь выползалъ изъ чума за нуждою, олень подбѣгалъ стремглавъ и, протягивая нижнюю губу, старался ловить урину налету. Отогнали одно-

го, вмѣсто его приходитъ цѣлая стая, и съ неимовѣрной жадностью лижетъ обмоченный снѣгъ. Смѣлость ихъ при этомъ тѣмъ удивительнѣй, что во всѣхъ другихъ случаяхъ они чрезвычайно робки и брезгливы: ни за что не возьмутъ у васъ лучшей пищи прямо изъ рукъ; бросьте имъ моху, они понюхаютъ, а ѣсть не станутъ.

Сорока была единственнымъ обитателемъ здѣшнихъ мѣстъ, да и та быть-можетъ прилетѣла сюда за нами. По крайней мѣрѣ, она сидѣла у нартъ, когда еще не успѣли поставить чума, и вплоть до нашего отъѣзда ее видѣли по близости. Конечно появленіе сорокъ и воронъ въ самыхъ пустынныхъ краяхъ придало имъ въ глазахъ Самоѣдовъ и Камчадаловъ ту чародѣйственность, какую они замѣчаютъ въ этихъ птицахъ, и которая даже сдѣлала ихъ предметомъ мимическихъ піесъ.

Оленей пригнали всѣхъ, но запрягли только три длинныя нарты, потому что одни молодые люди отправлялись съ нами въ горы, прочіе обѣщали ждать насъ на мѣстѣ до вечера. Вскорѣ мы достигли рѣчки Ханами и ѣхали внизъ по ея теченію. Совсѣмъ неожиданно влѣво отъ насъ показались живописные утесы. Породу составляли отвѣсныя плиты футовъ въ двѣнадцать толщиной; снизу, мѣстами прикрывалъ ихъ снѣгъ и каменные обломки, вверху онѣ были совсѣмъ обнажены. Оставивъ сани на льду, мы взобрались на берегъ и увидѣли, что это кристалловатый зеленый камень. Утесы торчали надъ нами все круче и круче, подымаясь можетъ-быть отъ трехъ до четырехъ сотъ футовъ надъ поверхностью рѣки. Не было возможности идти далѣе, и послѣ этого перваго знакомства

съ замѣчательнымъ кряжемъ Обдорскаго хребта, надлежало разстаться съ нимъ поневолѣ.

На возвратномъ пути къ санямъ насъ порадовалъ кустарникъ, покрывавшій не только берегъ, но и окрестныя высоты. Мы еще пріятнѣе изумились видомъ четырехъ чумовъ, которые стояли одинъ подлѣ другаго на плоскости праваго берега; передъ ними, на снѣжномъ коврѣ, пестрѣли оживленныя группы Самоѣдовъ. Проводники тотчасъ направили туда наши нарты въ надеждѣ выпросить свѣжихъ оленей на припряжь; но насъ встрѣтили извѣстіемъ, что въ эту ночь волки жестоко потрепали стадо, и неизвѣстно, много ли его успѣютъ собрать, потому что еще не возвращались съ поиска. Передъ чумами лежалъ трупъ оленя. Затылокъ у него былъ прокушенъ, и черепъ опорожненъ; изъ прогрызеннаго бока торчали ребра, морда и все прочее оставалось въ цѣлости.

Тутъ нашли мы нѣсколько Самоѣдокъ, и всѣ онѣ, какъ наша первая знакомка, были малы ростомъ. Мужчины напротивъ того высоки и стройны; оба пола совершенно различаются одеждою: у мужчинъ, какъ мы видѣли, малица и паркъ, только съ разрѣзомъ, а женщины носятъ родъ кофты изъ собаки, волка и россомаха, иногда съ нашивками Европейскихъ тканей. Сзади у этого платья виситъ обыкновенно россомашій хвостъ. На головахъ у нихъ россомаховыя шапки или, точнѣе, шляпы съ широкими полями, распущенными по бокамъ. Изъ-подъ шапокъ висятъ косы, составляющія предметъ особенной заботливости. Онѣ украшены разными металлическими вещами, которыя брячатъ при малѣйшемъ движеніи, и

для этого убора Самоѣдкѣ ничего не жаль. У одной изъ нихъ видѣлъ я ржавый, но еще совсѣмъ цѣлый ружейный замо̀къ, привязанный къ концамъ косъ вмѣстѣ съ множествомъ желѣзныхъ и мѣдныхъ колецъ (Л. II—3).

Эти бродячіе Самоѣды ѣздятъ только на оленяхъ. Множество маленькихъ собакъ держатъ на убой, для мѣховъ. Впрочемъ здѣшнія собаки совѣмъ не той породы, какъ Остяцкія: онѣ желты и вѣроятно происходятъ отъ лисицъ. Притомъ онѣ гораздо дичѣе, и своимъ тонкимъ голосомъ безпрестанно лаютъ на незнакомыхъ.

Мы не дождались возврата посланныхъ за оленями и, проѣхавъ версты двѣ внизъ по рѣкѣ Ханами, стали взбираться на горы, которыя были здѣсь немного отложе и состояли преимущественно изъ первичнаго сланца. Олени карабкались за нами по уступамъ какъ козы, и встащили легкія нарты почти до того мѣста, гдѣ мы остановились послѣ двухчасовой ходьбы.

Если Обдорскія Горы существенно разнятся отъ Урала направленіемъ пластовъ, которое простирается здѣсь на сѣверозападъ, зато въ геогностическомъ отношеніи онѣ во многомъ подходятъ къ главному хребту, и можно ожидать отъ нихъ такого же минеральнаго богатства.

Въ 600 футахъ отъ того мѣста, гдѣ мы вышли на горы изъ долины Ханами, росли еще кое-гдѣ по ущельямъ лиственницы; но подъ конецъ и самые толстые стволы оставались очень низкими, сохраняя одна-

кожъ прямизну, которая такъ рѣдка въ породѣ горныхъ сосенъ. Такъ же высоко отъ долины подымается въ разсѣлинахъ саженная ольха. Только въ падяхъ, гдѣ горная дорога съуживается, находили мы на футъ снѣгу, и проводники наши увѣряли, что онъ лежитъ здѣсь даже лѣтомъ, когда на прочихъ скатахъ и вершинахъ его уже нѣтъ. Въ теплое время Самоѣды уходятъ съ стадами въ ущелья, гдѣ и теперь мы видѣли много оленьихъ слѣдовъ. Между прочимъ попалась намъ волчья западня, — ящикъ, спрятанный въ камняхъ, и надъ нимъ доска, на которой лежатъ тяжести и которая накрываетъ его внезапно.

Еще выше, поверхность утесовъ совсѣмъ обнажена; только по восточнымъ краямъ ихъ нанесло снѣгу буграми, да и то такъ мало, что во многихъ мѣстахъ торчатъ изъ-подъ него длинные клочья мху. Для объясненія этого безснѣжія мало сильныхъ сѣверозападныхъ бурь, которыя бушуютъ въ горахъ зимою; оно доказываетъ еще сухость верхнихъ слоевъ воздуха и высоту нижнихъ облаковъ, которая гораздо значительнѣй въ сѣверномъ Уралѣ и на Обдорскихъ Горахъ, нежели въ сѣверной Европѣ: ни одна вершина въ 4000 футовъ вышины не достигаетъ ихъ области.

Крутыя и совсѣмъ безснѣжныя купы подымались по обѣимъ сторонамъ тѣснины, къ которой мы потомъ пришли и которая вела на западъ. Но вѣтеръ съ этой стороны дулъ такъ сильно, что Самоѣды рѣшительно отсовѣтовали намъ дальнѣйшій путь. Оленей оставили они у послѣдняго уступа. Мы принесли изъ обоза дровъ и огня, чтобъ вскипятить воды и опредѣлить температуру точки кипѣнія. По сравненіи ея съ тою, какую мы нашли у подошвы горъ, оказа-

лось полтора градуса разницы, слѣдственно мы были на высотѣ 1600 футовъ.

Къ востоку, черезъ широкій валъ предгорій, намъ открывалась бугристая равнина, по которой вьется Хаками. Солнце уже зашло, но заря обливала снѣжную гладь розовымъ пламенемъ, и только впадины лежали во мракѣ. Воздухъ былъ совершенно чистъ и безтуманенъ; отъ ближайшихъ предметовъ свѣтло-зеленыя тѣни живописно стлались по землѣ. Онѣ были еще виднѣе, когда мы взбирались на горы, и лучи заходящаго солнца упадали въ горизонтальномъ направленіи.

На возвратномъ пути, съ радости о благополучномъ окончаніи поѣздки, наши проводники пустили оленей подгору во всю прыть. Мѣсяцъ ясно освѣщалъ долину, когда мы къ ней приблизились; далѣе мы обогнали два длинные обоза бродячихъ Самоѣдовъ. Они по обыкновенію шли медленно; только молодыя оленята какъ собачонки бѣжали за нартами, гдѣ были запряжены ихъ матки. Тутъ мы узнали семьи, съ которыми встрѣтились поутру, и услышали, что стада ихъ совсѣмъ не такъ потерпѣли отъ волковъ, какъ можно было бы думать. Волки заѣли только двухъ оленей, прочіе разбѣжались и въ теченіи дня собрались всѣ. Эти Самоѣды были побогаче нашихъ; они уступили имъ олененка, а, послѣ многотруднаго странствія, это былъ для нихъ лакомый кусокъ. Мы отыскали нашъ чумъ, но уже не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ наканунѣ. Радостные крики встрѣтили насъ издалека.

У Самоѣдовъ есть обыкновеніе сваливать всѣ съѣстные припасы на полу противъ двери, и эта часть

жилья, называемая *синикуй*, пользуется тогда какимъ-то особеннымъ уваженіемъ: ни одной женщинѣ не позволяется тутъ проходить, а вообще онѣ свободно ступаютъ даже по сидѣньямъ и постелямъ. И теперь только-что мы пріѣхали, у насъ отобрали чай и всѣ припасы, и положили туда, пока они понадобятся.

Молодой олень, котораго добыли на пути, былъ тотчасъ убитъ и ободранъ передъ чумомъ. Мужчины принялись за окровавленное и парное мясо съ величайшей жадностью. Старикъ хозяинъ только высосалъ мозгъ изъ черепа, а молодые люди взяли по ногѣ и каждый оглодалъ свой участокъ, въ буквальномъ смыслѣ, до кости. Кровь текла у нихъ изо рту; нашъ Чухонецъ не могъ опомниться отъ изумленія, а Самоѣды смѣялись его простотѣ. Даже грудной младенецъ получилъ свою долю сыраго мяса. Этотъ мальчикъ, именемъ Пейна, такъ же постепенно привыкъ къ сахару, какъ взрослые Самоѣды къ водкѣ. Сначала онъ его бросилъ, думая, что это снѣгъ; но послѣ, едва мы принимались за чайный приборъ, онъ всегда просилъ дать ему кусочекъ. Хлѣбъ нашъ тоже понравился ребенку, хотя очень крѣпко замерзъ, такъ что даже большіе съ трудомъ его откусывали. Вечеромъ клали нагаго мальчика въ ладьеобразную плетушку, какую мы видѣли и у Остяковъ, и такъ плотно укутывали мѣхами, что крикъ его раздавался какъ изъ-подъ земли. Утромъ мать вынимала его опять нагаго изъ постели и согрѣвала передъ огнемъ. Только собираясь въ путь, она одѣвала его въ двѣ шубы и вытолкнувъ за двери, сама принималась укладывать палатку. Мальчикъ то-и-дѣло падалъ въ снѣгъ,

но никогда не кричалъ, зная по опыту, что за нимъ не смотрятъ только до тѣхъ поръ, пока заняты важными дѣлами. Когда всѣ нарты готовы, мать опять закутываетъ его въ люлькѣ, и привязываетъ ее подлѣ себя.

Мнѣ очень хотѣлось снять высоту Обдорскихъ горъ, которую приблизительно полагаю въ 4500 футовъ; но во-первыхъ ненастье, потомъ нетерпѣніе и ропотъ нашего переводчика и проводниковъ, наконецъ, — и всего болѣе, — недостатокъ въ перемѣнныхъ оленяхъ, — вотъ препятствія, которыя принудили меня оставить мое намѣренье и въ тотъ же день поспѣшить съ Обдорскъ.

Самоѣды, которыхъ мы встрѣчали дорогою, шли теперь прямо съ береговъ Ледовитаго Моря и были еще богаты тамошними произведеніями. Постромки ихъ оленей вырѣзаны изъ тюленьихъ и дельфиньихъ кожъ; мамонтовы зубы, изъ которыхъ дѣлаются разныя мелочи къ санямъ и сбруѣ, туземцы почитаютъ морскимъ же произведеніемъ, потому что волны, по большей части, вымываютъ эти зубы изъ прибрежныхъ наносовъ, и тутъ-то Самоѣды собираютъ ихъ. Настоящую свою родину они называли *Арка-я*, то есть, большая земля; это край, который Русскіе, слѣдуя Самоѣдамъ, именуютъ Большеземельскимъ Берегомъ, и который простирается отъ устья Печоры до Оби.

Въ 1771 году, для обозрѣнія этой стороны, студентъ Зуевъ, товарищъ знаменитаго Палласа, лѣтомъ ѣздилъ изъ Обдорска къ Ледовитому Морю. Весь іюнь мѣсяцъ прошелъ въ сборахъ и приготовленіяхъ. Надлежало запастись множествомъ перемѣнныхъ оленей, по-

тому что они очень скоро устаютъ. Въ эту пору не было бы возможности проѣхать двѣсти верстъ черезъ тундряную полосу, образующую сѣверный край Сибири, еслибъ она не растаявала только на одинъ футъ и еслибъ непосредственно подъ верхнимъ мхомъ не лежала мерзлая земля и ледъ, гдѣ олени находятъ твердую опору, и такимъ образомъ влекутъ легкія сани по влажной поверхности. Колебанія этого мшистаго слоя, довольно упругаго для полозьевъ, ни сколько не затрудняютъ хода саней, тогда какъ ѣзда на колесахъ здѣсь вовсе невозможна.

Полуемъ и Обью Зуевъ плылъ два дня на ладьѣ до того мѣста, гдѣ ожидали его олени. Берега этихъ рѣкъ и здѣсь еще покрыты хвойникомъ и ивами. Третьяго Іюля поѣхалъ онъ на оленяхъ отъ Оби прямо къ сѣверу низменными мѣстами, поросшими осокою, мелкимъ тальникомъ и березникомъ, андромедами и другими водными растеніями. По мокрымъ и иловатымъ буграмъ изрѣдка попадались мелкія лиственницы; равнина испещрена болотами, которыя кое-гдѣ принимаютъ видъ озеръ. Въ тотъ же день путешественникъ достигъ рѣки Хаіи, текущей изъ горъ въ Обскую Губу. Она до пятнадцати сажень въ ширину, и хотя довольно быстра, но вода въ ней свѣтла и прозрачна. Край, лежащій вверхъ по ея теченію, былъ чрезвычайно однообразенъ. Скудныя лиственницы становились все рѣже, и выше полуторы сажени не было ни одной. Промежутки наполнены самымъ мелкимъ тальникомъ и ольхою, а въ ложбинахъ только густымъ оленьимъ мхомъ. Шестаго числа Зуевъ увидѣлъ каменистыя горы, въ которыхъ

онъ узналъ сѣверную отрасль Уральскаго хребта. Дорога черезъ нихъ была такъ затруднительна для оленей, что многіе изъ нихъ падали отъ усталости. Самоѣды, по всегдашнему обыкновенію своему въ такихъ случаяхъ, пускали имъ кровь изъ хвоста, но и это средство не всѣмъ помогало, и только съ величайшимъ трудомъ добрались на нихъ до Щучьей рѣки. Она, подобно Хаѣ, выходитъ изъ горъ и впадаетъ въ Обскую Губу; ширина ея во многихъ мѣстахъ болѣе двадцати саженъ, но по причинѣ иловатаго дна и глинистыхъ береговъ вода этой рѣки чрезвычайно мутна.

Лиственница здѣсь въ сажень вышиной, а далѣе она вовсе исчезаетъ. Запасшись дровами, путешественники пустились на сѣверъ по высокимъ, но часто совсѣмъ обнаженнымъ равнинамъ. Между ними во впадинахъ было множество немалыхъ озеръ, гдѣ часто встрѣчается рыба; по-крайней-мѣрѣ колючки и мелкіе чебаки водятся здѣсь до самаго морскаго берега.

Послѣ трехдневнаго переѣзда горами первичнаго образованія, путешественникъ нашъ 12 іюля прибылъ на берега Лѣсной, получившей это названіе отъ мелкаго лѣсу, которымъ украшены ея крутые берега, и который появляется здѣсь опять вовсе неожиданно. Но далѣе до самаго моря не находите рѣшительно ничего, кромѣ нѣкоторыхъ водорослей и морошки. 14 Іюля Зуевъ увидѣлъ морской заливъ, который Самоѣды называютъ Подаретти Нага, а Русскіе Лѣсной Губою, и на другой день переѣхалъ чрезъ подошву хребта, оканчивающагося между этою губой и Карскимъ Заливомъ. Здѣсь многія пади, наполненныя снѣ-

гомъ, пускаютъ отъ себя обильные ручьи. Потомъ черезъ болотистыя тундры путешественникъ достигъ Лучной Губы, которой правый берегъ ровенъ и песчанъ. Море убыло съ него слишкомъ на 60 саженъ, и вода была такъ холодна, что, не смотря на теплоту воздуха, не доставало силъ пробыть въ ней самое короткое время.

По ту сторону губы простирались низменныя болотистыя равнины; далѣе мѣстоположеніе было гористо, но промежутки высотъ заключали въ себѣ большія озера. Вечеромъ 18 іюля, путешественникъ достигъ высокаго каменнаго хребта, которымъ оканчивается здѣсь главная отрасль Урала. Остановившись ночевать при одномъ озерѣ, онъ и его товарищи нашли тамъ многочисленныя стаи дикихъ облинявшихъ гусей и наколотили ихъ палками, сколько хотѣли.

На другой день, въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда, наѣхали они на оленьи стада, пасомыя Самоѣдами и принадлежащія жителямъ Обдорска. Они перемѣнили здѣсь семьдесятъ оленей и продолжали путь по тундрѣ, покрытой озерами, рѣчками и болотами. Высокія голыя и острыя вершины каменнаго кряжа, верстахъ въ двадцати отъ морскаго берега, раздробляются и исчезаютъ; но главный хребетъ Урала отходитъ на западъ и простирается высокими горами вплоть до Новой Земли.

Наноснаго лѣсу на всемъ этомъ берегу не замѣчено. Попадается небольшими кусочками янтарь, который слыветъ у Русскихъ промышлениковъ морскимъ ладаномъ; по временамъ море выкидываетъ большіе обломки каменнаго угля. Статься можетъ, что подъ здѣш-

ними водами погребены обширные дремучіе лѣса. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега море покрыто льдинами, которыя иногда грудою напираютъ къ материку.

Во все время своей лѣтней поѣздки Зуевъ только изрѣдка разставался съ шубою, а въ исходѣ іюля наступили морозы. 23 Числа, въ ночь, полозья саней его обледенѣли какъ въ глубокую осень. Черезъ множество рѣчекъ и озеръ, перемежающихся оконечностями горныхъ скатовъ, путешественникъ ѣхалъ около двухъ дней къ сѣверо-западу и наконецъ достигнулъ устья Кары, отъ которой получилъ свое названіе Карскій Заливъ. Берега его круты, высоки и по большей части песчаны; посерединѣ лежитъ довольно обширный островъ, и оттого можетъ-быть морской приливъ здѣсь не великъ.

Усиливающійся холодъ вынудилъ Зуева поспѣшить возвращеніемъ. 14 Августа онъ былъ уже въ Обдорскѣ, и хотя не засталъ тамъ лѣтняго времени, по-крайней-мѣрѣ нашелъ теплое и удобное жилье.

Изъ Обдорска мы пустимся теперь обратно въ Тобольскъ съ другимъ, новѣйшимъ, путешественникомъ, Г. Эрманомъ.

Остяки, говоритъ онъ, вездѣ встрѣчали насъ какъ старыхъ пріятелей; богатые не забывали и дарить. Погода была пасмурная, снѣгъ шелъ крупными хлопьями, даже чуткіе олени сбивались иногда съ дороги. Подаваясь на югъ, мы были болѣе поражены зрѣлищемъ первыхъ большихъ деревьевъ, нежели постепеннымъ исчезновеніемъ ихъ, когда ѣхали въ Обдорскъ. Въ Березовѣ мы застали трехъ чиновниковъ, которымъ

поручена была ревизія и новая раскладка ясака. Въ теченіи пятидесяти лѣтъ число верховыхъ Остяковъ убыло семью восьмыми. Разумѣется, не одна смерть произвела такой недочетъ: многіе изъ некрещенныхъ удалились отъ береговъ Оби и ея притоковъ въ лѣса и тундры, лежащія далѣе къ сѣверу. Развитіе Русскихъ промысловъ естественнымъ образомъ стѣсняетъ рыболовныя племена по Иртышу и Оби въ ихъ дикомъ, природномъ быту. Мало-по-малу составились артели прасолей для ловли и соленія рыбы, и возрастающая ихъ дѣятельность лишаетъ Остяковъ прежняго приволья. Такія артели употребляютъ иногда по двадцати тысячь рублей въ лѣто для снабженія судовъ своихъ рабочими, провіантомъ и огромными неводами, которые имѣютъ до 350 саженъ въ длину и выносятъ вдругъ пудовъ двѣнадцать рыбы. Онѣ поселяются близъ отмелей, извѣстныхъ обиліемъ улова, нанимая или покупая ихъ у прибрежныхъ Остяковъ, и проводятъ цѣлое лѣто въ самыхъ дѣятельныхъ промыслахъ. Пойманная рыба немедленно солится въ кадяхъ, содержащихъ въ себѣ отъ 800 до 1000 муксуновъ и около 2500 штукъ мелкой рыбы. Цѣнность добычи простирается въ иное лѣто до полутораста тысячь рублей.

Осѣдлые Остяцкіе рыбаки, съ которыми встрѣчались мы по Иртышу отъ Самарова до Деншиковской волости, часто разспрашивали насъ о состояніи своихъ сѣверныхъ родичей, и съ умиленіемъ слушали похвалы тому благословенному краю, гдѣ народъ по прежнему кочуетъ на оленяхъ и гдѣ такое обиліе въ теплыхъ пушистыхъ мѣхахъ.

Неподалеку отъ Тобольска, на крутомъ берегу

Иртыша, мы съ нѣкоторымъ изумленіемъ увидѣли опять закопченыя и бѣдныя юрты. Входимъ, и узнаемъ въ жителяхъ Татаръ, по бритымъ головамъ и прекраснымъ смуглымъ лицамъ. Юрты похожи съ виду на Остяцкія, но внутренность ихъ гораздо опрятнѣй: вмѣсто оленьихъ шкуръ разостланы поземи толстые Бухарскіе ковры, сукно или по-крайней-мѣрѣ войлоки. Мужчины и женщины сидѣли поджавши ноги вокругъ горшка съ кирпичнымъ чаемъ, а подлѣ жирный паръ конины клубомъ валилъ изъ большаго котла. Только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ лѣсистаго берега рѣки найдете нынче къ сѣверу отъ Тобольска этихъ потомковъ прежнихъ властителей Сибири; но богатые лошадьми и знакомые съ нарѣчіями юга, они, какъ и въ старину, предпринимаютъ далекія странствія по дѣламъ торговли.

Пріѣхавъ въ Тобольскъ 27 декабря, мы посѣтили знаменитую въ здѣшнемъ краѣ Абалацкую обитель. Она стоитъ при Иртышѣ, въ двадцати верстахъ выше Тобольска, и заключаетъ въ себѣ чудотворную икону Абалацкія Богоматери, которая ежегодно приносится торжественнымъ образомъ въ Тобольскъ и остается тамъ съ 8 по 22 іюля. Усердные богомольцы во всякое время спѣшатъ многочисленными толпами въ монастырь (Л. II—2).

ГЛАВА VIII.

Ишимская степь. Омскъ. Барнаулъ. Змѣевъ. Серебряный рудникъ. Колывань. Риддерскъ. Устройство рудниковъ. Усть-Каменогорскъ. Красноярскъ. Бѣлки. Коксунския горы. Калмыки. Коргонъ. Бухтарминскъ. Зыряновскъ. Фыкалка. Китайский форпостъ. Колыванское Озеро. Солянов озеро. Рудники и заводы.

Профессоръ Дерптскаго университета, Г. Ледебуръ, недавно обозрѣвалъ хребетъ Алтайскій. Пріѣхавъ въ Тобольскъ 26 февраля 1826 года, онъ черезъ три дня отправился оттуда на югъ.

Неподалеку отъ Тобольска, говоритъ онъ, начинается Ишимская степь, которую конечно не льзя называть степью, разумѣя подъ этимъ именемъ гладкую или бугристую равнину, вовсе лишенную деревъ. Здѣсь напротивъ видите глубокіе овраги, гдѣ весною текутъ вѣроятно многіе ручьи, видите большія березовыя рощи и молодыя деревца, которыя убѣждаютъ васъ, что этотъ лѣсъ не перестаетъ распространяться. Въ другихъ мѣстахъ значительныя полосы покрыты тальникомъ, а близъ Омска ростетъ множество осинъ. Ни гдѣ не видалъ я хвойнаго лѣса. Весь край пересѣкается отъ востока къ западу цѣпями холмовъ, которыхъ сѣверные скаты отлоги, а южные круче, при весьма посредственной высотѣ.

Омскъ, лежащій при втокѣ Ома въ Иртышъ, довольно жалкій городишка. Домы деревянные, весьма немногочисленны и выстроены довольно рѣдко, потому что пожаръ въ короткое время три раза опустошалъ городъ. Хотя благодѣтельность правительства всегда поспѣшала на помощь разореннымъ, однако жъ повтореніе бѣдствія не могло остаться безъ пагубныхъ слѣдовъ. Въ крѣпости есть хорошія зданія, но также все деревянныя. Въ Омскѣ выдѣлываютъ сукно для обмундировки казаковъ.

9 Марта мы пріѣхали въ Барнаулъ, очень хорошенькій городъ. Весна въ этотъ годъ началась ранѣе обыкновеннаго: съ половины марта настало тепло, дни были ясны, а по ночамъ легкій морозъ. Снѣга таяли очень скоро, и я надѣялся, что въ началѣ апрѣля мнѣ можно будетъ отправиться въ Змѣевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я выѣхалъ 9-го. Сначала, передъ вами гладкая равнина, поросшая березою и ивнякомъ; вскорѣ деревья исчезаютъ, вы видите песчаную степь, которая далѣе становится бугриста; ее пересѣкаютъ ручьи, быть-можетъ, засыхающіе лѣтомъ. Это была пора, когда обыкновенно выжигаютъ сухую траву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ это нарочно, потому что иначе окрѣпшіе прошлогодніе стебли затруднили бы сѣнокосъ; но весьма часто, по неосторожности рабочихъ, пожаръ распространяется гораздо далѣе надлежащаго. Днемъ горящая степь только покрыта красноватымъ дымомъ, но въ потьмахъ ея воспламененная поверхность представляетъ чудное зрѣлище. Поля съ хлѣбомъ не вблизи деревень, а въ нѣкоторомъ разстояніи, и часто верстъ

на двадцать отъ дороги. Пространство около жилыхъ мѣстъ опредѣлено для паствы многочисленныхъ стадъ, преимущественно лошадиныхъ. За отдаленностью полей, въ рабочую пору и особенно во время жатвы, въ деревнѣ не бываетъ живой души по нѣскольку дней, иногда цѣлую недѣлю. Только грудныхъ младенцевъ оставляютъ матери съ соскою во рту, и они кормятся какъ смогутъ. Однимъ этимъ обстоятельствомъ можно объяснить себѣ страшную смертность здѣшнихъ новорожденныхъ дѣтей.

Грунтъ подымается наконецъ низкими уступами отъ востока къ западу. По ложбинамъ и вокругъ маленькихъ озеръ ростетъ самый тощій березникъ; надобно думать, что ежегодное выжиганіе травы вредитъ ему. Въ оврагахъ мѣстами лежалъ еще снѣгъ. Разлитіемъ воды снесло мостъ съ рѣчки Локтевки. Ольха и ивнякъ означаютъ теченіе ея по степи. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ яснѣе становятся горы, и одна вершина за другой выникаетъ изъ туманной синевы.

12-го Апрѣля я пріѣхалъ въ Змѣевъ, или Змѣиногорскъ, довольно обширный городъ, лежащій на 1,300 футовъ выше морской поверхности у подошвы Алтая, середи холмовъ, которые теряются къ западу въ степяхъ между Иртышемъ и Обью. Нѣмцы называютъ его съ переводу Шлангенбергомъ. Я съ изумленіемъ увидѣлъ здѣсь еще много снѣгу, и узналъ, что обыкновенно выпадаетъ его бездна, особенно въ нижней части города, гдѣ домы и улицы бываютъ совсѣмъ занесены; жители вынуждены прорываться снизу. Между тѣмъ въ небольшомъ разстояніи отъ города, напримѣръ верстъ за семьдесятъ, снѣгу идетъ

такъ мало, что скотина остается круглый годъ на открытомъ воздухѣ. Бураны или вихри съ мятелью, которые часто случаются въ Змѣевѣ и окрестныхъ степяхъ, и непріятны и опасны для путешественниковъ; они наступаютъ такъ внезапно, что рѣдко успѣешь взять отъ нихъ предосторожности. Лучшее средство остановиться и переждать буранъ, а послѣ легко выбраться изъ-подъ рыхлаго снѣгу, которымъ занесетъ васъ; по-крайней-мѣрѣ вы не подвергаетесь опасности заблудиться, и на большой дорогѣ могутъ подоспѣть къ вамъ на помощь другіе проѣзжіе.

Населеніе Змѣева состоитъ изъ нѣсколькихъ купцевъ и изъ служащихъ и рабочихъ горнаго вѣдомства. Число послѣднихъ не всегда одинаково; теперь ихъ здѣсь до 4,000 человѣкъ. Плавильный заводъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, на берегу Корболихи. Серебряный рудникъ, открытый въ 1745 году, доставилъ много металла: прежде получалось его ежегодно до 600 пудъ, то есть около двухъ третей всего количества, добываемаго съ Колыванскихъ заводовъ; нынѣ рудникъ такъ истощенъ, что положено довольствоваться 80 пудами. Внутренность рудника представляетъ лабиринтъ штолень, отчасти поддерживаемыхъ деревянными и каменными подпорами, отчасти высѣченныхъ въ скалѣ. Подземные водопроводы движутъ огромными колесами, которыя вытягиваютъ воду и руду изъ глубины 110 саженъ. Для перевоза рудъ еще въ 1810 году устроена желѣзная дорога около полуторы версты въ длину. Одна лошадь подымаетъ на ней до 400 пудовъ и болѣе.

Почти всѣ горы вокругъ Змѣева состоятъ изъ гли-

нистаго сланца, всѣ отлого покаты къ юго-западу и нѣсколько круче къ востоку. Теперь нѣтъ на нихъ ни малѣйшаго слѣда прозябенія, а, говорятъ, прежде онѣ были очень лѣсисты, да и имя одной изъ нихъ это доказываетъ.

Къ западу отъ города, близъ Корболихи, есть много ломней известняка. На югѣ бѣжитъ прекрасный Демидовскій ручей, и это тѣмъ болѣе примѣчательно, что во всѣхъ другихъ источникахъ вода безвкусна и мутна. Впрочемъ неудобство это здѣсь маловажно, потому что воды почти не пьютъ, а все квасъ.

15 Апрѣля я поѣхалъ на Колыванскій заводъ. Дорога идетъ такой же безлѣсной степью, какъ около Змѣевска; по сторонамъ видны только нагіе холмы и между ими ложбины; но въ семи верстахъ мѣстоположеніе совершенно измѣняется: вы здѣсь у подошвы Гледена, — такъ называются прогалины низменныхъ лѣсистыхъ горъ, откуда далеко видна окрестность. Юго-западная покатость Гледена, который простирается на пять верстъ въ ширину, изрѣзана шумными потоками. Главная вершина его на сѣверо-западѣ и возвышается на 1980 футовъ надъ уровнемъ океана. Къ полудню пріѣхалъ я въ Колывань, которой не должно смѣшивать ни съ городомъ Колыванью, учрежденнымъ въ 1822 году на правомъ берегу Оби, ни съ Бердскимъ острогомъ, что при открытіи Колыванскаго Намѣстничества въ 1783 году также былъ названъ Колыванью.

Колыванскій заводъ лежитъ въ 1200 футахъ надъ морской поверхностью у рѣчки Бѣлой, впадающей въ Чарышъ, одинъ изъ притоковъ верхней Оби. Здѣсь

въ 1727 году сыномъ Никиты Демидова, Акинфіемъ Никитичемъ, основанъ первый на Алтаѣ плавильный горнъ, отъ скотораго всѣ окрестные заводы прозваны Колыванскими, или, точнѣе, Колывано-Воскресенскими. Сначала выплавлялась на нихъ только мѣдь. Извѣстно, что до 1782 года ни одинъ частный человѣкъ въ Россіи не имѣлъ права владѣть золотыми и серебряными рудниками, а долженъ былъ уступать ихъ въ казну за опредѣленное вознагражденіе. Поэтому и Колыванскіе рудники, когда открылось въ нихъ существованіе драгоцѣнныхъ металловъ, въ 1747 году отобраны въ казенное вѣдомство.

Въ самой Колывани, за недостаткомъ лѣса, нѣтъ теперь плавильнаго завода, а только шлифовальный. На немъ выдѣлываются прекрасныя колонны, вазы, канделабры, барельефы изъ разноцвѣтнаго порфира и яшмъ. Этимъ заняты постоянно около трехъ сотъ рабочихъ изъ мужиковъ окрестныхъ деревень. Отличныя ихъ издѣлія препровождаются по большей части въ Петербургъ, потому что Колыванскіе заводы состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Императорскаго Кабинета. Перевозятъ ихъ зимою на особенныхъ саняхъ, въ которыя запрягается иногда лошадей двѣнадцать. По прибытіи въ Екатеринбургъ, они остаются тамъ до слѣдующей весны и потомъ водою отправляются въ столицу. Такимъ образомъ въ 1819 году послана въ Петербургъ цѣльная яшмовая чаша въ 9 футовъ $4\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникѣ. Яшма и порфиръ, употребляемые на заводѣ, ломаются преимущественно близъ рѣки Коргона. Не смотря на умѣренность задѣльной

платы, яшмовая чаша, имѣющая футовъ восемь въ поперечникѣ, стоитъ на мѣстѣ до 40,000 рублей.

16 Апрѣля я воротился въ Змѣевъ и осмотрѣлъ ближайшія горы, гдѣ также есть серебряные рудники. На дорогѣ въ Риддерскъ я повстрѣчалъ кочевье Киргизовъ; они живутъ въ войлочныхъ юртахъ, довольно бѣдныхъ и неопрятныхъ. У каждой оставлено наверху отверзтіе для дыма, и вокругъ его все закопчено. Киргизы эти отнюдь не занимаются земледѣліемъ и почти не держатъ скота, а для прокормленія себя идутъ въ пастухи къ поселянамъ, и особенно къ казакамъ; но главный ихъ промыселъ воровство, и они первые конекрады на свѣтѣ. Похищенныхъ лошадей спѣшатъ они переправить за Иртышъ и угоняютъ въ Киргизскія степи, гдѣ трудно отыскать ихъ и не легко получить обратно. Крестьяне часто жалуются на сосѣдство этого народа, который селится обыкновенно близъ казацкихъ форпостовъ. Форпосты точно маленькія деревни, только мѣстами видны въ нихъ слѣды прежнихъ укрѣпленій, вала, частокола или тому подобнаго.

Почти всѣ деревни на дорогѣ отъ Змѣева до Риддерска значительной величины. Крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, разводятъ скотъ и особенно пчелъ: у иныхъ до двухъ-сотъ ульевъ и болѣе. О землеудобреніи не заботятся, и поле, истощенное нѣсколькими жатвами, оставляютъ на произволъ судьбы, выбирая для посѣва новое. Не смотря на младенческое состояніе хлѣбопашества, обыкновенный урожай самъ-семь и самъ-десятъ; самъ-пятъ почитается уже нехорошимъ. Кромѣ четырехъ сортовъ пшеницы, ржи, ячменя и

овса, разводятъ здѣсь и просо, которое родится самъ-сорокъ и самъ-пятьдесятъ. Хлѣбъ часто лежитъ до другаго года въ полѣ большими скирдами, особенно при хорошемъ урожаѣ. Крестьяне продаютъ свой избытокъ въ хлѣбные магазины, которые и здѣсь, какъ на Уралѣ, продовольствуютъ рабочихъ по опредѣленной и дешевой цѣнѣ.

Лошади здѣсь сильныя, и мужики держатъ ихъ очень много, получая большую прибыль отъ перевозки рудъ, дровъ и уголья для заводовъ. Близъ Локтевскаго я спросилъ у одного крестьянина, сколько у него лошадей. «Мы, батюшка, люди одинокіе, у насъ всего сорокъ,» отвѣчалъ онъ. Разумѣется, такое богатство не повсемѣстно. Кромѣ того у здѣшнихъ поселянъ много рогатаго скота и овецъ, не смотря на то, что часть его, ненужная для непосредственнаго употребленія, остается и на зиму въ полѣ. Пчеловодство водворено здѣсь лѣтъ за пятьдесятъ. Послѣ двукратной неудачи, наконецъ успѣли въ этомъ такъ хорошо, что въ заводскомъ округѣ теперь до 80,000 ульевъ. Медъ изъ нихъ превосходнаго качества, почти совершенно бѣлый и чрезвычайно благоуханный. Жители промышляютъ еще охотою и рыбною ловлей.

Въ каждомъ селеніи есть особенный домъ для пріѣзжихъ, гдѣ угощаютъ ихъ какъ не льзя лучше, но порою немного тревожатъ любопытствомъ. Едва провѣдаютъ, что вы изъ дальней стороны, хозяинъ проситъ васъ позволить взглянуть на себя жителямъ деревни, и въ самомъ дѣлѣ сбѣгается чуть не весь сельскій людъ. За постой и пищу не принимаютъ ни какой платы, развѣ только за то чего

нѣтъ у хозяевъ и что имъ самимъ надобно купить. При отъѣздѣ обыкновенно просятъ васъ жаловать въ другой разъ. Такое гостепріимство дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести здѣшнимъ поселянамъ, что, принадлежа къ старообрядчеству, они могли бы неохотно входить въ сношенія съ иновѣрцами, и дѣйствительно почитаютъ нечистою посуду, изъ которой дадутъ имъ ѣсть или пить. Они поселены здѣсь при Императрицѣ Екатеринѣ. Вообще здѣшній народъ состоитъ изъ поселенцевъ и выходцевъ; ссыльныхъ въ заводскомъ округѣ вовсе нѣтъ.

Риддерскъ, куда пріѣхалъ я 28 апрѣля, обязанъ своимъ началомъ открытію серебрянаго и свинцоваго рудника, сдѣланному въ 1783 году однимъ изъ горнослужащихъ, Риддеромъ. По исчисленію 1818 года, этотъ рудникъ заключалъ въ себѣ 3,990 пудъ серебра и 2,003,112 пудъ свинцу. Вода чрезвычайно мѣшаетъ работамъ, которыя производятся теперь ниже текущей здѣсь рѣчки Филипповки; для этого устроены водотяжныя машины, приводимыя въ дѣйствіе другою рѣчкой, Быструхой.

Риддерскъ лежитъ на 2,300 футовъ выше морской поверхности, въ широкой долинѣ. Здѣсь я былъ среди горъ, и изъ оконъ видѣлъ вокругъ себя Убинскіе *Бѣлки*, какъ обыкновенно называютъ здѣсь снѣжныя вершины. Облака останавливались иногда на горахъ и около нихъ, и по временамъ совершенно ихъ закрывали. Когда раздвигалась туманная пелена, горы были видны какъ будто шаговъ за тысячу, а въ самомъ дѣлѣ онѣ гораздо дальше. Въ верстѣ отсюда подымаются низменные холмы къ сѣверу и къ югу; далѣе

съ сѣвера, востока и юга видъ окрасятъ высокими горами, и на сѣверномъ скатѣ ихъ снѣгъ лежитъ круглый годъ. 1 Маія выпало его на футъ глубиною, и хотя наступила уже теплая пора, однако жъ въ началѣ пребыванія моего въ Риддерскѣ бывали по ночамъ морозы. Не смотря на суровость климата, которой причиною значительная высота мѣста, пшеница родится хорошо, только поздно созрѣваетъ. Въ огородахъ разводятъ капусту, картофель, лукъ и другіе овощи. Климатъ очень здоровъ, и здѣсь никогда не слыхать о Сибирской чумѣ, которая господствуетъ къ сѣверу и западу отсюда, и особенно въ Барабинской степи часто похищаетъ не только лошадей, но и самихъ жителей.

Не льзя видѣть безъ удовольствія благодѣтельной заботливости, съ какою въ здѣшнемъ заводскомъ округѣ пекутся о здоровьѣ рабочихъ. Впрочемъ Риддерскъ для нихъ родъ ссылки, потому что присмотръ здѣсь гораздо строже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: кабака нѣтъ, и водка привозится только съ особеннаго разрѣшенія начальства.

Рабочіе дѣлятся на два разряда, на рудокоповъ въ собственномъ смыслѣ и на приписныхъ крестьянъ. Послѣдніе обязаны рубить дрова, жечь уголь, перевозить тяжести; каждая ревизская душа должна работать семнадцать дней въ годъ пѣшкомъ и двѣнадцать съ подводою. До 1779 года приписные крестьяне были освобождены отъ подушнаго оклада, но исправляли за то всѣ работы, какихъ потребуютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они платятъ подушныя, мѣра ихъ занятій опредѣлена, и они получаютъ около двухъ

съ полтиною въ годъ за работу. Горный совѣтъ, состоящій изъ начальниковъ важнѣйшихъ заводовъ и рудокопень подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника Колыванскихъ рудниковъ, собирается каждую весну въ Барнаулѣ и назначаетъ, сколько работъ и какія именно должно произвести въ теченіе года, распредѣляя ихъ по заводскимъ волостямъ, которыя раздаютъ каждая свой участокъ принадлежащимъ къ ней крестьянамъ. Повинность эта бываетъ довольно тягостна по причинѣ большихъ разстояній между деревнями и заводами. Впрочемъ многіе крестьяне сами не работаютъ, а нанимаютъ за себя другихъ. Число приписныхъ крестьянъ простирается теперь до 87,000.

Другой классъ рабочихъ, или настоящіе рудокопы, набираются изъ приписныхъ крестьянъ и изъ дѣтей прежнихъ работниковъ. Въ 1826 году ихъ было 17,514. Они совершенно на солдатской ногѣ, получаютъ паекъ и отъ 20 до 36 рублей жалованья. Этого весьма достаточно для удовлетворенія ихъ нуждъ; дѣятельные и трудолюбивые всегда могутъ достигнуть благосостоянія. Провіантъ, щедро выдаваемый изъ казенныхъ магазиновъ, вполнѣ обезпечиваетъ содержаніе ихъ съ семействами, а въ свободные часы они вольны работать на себя, и нѣкоторые изъ нихъ выручаютъ отъ шести до десяти рублей въ недѣлю во время уборки хлѣба. Они вообще живутъ въ собственныхъ домахъ; у нихъ есть огороды, лошади, коровы, овцы, пчелы; они обработываютъ свои поля, сѣна косятъ на казенныхъ лугахъ сколько надобно, и лѣсомъ пользуются также вдоволь.

Дѣти ихъ до десяти лѣтъ посѣщаютъ учрежден-

ныя для того училища. Потомъ, а иногда и ранѣе, смотря по степени развитія ихъ силъ и по другимъ обстоятельствамъ, мальчики начинаютъ работать и получаютъ паекъ и небольшое жалованье. Когда придутъ въ совершенный возрастъ, ихъ включаютъ въ число рабочихъ, съ прибавкою жалованья, и каждую третью недѣлю освобождаютъ отъ работъ. Многіе изъ этихъ рудокоповъ знаютъ грамотѣ, и вообще дѣльные и зажиточные люди; но и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, не мало пьяницъ и лѣнтяевъ, которые бѣдствуютъ по собственной винѣ. Впрочемъ надобно сказать правду, во всей Сибири не видалъ я ни одного нищаго; послѣдній повстрѣчался мнѣ въ Нижнемъ.

Рабочій обязанъ выслужить сорокъ лѣтъ; но если онъ утратитъ здоровье или по какому нибудь случаю сдѣлается увѣчнымъ прежде этого, то получаетъ увольненіе и небольшую пенсію. Всего болѣе несчастій случается при взрывѣ каменныхъ горъ порохомъ, и причиною тому всегда почти собственная неосторожность и отвага рабочихъ. Раненные пользуются врачебнымъ пособіемъ въ заводской госпитали.

Значительная глубина Колыванскихъ рудниковъ имѣетъ ту выгоду, что во всѣ времена года температура ихъ почти одинакова. Какъ ни сурова здѣсь зима, въ рудокопняхъ отъ 10 до 12 градусовъ теплоты постоянно. Всего болѣе страдаютъ во время стужи тѣ изъ рабочихъ, которые снабжаютъ печи угольемъ, потому что отъ палящаго жара они вдругъ переходятъ на сильный морозъ.

Въ верстѣ отъ Риддерска находится Крюковскій серебряный рудникъ. Онъ открытъ въ 1811 году

горнослужащимъ, Крюковымъ, и принадлежитъ теперь къ числу богатѣйшихъ. По смѣтѣ 1818 года, въ немъ содержится 7,851 пудъ серебра. Въ послѣдствіи сдѣланы еще многія важныя открытія, и между прочимъ найдена руда, которая даетъ 65 золотниковъ серебра изъ пуда.

Хотя по ночамъ еще морозило, но днемъ при ясной погодѣ было довольно тепло. Пользуясь этимъ временемъ, я обозрѣвалъ ближайшія горы, и посѣтилъ Грамматухинскій водопадъ. Грамматуха, самая значительная рѣка въ окрестности, шумно стремится съ высоты Убинскихъ Бѣлковъ, и течетъ въ скалахъ глубоко промытымъ русломъ, пока достигнетъ широкой Риддерской долины, которая отъ водопада на восемь верстъ и при всемъ томъ оглашается его ревомъ. Утесы съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно круты, и часто образуютъ отвѣсныя стѣны, которыя своими зубчатыми вершинами напоминаютъ живописный видъ старинныхъ зáмковъ и крѣпостей. Только мѣстами проточены въ скалахъ ложбинки, гдѣ текутъ ручьи, образуемые таяніемъ снѣговъ и падающіе потомъ высокими каскадами въ Грамматуху. По ущельямъ разбросанъ кустарникъ, береза и особенно пихта, которая видна до самыхъ вершинъ. Ниже, берега рѣки, покрытые разными кустами и деревьями, часто представляютъ картину разрушенія: великаны растительнаго царства, вымытые изъ земли, лежатъ корнями вверхъ между скалъ въ дикомъ безпорядкѣ. Версты четыре, хотя и съ великимъ затрудненіемъ, можно подыматься верхомъ по тропинкѣ, которая вьется вдоль берега, но далѣе скалы сходятся такъ близко и не-

большіе промежутки ихъ такъ загромождены обломками камней и деревъ, что нѣтъ возможности ѣхать. Я слѣзъ съ лошади и, карабкаясь, пробрался еще версты на три вверхъ съ намѣреніемъ достигнуть южнаго ската одной вершины, которая казалась мнѣ выше всѣхъ, но въ этомъ я не успѣлъ, потому что уже стемнилось; притомъ я слышалъ, что здѣсь водятся медвѣди, и хотя они рѣдко нападаютъ на людей, однако жъ все не забавно встрѣтиться съ ними въ ночную пору, почти выбившись изъ силъ отъ усталости. На обратномъ пути, при спускѣ съ одного лѣсистаго ската, проводники шепнули мнѣ, чтобъ я не говорилъ. Спрашиваю зачѣмъ, и узнаю, что тутъ именно бываетъ медвѣжья сходка. Молча спустились мы лѣсомъ къ берегу, и благополучно добрались до лошадей. Въ здѣшнихъ лѣсахъ водятся соболи, но мало; да и мѣха ихъ не имѣютъ большой цѣны по мелкошерстности. Прекрасное прозябеніе, которымъ испещрена дикая долина Грамматухи, вполнѣ вознаградило меня за всѣ трудности этого пути.

6 Маія отправился я изъ Риддерска въ Усть-Каменогорскъ, холмистою страной, орошаемой рѣками, которыя текутъ къ Иртышу. Близъ деревни Бобровской холмы становятся очень низменны, а окрестность принимаетъ видъ степи. Здѣшніе крестьяне вообще зажиточны. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 400 ульевъ, и каждый даетъ среднимъ числомъ около двухъ пудовъ бѣлаго, ароматнаго меду, котораго пудъ продается по 8 рублей. Медвѣди жестоко обижаютъ пчелъ, гдѣ только не стерегутъ ихъ. Говорятъ, они здѣсь такъ догадливы, что преж-

де приподнимають улей, и если онъ покажется имъ легокъ, ставятъ на мѣсто; если жъ напротивъ тяжеловѣсность обличаетъ въ немъ богатый запасъ, медвѣдь прокатитъ его нѣсколько разъ поземи, чтобы выкупать пчелъ въ меду, и лишивъ ихъ способности къ оборонѣ, пользуется своей добычей съ безтревожнымъ наслажденіемъ.

Усть-Камсногорская крѣпость обрыта землянымъ валомъ. Городокъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нея, и состоитъ вообще изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ. Впрочемъ нѣкоторые довольно велики, притомъ опрятны и удобно расположены. Большая часть обывателей казаки, и сверхъ-того есть нѣсколько зажиточныхъ торговцевъ. У одного изъ нихъ, за неимѣніемъ здѣсь гостинницы, полиція назначила мнѣ квартиру. Я изумился разнообразію стола, превосходству винъ и богатству сервиза, которыя ежедневно являлись передо мною во всю бытность мою въ этомъ городкѣ.

Иртышъ здѣсь очень быстръ и около четверти версты шириною. Отъ Бухтарминска почти вплоть до Усть-Камсногорска теченіе его сдавлено утесами, и только здѣсь вырывается онъ изъ горъ. Пересѣкаемый многими плоскими островами, весною онъ выходитъ далеко изъ береговъ и обыкновенно заливаетъ часть города. Въ нѣкоторыхъ домахъ и нынѣшній годъ была вода.

Такъ какъ и въ другихъ быстрыхъ рѣкахъ этого края, ледъ при наступленіи зимы образуется въ Иртышѣ не на поверхности воды, а на днѣ, и подымается уже послѣ. Когда льдины появятся въ большомъ

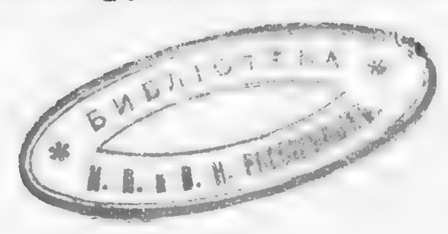
числѣ и завернетъ стужа, онѣ скоро начинаютъ смерзаться комьями и составляютъ довольно крѣпкую кору.

Черезъ рѣку переѣзжаютъ на длинныхъ и весьма узкихъ лодкахъ, выдолбленныхъ изъ цѣльнаго тополя, такъ что дородному человѣку въ нихъ плохой просторъ. Надобно сѣсть на дно, и два казака, вооруженныя негодными веслами, управляютъ ладьею. Не льзя глядѣть на это безъ опасенія; однако жъ меня увѣряли, что несчастій никогда не случается. Казаки, которыхъ дали мнѣ въ провожатые, переправились за мною вплавь на лошадяхъ.

По ту сторону рѣки я пустился къ ближайшимъ холмамъ футовъ въ 400 вышиною. Иртышъ дѣлаетъ здѣсь значительный изгибъ. Дорогою я много разъ встрѣчался съ Киргизами, которые пасутъ большія стада рогатаго скота и особенно лошадей. Я видѣлъ между прочимъ одинъ табунъ, принадлежащій Ташкентскимъ купцамъ, которые основались въ Усть-Каменогорскѣ; казаки полагали въ немъ приблизительно до 500 головъ. Конепасы ѣхали верхомъ на волахъ. Киргизы эти, живущіе въ окрестныхъ юртахъ, обошлись съ нами безбоязненно и дружески, особливо когда по просьбѣ ихъ мы немедленно дали имъ табаку. Напротивъ другой Киргизъ, вѣроятно изъ глубины степи, кажется, вовсе не привыкъ видѣть чужеземцевъ, и при встрѣчѣ съ нами обнаружилъ явное опасеніе. Онъ бросился назадъ въ рѣку, которую только что переплылъ, и воротился съ противоположнаго берега уже въ сопровожденіи другаго Киргиза.

Въ степи видѣли мы двухъ верблюдовъ, но они такъ вылиняли, что жаль было на нихъ смотрѣть. Эта часть Киргизской степи, сколько можно было обозрѣть ее простыми глазами и въ трубу, покрыта цѣпями холмовъ, которыя тянутся одна за другою. Изъ числа ихъ я особенно замѣтилъ три въ параллельномъ направленіи отъ востока къ западу. Онѣ безлѣсны, но кажется поросли травою и отчасти мелкимъ кустарникомъ. Берега и острова Иртыша, равно какъ и безъименнаго притока, который впадаетъ въ него повыше Усть-Каменогорска, осѣнены ивами. Прозябеніе здѣсь почти такое же, какъ на сѣверномъ побережьѣ Иртыша.

Вечеромъ я воротился въ Усть-Каменогорскъ, и на другой день посѣтилъ пристань, куда прибыли двѣнадцать барокъ съ рудою. Она въ двухъ верстахъ къ востоку отъ города, у подошвы горъ, которыя идутъ сѣвернымъ берегомъ Иртыша отсюда до Бухтарминска. Руда доставляется на судахъ изъ Зыряновскаго рудника и потомъ перевозится сухимъ путемъ частію въ Змѣевъ, частію на другіе заводы. Этихъ судовъ четырнадцать, и каждое изъ нихъ подымаетъ до 2,000 пудовъ груза. Девять разъ въ годъ проходятъ они по полутораста верстъ отъ Бухтарминска до Усть-Каменогорска, употребляя отъ 14 до 24 часовъ, когда идутъ по теченію, и отъ 8 до 10 дней, когда тянутся вверхъ по рѣкѣ. Строятъ ихъ въ Шульбинскѣ, гдѣ есть обширный лѣсъ, смежный съ тѣмъ, что идетъ отъ Барнаула мимо Локтевскаго завода къ Иртышу. У пристани живетъ смотритель, который принимаетъ и отправляетъ руду, и имѣетъ над-

зоръ за провіантскими магазинами, откуда продовольствуются и судовщики и рабочіе Зыряновской рудокопни.

Горы, подъ которыми лежитъ пристань, возвышаются на 690 футовъ надъ равниною Усть-Каменогорска и слишкомъ на 2,000 надъ морской поверхностью. Къ югу онѣ круты, къ западу и сѣверу довольно отлоги. Съ вершины ихъ обозрѣвалъ я въ трубу Киргизскую степь, и за ближайшими горами видѣлъ другія, еще покрытыя снѣгомъ.

Случай навелъ меня здѣсь на весьма примѣчательное эхо. Выговоренное слово повторяется явственно и громко противуположнымъ холмомъ, потомъ переходитъ далѣе отъ одного къ другому и отдается такъ часто, что я не успѣвалъ считать повтореній, которыя сыплются вдругъ съ разныхъ сторонъ и съ неодинаковою силой. Гора называется Пригонною Сопкой, именемъ, которое носятъ и многія другія. Происхожденіе его объяснили мнѣ тѣмъ, что сюда сгоняютъ будто бы весь скотъ изъ окрестности. Изъ Усть-Каменогорска отправился я внизъ по Иртышу верстъ за сорокъ, въ деревню Красноярскъ. Она лежитъ на береговой крутизнѣ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ русла, и обнесена амфитеатромъ горъ, изрѣзанныхъ тѣснинами. Впрочемъ значительнѣйшая изъ этихъ сопокъ возвышается не болѣе какъ на 650 футовъ надъ деревней, и лежитъ отъ нея на сѣверо-востокъ.

Невдалекѣ отъ деревни есть казацкій форпостъ того же имени, гдѣ видны еще остатки прежнихъ укрѣпленій. Теперь считаютъ за лишнее содержать ихъ

въ исправности, и казаки, которые нѣкогда стерегли границу, занимаются какъ мирные поселяне хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыбной ловлей, хотя и теперь еще обязаны военной службою и отправляютъ ее по временамъ. За Красноярскомъ въ Киргизской степи также видны горы отдѣльными сопками и цѣпями.

Воротившись въ Риддерскъ по причинѣ дурной погоды, я подъ исходъ маія мѣсяца имѣлъ еще случай видѣть снѣгъ и морозъ. Только 23-го погода дозволила мнѣ посѣтить Ульбинскіе Бѣлки, и я отправился на Крестовую Гору, какъ ближайшую изъ нихъ отъ Риддерска. На высотѣ 4850 футовъ перестаетъ рости береза, на тысячу футовъ выше — лѣса уже вовсе нѣтъ. Одинокіе кедры съ поникшими, простертыми по землѣ вѣтвями и нѣсколько тощихъ, но довольно прямыхъ, лиственницъ видны еще за этимъ предѣломъ. Въ лѣсу снѣгъ лежитъ мѣстами болѣе чѣмъ на футъ глубиной, а коническая сопка, начинающаяся на высотѣ 6400 футовъ, покрыта имъ снизу до верху. Тѣмя конуса, которое возвышается на 7073 фута, представляетъ плоскость, гдѣ утвержденъ простой деревянный крестъ, окруженный съ трехъ сторонъ грубой каменной оградою, и вотъ почему эта вершина называется Крестовою Горой. На горѣ водятся куропатки, пиголицы и байбаки. Этотъ робкій звѣрекъ при малѣйшемъ шумѣ бросается къ норамъ и ущельямъ; у входа останавливается, испускаетъ пронзительный свистъ и исчезаетъ.

4 Іюня, часу въ седьмомъ утра, даже и въ долинахъ снѣгъ шелъ хлопьями, а на горахъ появлялся

онѣ довольно часто, тогда какъ у подошвы ихъ лилъ дождь. 8-го погода нѣсколько прояснилась и стало потеплѣе. Я въ тотъ же день изготовился въ путь, и взявъ, кромѣ людей своихъ, стараго переводчика, знавшаго по-Калмыцки, отправился на другое утро къ Коксунскимъ Бѣлкамъ. До вечера сдѣлали мы сорокъ верстъ верхомъ по неровнымъ и влажнымъ дорогамъ, а когда смерклось, остановились ночевать въ палаткѣ на берегу Черной Убы. Въ ночи сдѣлалось холоднѣе, и въ три часа утра я такъ озябъ, что проснулся. Случайно протягиваю руку къ палаткѣ, она обмерзла. Я вышелъ на открытый воздухъ и увидѣлъ, что все побѣлѣло отъ инея. Но что за картина! Вокругъ стояли громады снѣжныхъ горъ, и солнце при самомъ восходѣ освѣщало только высшія сопки, тогда какъ все прочее лежало еще въ полусумракѣ тѣни. Глубоко внизу разстилалась долина Черной Убы, которую туманъ обвивалъ непроницаемой пеленою; между тѣмъ солнце подымалось каждый мигъ и безпрестанно оживляло это зрѣлище новыми отливами свѣта. Съ появленіемъ его отдаленные бѣлки загорались ослѣпительнымъ блескомъ, на нихъ едва можно было смотрѣть; напротивъ того другія горы, не покрытыя снѣгомъ, пылали багровымъ пламенемъ зари, и даже туманъ надъ долиною мѣстами принималъ ея розовые оттѣнки.

Въ половинѣ четвертаго термометръ показывалъ 2 градуса морозу при совершенно ясномъ небѣ. Мы переѣхали Черную Убу и начали подыматься на Коксунскія Горы. Эти бѣлки составляютъ часть горной цѣпи, раздѣляющей воды Оби и Иртыша. Онѣ идутъ

съ юга на сѣверъ и здѣсь примыкаютъ къ высокому хребту, который, простираясь отъ запада къ востоку, даетъ начало Чарышу, Коргону и многимъ другимъ рѣкамъ, и котораго западная часть извѣстна подъ именемъ бѣлко́въ Тигерецкихъ. Южной оконечностью Коксунскіе Бѣлки̂ соединяются съ другимъ хребтомъ, который также тянется отъ запада къ востоку, но съ уклоненіями. Западный край этаго хребта образуютъ Ульбинскіе или Риддерскіе Бѣлки, а на востокъ отъ нихъ идутъ Тургузунскіе. Отсюда хребетъ принимаетъ южное направленіе и называется Холсунскимъ. Между этими, почти параллельными вѣтвями, къ западу отъ Коксунскихъ Горъ, отходятъ еще Убинскіе Бѣлки̂, которые впрочемъ не достигаютъ высоты настоящихъ альповъ, но изливаютъ въ Убу много рѣкъ и ручьевъ. Западный скатъ Коксунскихъ Бѣлковъ можетъ назваться отлогимъ, восточный гораздо круче, а индѣ даже очень крутъ. Мы ѣхали вверхъ довольно прямо, но иногда попадали въ болотистыя мѣста. Горы поросли рѣдкимъ лѣсомъ почти до самой вершины, образующей широкую плоскость. И здѣсь, какъ на другихъ хребтахъ, было явно, что предѣлъ лѣсовъ теперь ниже прежняго: къ верху отъ нынѣшнихъ деревьевъ всюду видны истлѣвшіе пни, и между ими иные до двѣнадцати футовъ въ объемѣ. Тѣмъ удивительнѣй внезапное исчезновеніе деревъ. На высотѣ безъ-малаго 7,000 футовъ наслаждался я зрѣлищемъ почти всего Алтайскаго хребта. Чудовищныя громады возвышались одна надъ другою, и вершины ихъ, блестящія бѣлизной, рѣзко отдѣлялись отъ свѣжей зелени покатостей и отъ черной тѣни глубокихъ долинъ. Тур-

гузунскіе и потомъ Ульбинскіе гребни казались отсюда самыми высокими и представляли величайшія массы снѣговъ. Съ любопытствомъ осматривалъ я свѣтлый, обильный водою ключъ малаго Коксуна, самаго западнаго источника безконечной Оби. Мы ѣхали потомъ лѣвымъ его берегомъ по крутизнамъ глинистаго сланца. Страшно взглянуть въ глубину рѣки съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ въ то самое время, какъ лошадь подъ вами колеблется и ищетъ гдѣ безопаснѣе ступить, чтобъ не оборваться въ пропасть. Но здѣшнія лошади такъ привыкли возить охотниковъ по горнымъ стремнинамъ, что въ опасныхъ мѣстахъ всего лучше предаться ихъ инстинкту. Въ этой глуши бываютъ весьма полезны тропинки, пробитыя оленями и лосями, потому что онѣ ведутъ къ удобнѣйшимъ переправамъ черезъ рѣки и ручьи. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ болѣе встрѣчали мелкихъ и крупныхъ обломковъ скалъ. Страшныя громады роговиковаго порфира встаютъ зубчатыми гребнями; нѣкоторыя лежатъ въ грудахъ и образуютъ иногда высокія обширныя пещеры, другія повисли у васъ надъ головой и безпрестанно грозятъ обрушиться. Я отдохнулъ въ одной изъ этихъ пещеръ и съ изумленіемъ озиралъ исполинскія толщи, то сгроможденныя, то разбросанныя, какъ члены корабля, извергнутаго на берегъ. Высота горы опредѣлена мною въ 7663 фута. Въ 600 футахъ, не доходя вершины, я нашелъ еще кедровый пень; далѣе попадались только жалкіе недоростки березника.

При спускѣ съ горы мы увидѣли нѣсколько всадниковъ, и какъ это была первая встрѣча по выѣздѣ

изъ Риддерска, мы обрадовались имъ отъ души. Подъѣзжаемъ ближе и узнаемъ въ нихъ Калмыцкихъ охотниковъ; они вступили въ разговоръ съ нашимъ переводчикомъ, который остался при лошадяхъ подъ горою. У нихъ были длинныя ружья безъ за́мковъ, которые замѣняются фитилемъ при стрѣляніи. Когда мы спустились, они привѣтствовали насъ очень дружелюбно, охотно приняли въ подарокъ нѣсколько табачныхъ листьевъ и объявили намъ, что ближайшія Калмыцкія юрты найдемъ мы верстахъ въ 20 отсюда на̀ Чарышѣ. Они крайне опасались разбойниковъ и едва ли бы рѣшились къ намъ подойдти, если-бъ нѣкоторые изъ людей моихъ, отправленные впередъ съ вьючными лошадьми, не упредили ихъ о нашемъ прибытіи.

Чарышъ, на пространствѣ пяти верстъ, шумно падаетъ съ утеса на утесъ, сжатый скалами роговиковаго и зелено-каменнаго порфира и обогащаемый тысячью ручьевъ, которые бѣгутъ къ нему мелкими каскадами. Здѣсь мы остановились ночевать, и вскорѣ замѣтили Калмыка, который, принявъ насъ за разбойниковъ, взобрался быстро и ловко на крутую гору, чтобы укрыться. Только повторенные крики и увѣщанія нашего переводчика побудили его къ намъ подъѣхать.

Ниже, долина Чарыша все болѣе расширяется. На правомъ берегу, горы круты и лѣсисты, за исключеніемъ однѣхъ вершинъ; на лѣвомъ онѣ покаты и безлѣсны. Однако жъ въ одномъ мѣстѣ неприступные утесы такъ близко подходятъ къ лѣвому берегу, что тутъ нѣтъ дороги далѣе и должно переѣзжать быструю и пѣнистую рѣку.

На пути видѣли мы нѣсколько Калмыцкихъ юртъ и многія Чудскія могилы, всѣ разрытыя: вѣроятно въ нихъ искали дорогихъ вещей. Попадались намъ и жертвенники Калмыковъ, или Майраны, находившіеся или близъ юртъ или на мѣстахъ, гдѣ онѣ стояли прежде. На жердяхъ повѣшены шкуры заячьи, овечьи и конскія, вмѣстѣ съ разноцвѣтными лоскутками, которые Калмыки обыкновенно приносятъ въ жертву богамъ своимъ.

Вечеромъ 13 іюня, мы расположились ночевать въ одномъ мѣстѣ, гдѣ Чарышская долина была уже версты четыре въ ширину. Высота ея надъ поверхностью океана простиралась здѣсь до 3900 футовъ.

Вскорѣ нѣсколько Калмыковъ прибыли къ намъ на ночлегъ, и я хотѣлъ купить у нихъ свѣжаго мяса. Они отвѣчали, что ничего не продаютъ, но съ удовольствіемъ подарятъ мнѣ овцу. Въ благодарность за дружеское предложеніе я велѣлъ подать имъ табаку и водки; это они всего больше любятъ. Табакъ у нихъ въ такой чести, что изъ бережливости они курятъ его пополамъ съ крошеной берестой. На другое утро Калмыкъ привелъ обѣщанную овцу, зарѣзалъ ее, и кровь взялъ съ собою. Говорятъ, что Калмыки коптятъ ее въ кишкахъ и такимъ образомъ сберегаютъ на зиму. Я далъ ему за это шестнадцать змѣиныхъ головокъ, то есть именно сколько нужно Калмычкѣ на щегольской нарядъ, нѣсколько золотой и серебреной бити, иголокъ и сѣры, чѣмъ онъ былъ, кажется, чрезвычайно доволенъ.

Имѣя нужду въ людяхъ для разсылки и проводникахъ, я велѣлъ просить къ себѣ Калмыцкаго князя,

или зайсана. Въ палаткѣ мы разостлали для него ковёръ, и войлоки для его свиты. Явились вдругъ два зайсана въ сопровожденіи девяти человѣкъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, всѣ усѣлись, поджавши ноги, на приготовленныхъ мѣстахъ. Оба зайсана были одѣты въ толстыя Китайскія ткани изъ разноцвѣтныхъ шелковъ, подбитыя лисьимъ мѣхомъ и обшитыя соболемъ. На прочихъ были шерстяныя платья. Широкое, довольно длинное полукафтанье стягивалось поясомъ, за которымъ хранится огниво, трутъ и кремень, въ кожаной сумочкѣ съ замкомъ, обыкновенно Китайской работы. Ихъ черные полусапожки весьма широки къ верху для помѣщенія кисета съ табакомъ и желѣзной трубки. Одинъ изъ нихъ разумѣлъ немного по-Русски, и бесѣда шла о переѣздѣ черезъ горы, рѣки, и такъ далѣе. Они вынули свои маленькія трубки, высѣкли огня и всѣ закурили. Каждый прикасался закуренною трубкой ко лбу и передавалъ ее изъ вѣжливости другому, который, курнувъ раза два, возвращалъ хозяину и наоборотъ подчивалъ его своей. Отъ этого произошла страшная суматоха между трубками, которыя безпрестанно сновались отъ устъ къ устамъ. Зайсаны нѣсколько разъ предлагали мнѣ свои трубки, и хотя я не курю табаку, однако жъ не могъ отказаться отъ этой почести. Я велѣлъ подать чаю, водки и сухарей. Каждый взялъ свою долю, и немедленно удѣлялъ часть другимъ, въ повтореніе сцены путешествующихъ трубокъ. Особенное вниманіе оказывали старику, дядѣ или дѣду одного изъ зайсановъ, который явился позже: каждый отдавалъ ему большую часть своей водочной порціи;

старикъ не отказывался и, разумѣется, выпилъ больше всѣхъ. Сначала гости вели себя скромно и прилично, но послѣ водка ихъ пораззадорила, и я былъ радъ, когда они вышли и расположились около огня. Вскорѣ Зайсаны опять явились ко мнѣ въ палатку и принесли, одинъ — соболій мѣхъ, другой — лисій. Я приготовилъ имъ въ подарокъ водки, табаку, золотой и серебряной бити, змѣиныхъ головокъ, свинцу, ружейныхъ кремней, иголъ и разныхъ другихъ бездѣлицъ. Они не могли утаить своей радости и сказали мнѣ черезъ переводчика, что имъ совѣстно за свои скудные подарки, когда я ихъ отдариваю такими драгоцѣнностями. Тутъ начались переговоры, и мнѣ обѣщали къ завтраму четверыхъ людей и семь лошадей. Когда они вышли опять къ своимъ, веселье ихъ становилось все шумливѣе, особенно по осушеніи фляги араку̀, или водки изъ кумыса. Подгулявши, они еще нѣсколько разъ являлись ко мнѣ и подчивали меня этимъ напиткомъ, котораго одинъ запахъ былъ мнѣ нестерпимъ. Поздно ночью отправились они во-свояси, поблагодаривъ меня на прощаньи нѣсколько разъ.

Наклонность Калмыковъ къ кочевой жизни препятствуетъ у нихъ успѣхамъ гражданственности, но быть-можетъ не менѣе пагубна въ этомъ отношеніи безпредѣльная страсть ихъ къ крѣпкимъ напиткамъ: всѣ увѣряли меня, что лѣтомъ трудно встрѣтить достаточнаго Калмыка въ трезвомъ видѣ. Оттого въ путешествіяхъ по здѣшнему краю сношенія съ этимъ народомъ крайне затрудняются, особенно если вы имѣете дѣло до зайсановъ, которые почти безпрестанно ѣздятъ одинъ къ другому въ гости и тянутъ

араку. Зимою, когда кобылы не даютъ молока, они по необходимости трезвѣе. Впрочемъ они гораздо больше любятъ крѣпкую Русскую водку и готовы бы разориться на нее въ конецъ, если бъ не было строгаго запрещенія доставлять ее Калмыкамъ. Запрещеніе это простирается и на порохъ; тотъ, что они дѣлаютъ сами или получаютъ отъ Китайцевъ, нехорошъ.

Ихъ пьянство, безпечность и неопрятность вознаграждаются однако жъ многими добрыми качествами: они весьма честны, благодушны и услужливы. Это я часто имѣлъ случай испытать.

На другой же день явились люди и лошади, обѣщанные зайсанами. Они взяли про запасъ убитаго барана, котораго одинъ изъ нихъ привязалъ за собою на лошади и везъ непокрытаго; солнце, пыль, рои мошекъ и непосредственное соприкосновеніе съ потной лошадью дѣлали этотъ лакомый кусокъ вовсе незавиднымъ.

Дорогою я посѣтилъ одну изъ Калмыцкихъ юртъ. Простое устройство ихъ всякому извѣстно. Нѣсколько наклоненныхъ другъ къ другу жердей, покрытыхъ войлокомъ, образуютъ жилье, которое должно укрывать и отъ зимнихъ морозовъ и отъ осеннихъ бурь, свирѣпствующихъ въ этомъ гористомъ краѣ. Вошедъ въ отверзтіе, завѣшенное войлокомъ, я увидѣлъ посрединѣ чуть тлѣющійся огонекъ, который былъ разведенъ просто на землѣ. Хозяина не было дома; я засталъ жену его съ тремя дѣтьми и работникомъ. Они щипали шерсть для войлоковъ.

Въ это время года на огнѣ обыкновенно стоитъ перегонный снарядъ, и у самаго входа видите огром-

ный мѣхъ изъ невыдѣланной кожи, котораго отверзтіе покрыто овчиной, шерстью внизъ. Его никогда не чистятъ и не полощатъ, чтобы лучше окисало молоко, которое все сливаютъ въ него, за исключеніемъ потребляемаго въ свѣжемъ видѣ, и притомъ часто помѣшиваютъ, чтобы ускорить броженіе. Напитокъ этотъ, котораго прокислый запахъ чрезвычайно противенъ, называется кумысомъ и употребляется въ видѣ прохладительнаго. Перегнанный на огнѣ, онъ даетъ родъ водки, араку̀, также весьма неблаговонной, но прозрачной и безцвѣтной. Подлѣ мѣха стоитъ большой чугунъ съ деревянной крышкою, въ которомъ хранится вареное молоко.

Насупротивъ входа виситъ идолъ, вырѣзанный изъ дерева грубѣйшимъ образомъ. На верхнемъ концѣ его есть что-то похожее или точнѣе непохожее на голову, со вставными глазами изъ стекла или коральковъ. Подлѣ висятъ обыкновенно разныя жертвы, шкура бѣлки или суслика и всего чаще орлиный коготь. Весь скарбъ домашній расположенъ въ чемоданахъ и сундукахъ около стѣнъ юрты, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, на кольяхъ. Сырыя и выдѣланныя кожи и войлоки служатъ постелью. Нѣкоторые изъ людей моихъ попросили молока; хозяйка подала имъ кипяченаго изъ чугуна, а Калмыковъ угощала изъ мѣха. Потомъ, ни сколько не заботясь объ нашемъ присутствіи, хотя я съ любопытствомъ осматривалъ все въ юртѣ, она сѣла у огня и закурила себѣ трубку. Я велѣлъ дать ей нѣсколько табаку; она приняла его, не говоря ни слова. Я вообще замѣтилъ, что Калмычки очень скромны и стыдливы, и подарки при-

водятъ ихъ не только въ смущеніе, но даже въ боязнь.

Особенность Калмыцкаго облика, маленькій лобъ и узкіе глаза, конечно лишаютъ ихъ притязаній на красоту, по-крайней-мѣрѣ въ Европейскомъ смыслѣ; однако жъ онѣ совсѣмъ не такъ отвратительны, какъ обыкновенно воображаютъ (Л. III — 3).

По виду жалкой юрты, куда не проникаетъ даже свѣтъ дневной, когда непогода вынудитъ закрыть входъ и дымовое отверзтіе, не должно полагать, что нужда и бѣдность заставляютъ Калмыковъ жить въ такихъ шалашахъ, гдѣ только снѣжныя насыпи защищаютъ ихъ отъ холоду и гдѣ не смотря на то часто замерзаетъ ртуть; напротивъ причиною этому одинъ навыкъ и привязанность къ стадамъ, которыхъ имъ не хочется покинуть и которыя всегда должны быть въ полѣ. Впрочемъ они зажиточны, разумѣется кромѣ лѣнивыхъ и пьяницъ, готовыхъ отдать весь скотъ за водку, которая хотя и запрещена, однако же, говорятъ, украдкой привозится къ нимъ по причинѣ весьма выгодныхъ обмѣновъ, которые на нее дѣлаютъ. Достаточные Калмыки, обладающіе большими стадами, продаютъ купцамъ лошадей, овецъ и рогатаго скота иногда на тысячу рублей разомъ, и какъ правительство ограждаетъ ихъ отъ всякихъ притѣсненій, богатые между ними не диковина; но это не имѣетъ ни какого вліянія на ихъ бытъ. Они слишкомъ привязаны къ бродячей жизни, и нѣкоторые, поселившіеся близъ Кузнецка и принявшіе христіанскій законъ, перестали быть кочевыми, но не сдѣлались ни добрыми христіанами, ни трудолюбивыми земледѣльцами,

а какою-то жалкою срединой между тѣмъ, чѣмъ были, и тѣмъ, чѣмъ хотятъ быть.

Когда мы пустились въ дальнѣйшій путь, наши Калмыцкіе проводники просили у меня позволенія пѣть пѣсни. Я съ удовольствіемъ далъ его, потому что любопытно было ихъ послушать. Однако жъ я напрасно старался вникнуть въ характеръ ихъ мелодій: не замѣтно было ни отступленій, ни повтореній въ модуляціи. Вся пѣсня состояла въ крикливомъ произношеніи нѣсколька словъ то тише, то громче, съ болѣе или менѣе открытымъ ртомъ.

Впрочемъ Калмыки очень веселы и хорошіе товарищи въ дорогѣ: никогда не хмурятся и не затрудняются ни какими неудобствами. Верхомъ ѣздятъ отлично и не боятся скакать во всю прыть по самымъ крутымъ стремнинамъ; но черезъ быстрыя рѣки не пускаются вплавь, потому что на водѣ довольно трусливы.

Нѣсколько двугорбыхъ верблюдовъ попалось намъ далѣе. Говорятъ, они остаются здѣсь всю зиму въ полѣ.

Послѣ продолжительнаго странствія по горнымъ и степнымъ пустынямъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ отдохнули въ деревнѣ Чечулихѣ, основанной въ 1824 году при устьѣ соименной ей рѣчки, текущей въ Чарышъ. Старикъ крестьянинъ ввелъ меня въ просторную, свѣтлую, чистую горницу о четырехъ окнахъ съ большими стеклами. Мѣстоположеніе деревни, среди высокихъ горъ, очень живописно. Не смотря на недавность ея существованія, она уже хорошо обстроена. Вообще нельзя видѣть безъ удовольствія,

какъ быстро возрастаетъ здѣсь населенность. Отъ времени до времени основанiе новыхъ деревень становится необходимымъ. Въ такомъ случаѣ нѣсколько крестьянъ испрашиваютъ у горнаго начальства дозволенiе поселиться на избранномъ ими мѣстѣ. Опредѣляется граница новаго селенiя и число хозяевъ, которымъ разрѣшено строиться. Новосельцамъ предоставлено удостовѣриться трехлѣтнимъ опытомъ, годно ли для нихъ выбранное мѣсто, и если они увидятъ, что ошиблись въ разсчетѣ, то могутъ его оставить, чего однако жъ никогда еще не бывало. Крестьянамъ горныхъ деревень всегда назначаются извѣстные предѣлы, въ которыхъ они пользуются пахатною землей и выгонами, чтобы на будущее время, при распространенiи населенности, отклонить споры и несогласiя. Остальная, доселѣ пустынная часть горъ, предоставлена ясачнымъ Калмыкамъ, которые лѣтомъ кочуютъ въ нихъ съ своими стадами, а зимою укрываются въ ущельяхъ, тогда какъ скотъ самъ отыскиваетъ себѣ кормъ въ окрестности. Заведенiе новыхъ деревень Калмыкамъ не совсѣмъ нравится, но это можетъ-быть вѣрнѣйшiй способъ прiучить ихъ къ осѣдлости. Видя собственными глазами возрастающiй достатокъ и жизненныя удобства окрестныхъ поселянъ, они скорѣе сблизятся съ понятiями о преимуществахъ осѣдлаго быта. Впрочемъ весьма трудно побѣдить народную привычку, тѣмъ болѣе, что она связана съ мнѣнiями религiозными. На вопросъ, почему они не хотятъ селиться, Калмыки отвѣчаютъ, что вѣра требуетъ отъ нихъ кочевой жизни, и что Русскiе были бы такъ же богаты скотомъ, какъ и они, если бъ

чуждались осѣдлости и не имѣли бы пагубной привычки мыть посуду, употребляемую подъ молоко.

Наконецъ воротился я въ Риддерскъ, чтобы посѣтить оттуда Коргонскіе бѣлки. 24 Іюля, при восхожденіи солнца, термометръ показывалъ только полградуса тепла. Поля побѣлѣли отъ инея, а на высотѣ горныхъ вершинъ лежалъ молодой снѣгъ. Рѣки Коргонъ и впадающая въ него Коргонка вырываются пѣнистыми водопадами изъ ущельевъ крутыхъ скалъ. Вездѣ стоятъ отвѣсные утесы до 2,000 футовъ вышиною и придаютъ узкой долинѣ Коргона видъ необыкновенной дикости. Надъ самымъ устьемъ Коргонки находится каменоломня, гдѣ добываютъ яшму и, особенно, красный и дикій порфиръ. Русло рѣки обставлено порфирными скалами, которыя оканчиваются къ верху гребнями или острыми зубцами яшмы. Въ разсѣлинахъ изрѣдка появляется кустарникъ, впрочемъ мало даже и травы. Сначала можно было подыматься по берегу Коргона, хотя и съ трудомъ, однако безъ опасности; только надобно было осторожно пробираться между утесовъ верхомъ, или, слѣзши съ лошади, карабкаться на высоты вмѣстѣ съ нею. Но мало по малу затрудненія, увеличились до того, что на каждомъ шагу грозила опасность: не было мѣста для самой узкой тропы между крутыми скатами утесовъ и рѣкой, и зыбкость множества обломковъ не позволяла сдѣлать шагу безъ обрыва. Наконецъ явились страшныя каменныя громады, чрезъ которыя надобно было вести лошадей насильно, вынуждая ихъ ударами къ высокимъ прыжкамъ и въ то же время таща изо всѣхъ силъ за поводья. Часто

приходилось перепрыгивать чрезъ глубокія разсѣлины или идти подъ скалами, нависшими до того, что лошади должны были нагибаться. Иногда узкая, едва проходимая тропа, вилась около угловатаго утеса, торчащаго какъ рогъ надъ рѣкой въ нѣсколькихъ стахъ футовъ отъ ея поверхности, а гдѣ не было и такой тропинки, тамъ слѣдовало переѣзжать вплавь на другой берегъ и пробираться имъ до тѣхъ поръ, пока неодолимыя препятствія вынудятъ къ новой переправѣ. И все ўже становилось русло рѣки, и все громаднѣе скалы, о которыя бьется и хлещетъ она въ своемъ стремленіи. Не знаю горнаго потока, который несся бы между скалъ съ такимъ шумомъ и яростью. Вы совершенно оглушены: не только голосъ человѣческій,говорятъ, даже пистолетный выстрѣлъ нѣмѣетъ передъ этимъ грознымъ явленіемъ; всякой посторонній звукъ поглощается ревомъ и грохотомъ Коргона.

Двѣ ночи провели мы на горахъ, прежде чѣмъ достигли ихъ вершины. Волки рыскали такъ близко, что испуганныя лошади жались къ палаткамъ, и я долженъ былъ поставить караулъ. 27 Іюля мы перешли за предѣлъ лѣсовъ, котораго крайнюю оконечность составляли Сибирскіе кедры. Я думалъ, что, достигнувъ вершины хребта, спущусь по противоположному скату, но представьте мое удивленіе, когда съ высоты 6,400 футовъ открылось передо мной необозримое пространство снѣжныхъ полей. Ширина этой горной плоскости отъ сѣвера къ югу простирается верстъ на тридцать; высота южнаго ея края 7,150 футовъ. Въ непосредственной связи съ Убинскими и Коксунскими бѣлками составляетъ она преграду

между водами Оби и Иртыша и даетъ начало рѣкамъ Чарышу, Хайркумину, Коргону, Тигереку и многимъ другимъ.

Во время путешествія моего по Коргонскому хребту, мнѣ было очень трудно доставать вожатыхъ. Кто бывалъ только въ Европейскихъ горахъ, тому покажутся странными предосторожности, какія я принималъ для переѣзда горной цѣпи не болѣе тысячи саженъ въ вышину; но климатъ и мѣстность здѣшняго края поставляли мнѣ препятствія, весьма рѣдкія въ странахъ болѣе южныхъ. Здѣсь каждый знаетъ только окрестность своего жилья, и въ промежуткѣ посѣщаемыхъ мѣстъ есть множество такихъ, которыя извѣстны лишь по слуху, а это ведетъ къ безпрестаннымъ недоумѣніямъ и подвергаетъ опасности погибнуть въ глуши дикихъ горъ, усѣянныхъ болотами и ручьями. Заблудившись, здѣсь нельзя надѣяться встрѣчи. При малолюдности края, даже и въ мѣстахъ болѣе извѣстныхъ, гдѣ по преданію знаютъ нѣкоторыя дороги, ведущія къ деревнямъ или Калмыцкимъ юртамъ, легко можетъ статься, что при какомъ-нибудь непріятномъ случаѣ вы останетесь совершенно безъ помощи. Сами Калмыки не гоняютъ стадъ на Коргонъ, и если спросите у нихъ о причинѣ, они отвѣчаютъ: «Отцы наши тамъ не бывали, и ни одинъ Калмыкъ не пойдетъ туда.» Сверхъ-того надобно замѣтить, что неимѣніе карты съ точнымъ означеніемъ горъ и рѣкъ было для меня важнымъ препятствіемъ.

29 Іюля я воротился въ Риддерскъ и нашелъ тамъ приглашеніе посѣтить Зыряновскій рудникъ. Для этого отправился я къ Усть-Каменогорской пристани и

оттуда водою вверхъ по Иртышу. Лодки выдолблены изъ цѣльныхъ Сибирскихъ тополей, которые растутъ огромной толщины по Бухтармѣ, неподалеку отъ Зыряновска. Онѣ такъ широки, что двоимъ просторно сидѣть рядомъ; шесть человѣкъ управляютъ лодкою: одинъ сидитъ у руля, а пятеро прутъ ее впередъ шестами, а иногда тянутъ бечевой.

На четвертый день, 1 августа, прибыли мы къ верхней пристани, въ 150 верстахъ отъ нижней, и потомъ сдѣлали еще верстъ 60 сухимъ путемъ до Зыряновской рудокопни.

Неподалеку отъ верхней пристани находится Бухтарминскій рудникъ, которымъ теперь мало пользуются, но который представилъ случай къ открытію богатаго Зыряновскаго. Бухтарминскій слесарный подмастерье Зыряновъ нашелъ его въ 1791 году. Дорога идетъ между обнаженныхъ горъ, и не льзя не подивиться безводности этого края. Кромѣ ручья, впадающаго въ Иртышъ, и потомъ рѣчки Магленки, которая течетъ черезъ Зыряновскъ, не увидите больше ничего. Въ дали показываются порой Холсунскія горы.

Зыряновскъ лежитъ на высотѣ 1,700 футовъ отъ морской поверхности, въ безплодной долинѣ рѣчки Магленки, близъ соединенія ея съ Березовкой, которая въ десяти верстахъ къ сѣверу впадаетъ въ Бухтарму. Это богатѣйшая изъ Алтайскихъ рудокопень по содержанію золота; она даетъ ежегодно до 500 пудовъ золотоноснаго серебра. На ней около 700 рабочихъ. За неимѣніемъ лѣса лучшія изъ здѣшнихъ рудъ отправляются для выплавки на другіе

заводы, а тѣ изъ нихъ, которыя не такъ обильны, оставались прежде безъ употребленія; но съ 1826 года для обработки ихъ устроена на рѣчкѣ Березовкѣ толчея, и посредствомъ ея добыто уже 12 фунтовъ золота. Замѣчательно, что и въ Зыряновскѣ, какъ во многихъ другихъ рудникахъ, найдены слѣды такъ называемыхъ Чудскихъ копей.

Побережье Бухтармы за Зыряновскимъ было прежде совершенною пустыней. Мало по малу стеклись туда бѣглые съ заводовъ и другіе бродяги, и долгое время промышляли грабежемъ. Въ 1791 году рѣшились они подчиниться законному порядку и испросили у Императрицы Екатерины дозволеніе разселиться здѣсь въ нѣсколькихъ деревняхъ. Сначала платили они только ясакъ, а въ послѣдствіи такую же подать, какъ и Русскіе крестьяне, только съ изъятіемъ отъ рекрутской повинности. Они и до сихъ поръ слывутъ ясачниками; другое названіе — каменьщики — дано имъ оттого, что они живутъ въ горахъ. Съ того времени водворилось здѣсь много новыхъ поселенцевъ, частію по собственному желанію, частію въ наказаніе за легкіе проступки, и теперь въ восьми большихъ деревняхъ считается около 1200 душъ мужескаго пола.

Мѣстоположеніе этихъ горныхъ деревень иногда чрезвычайно дико: только удальцамъ и головорѣзамъ могло бы придти на умъ поселиться въ такомъ краѣ. Между-тѣмъ у нихъ нѣтъ недостатка въ плодородныхъ поляхъ и выгонахъ, а сверхъ того они занимаются пчеловодствомъ. Какъ ни удалены они отъ городовъ, вы найдете у нихъ все нужное; мало этого,

они живутъ почти щегольски. Чистые, свѣтлые домы съ большими окнами заставятъ васъ забыть, что вы на краю свѣта, и вы невольно подивитесь способности Русскаго народа дѣлать самоучкой все, что ему понадобится.

Охота и торговля съ Китайцами и Киргизами доставляетъ здѣшнимъ жителямъ хорошую прибыль. Такъ напримѣръ за полтора пуда муки получаютъ они на Китайскихъ форпостахъ кусокъ *дабы*, который стоитъ въ продажѣ отъ 4 до 5 рублей, тогда какъ мука по тамошней цѣнѣ не дороже 60 копеекъ.

Продолжая путь въ восточномъ направленіи, 18 августа ввечеру достигъ я крайней изъ этихъ деревень, Фыкалки. Передъ нею разстилались хлѣбныя поля на высотѣ 4000 футовъ отъ морской поверхности. Здѣсь предѣлъ двухъ обширнѣйшихъ государствъ на земномъ шарѣ, и какая противоположность между этими сосѣдями, какое различіе въ природѣ, въ видахъ растеній и животныхъ, въ физическомъ и нравственномъ обликѣ людей. Одно, царство вѣковаго обычая, неизмѣннаго обряда, неподвижно какъ остовъ мамонта въ теченіе тысячелѣтій; другое десятками лѣтъ измѣряетъ эпохи своего образованія, летитъ какъ орелъ, который не даромъ служитъ ему эмблемой.

Обитатели здѣшняго пограничнаго края являются съ самой выгодной стороны въ сравненіи съ своими южными сосѣдями. Они сильны, статны, дѣятельны, промышлены, и несмотря на то, что рѣдко видаютъ чужеземцевъ, удивятъ васъ своей развязностью, желаніемъ и умѣньемъ услужить. Не льзя видѣть безъ

удивленія благодѣтельныя перемѣны, которыя совершились въ этомъ краѣ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Пустыни, гдѣ пропадали безъ пользы обширныя лѣса и плодоносныя земли, служили почти непроходимою межою обоимъ государствамъ. Теперь предѣлы ихъ сблизились, вошли въ соприкосновеніе; жители обмѣниваются на границѣ своими избытками. Китайцы, которые не живутъ постоянно въ этомъ краю, а только присылаются на нѣсколько мѣсяцевъ для охраненія границы, покупаютъ у Русскихъ все нужное, и оттого-то вы видите здѣсь такое довольство. У ясачниковъ оно доходитъ даже до роскоши. Они по большой части одѣты въ Китайскія ткани, нерѣдко шелковыя; въ посудѣ у нихъ найдете фарфоръ. Хотя нѣтъ здѣсь училищъ, однако-жъ почти каждый изъ нихъ умѣетъ читать, а многіе и пишутъ. Старики учатъ молодыхъ, и такимъ образомъ грамотность переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Церквей въ деревняхъ нѣтъ ни одной, но такъ какъ жители закоренѣлые раскольники, они слѣдуютъ собственнымъ обрядамъ. Самое благодѣтельное вліяніе производитъ, разумѣется, горный промыселъ, который не только доставляетъ прибыль поселянамъ, но и распространяетъ полезныя практическія знанія. Въ разныхъ мѣстахъ заводскаго округа отправляются ремесла, содѣйствующія къ развитію природныхъ способностей народа.

Деревня Фыкалка о десяти дворахъ и лежитъ среди горъ на рѣчкѣ того-же имени, впадающей въ Бѣлую. Высота ея надъ поверхностью моря 4,214 футовъ, и на всемъ Алтаѣ нѣтъ постоянныхъ жилищъ

выше этого. Несмотря на то, здѣсь родится ячмень, овесъ, рожъ и даже яровая пшеница и просо; въ огородахъ растетъ капуста, лукъ, тыквы, макъ и огурцы. Это показалось мнѣ тѣмъ удивительнѣй, что жители деревни Уймона, которая гораздо ниже, жаловались, что рожь у нихъ не всегда выспѣваетъ. Но Уймонъ лежитъ къ сѣверу, а Фыкалка къ югу отъ Холсунскихъ горъ, которыя заслоняютъ ее отъ полночныхъ вѣтровъ.

Впрочемъ здѣсь, какъ и на всемъ Алтаѣ, я замѣтилъ, что никто не думаетъ удобрять земли: истощивъ одно поле, всякой выбираетъ себѣ другое.

Холсунскій хребетъ, который простирается далѣе къ востоку, заключаетъ въ себѣ высшія изъ Алтайскихъ горъ. Кромѣ Щебенухи, Листвяги и нѣкоторыхъ другихъ, мы упомянемъ только о Бѣлухѣ, которая почитается главною высотою Алтая, и на которую никто еще не всходилъ до верху. Г. Геблеръ, посѣтившій ее въ 1833 году, полагаетъ въ ней до 11,000 футовъ. Она образуетъ двѣ крутыя, острыя сопки, связанныя особымъ кряжемъ, который гораздо выше остальной части хребта. Эти сопки покрыты вѣчными снѣгами и даютъ начало двумъ горнымъ отраслямъ: одна идетъ въ сѣверозападномъ, другая въ юговосточномъ направленіи. Обѣ эти цѣпи Г. Геблеръ называетъ Катуньскими горами, по рѣкѣ Катуни, текущей къ сѣверу и впадающей повыше Бійска въ Обь. Онѣ, подобно Холсуну, состоятъ изъ хлоритнаго сланца, переходящаго въ глинистый и блестняковый, съ пропласткати гранита и порфира. Известь и змѣевикъ Г. Геблеръ видѣлъ только однажды, зеле-

ный камень не попадался ему нигдѣ, и совершеннымъ отсутствіемъ этой породы здѣшній кряжъ замѣчательно разнится отъ Уральскаго, гдѣ найдете ее повсюду.

На южной сторонѣ Катуньскихъ горъ находятся горячіе ключи, единственные, какіе извѣстны въ Алтаѣ. Они неподалеку отъ истоковъ Берела, въ долинѣ рѣчки Рахмановки, которая течетъ отъ сѣверовостока къ югозападу и вливается въ Берелъ, образовавши два мелкія озера. Немного ниже верхняго изъ этихъ озеръ, въ сѣверной стѣнѣ долины, бьютъ рядомъ три ключа, неподалеку одинъ отъ другаго. Воды ихъ соединяются и текутъ, журча сквозь каменные обломки, въ Рахмановку. Ложбина одного ключа выстлана деревомъ, другаго камнемъ, и въ такихъ же искусственныхъ водоемахъ текутъ два другіе горячіе ключа, которые на тридцать саженъ ближе къ озеру и впадаютъ прямо въ него. Вода не имѣетъ ни вкуса, ни запаха; температура ея въ разныхъ ключахъ отъ 25 до 34 градусовъ Реомюра.

Существованіе горячихъ ключей въ Алтаѣ крайне любопытно и состоитъ, по замѣчанію Г. Гумбольдта, въ связи съ землетрясеніями, которыя здѣсь нерѣдки. Хотя они довольно слабы, однако-жъ, не ограничиваясь горами, простираются и на окрестныя плоскости. На Уралѣ не открыто горячихъ ключей, но почти не замѣчено и землетрясеній. Только въ концѣ 1836 и въ началѣ 1837 года чувствовали легкое колебаніе въ южной полосѣ.

Настала вторая половина августа; время было прекрасное, и однако-жъ всякую ночь земля бѣлѣла отъ инея, такъ что при первой перемѣнѣ погоды можно

было опасаться, что на окрестныхъ горахъ выпадетъ глубокій снѣгъ. Несмотря на то, мнѣ хотѣлось проникнуть черезъ нихъ въ Китайскіе предѣлы. Ближайшій пикетъ, Чингисъ-Тей, верстахъ въ 50 отъ Фыкалки, по ту сторону Бухтармы, которая составляетъ здѣсь границу; выше, оба берега ея принадлежатъ Китайской имперіи. Мнѣ сказывали, что для снисканія тамъ хорошаго пріема, лучшее средство явиться въ видѣ купца. Я взялъ съ собою юфти, свинцу, топоровъ и другихъ вещей, по большей части желѣзныхъ. Китайцы предпочитаютъ всему этому порохъ, пистолеты и Русскія мѣдныя деньги, но вывозъ ихъ строго запрещенъ. Мнѣ бы очень хотѣлось захватить съ собой барометръ и другіе инструменты, однако я оставилъ ихъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Мы отправились на юго-востокъ къ горному хребту Листвягѣ. Онъ поросъ лиственницей, изрѣдка перемежающейся Сибирскими кедрами и во многихъ мѣстахъ сильно потерпѣвшей отъ града, который, говорятъ, часто здѣсь выпадаетъ. Верстъ 12 ѣхали мы по сѣверному скату Листвяги до вершинъ ея, потомъ верстъ четырнадцать до юговосточнаго склона, подъ конецъ довольно крутаго. У подножія разстилаются равнины уступами внизъ до Бухтармы. Каменный сланецъ выходитъ наружу низкими ступенями, и тамъ, гдѣ онѣ слишкомъ рѣдки, чтобъ спускаться по нимъ въ одинъ шагъ, привычныя лошади садятся и сползаютъ внизъ вмѣстѣ съ сѣдоками.

Бухтарма, которой берега поросли березами, тополями и особенно ивами, очень быстра; она образуетъ здѣсь нѣсколько низменныхъ острововъ, также по-

крытыхъ ивнякомъ и по веснѣ заливаемыхъ водою. Со всѣми рукавами своими она до 70 саженъ шириной. Переѣхавъ ее въ бродъ, я остановился на Китайской границѣ и послалъ одного изъ моихъ людей къ пикету, отстоящему на двѣ версты отъ берега, чтобы узнать, дозволятъ ли мнѣ обмѣнять нѣкоторые товары на Китайскіе. Посланный вскорѣ воротился съ благопріятнымъ отвѣтомъ отъ командира, котораго величаютъ здѣсь полковникомъ.

Пикетъ Чингисъ-Тей лежитъ на равнинѣ, совершенно схожей съ Русскимъ побережьемъ Бухтармы. Верстахъ въ семи отъ рѣки подымается горный хребетъ, который идетъ на необозримомъ пространствѣ къ сѣверовостоку и къ югозападу. Высшія вершины его покрыты свѣжимъ снѣгомъ. Китайская пограничная область, куда мы прибыли, называется Хобъ-до.

Пикетъ состоялъ изъ 70 человѣкъ Монголовъ и Калмыковъ. Неподалеку отъ него разбили свои юрты Китайскіе Киргизы. Для помѣщенія гарнизона или по крайней мѣрѣ начальниковъ устроены родъ будокъ, которыхъ окна затянуты изнутри бумагой, а снаружи соломкою. Кромѣ того было тутъ нѣсколько землянокъ. Передъ большей частью будочекъ развѣвалось на шестѣ знамя изъ зеленой шелковой ткани. Когда я пріѣхалъ, Китайскіе солдаты окружили меня со всѣхъ сторонъ, безоружные. На нихъ были широкіе, стянутые поясомъ, полукафтанья, достававшіе немного ниже колѣнъ. Впрочемъ нигдѣ не соблюдалось одноцвѣтности, которая могла бы напомнить о мундирѣ; въ одеждѣ господствовала величайшая пестрота. Они осматривали меня съ такимъ же любопытствомъ, какъ

и я ихъ; но когда подошли ко мнѣ слишкомъ близко и начали ощупывать мое платье, галстухъ и бѣлье, я немножко отстронилъ ихъ, и они съ смущенiемъ попятились на нѣсколько шаговъ. Вскорѣ явился Русско-Китайскій переводчикъ, старикъ 82 лѣтъ. Онъ былъ настоящій Русскій урожденецъ, но давно уже захваченъ Калмыками близъ Астрахани и отведенъ въ Китай. Теперь казался онъ совершеннымъ Китайцемъ; остриженъ и одѣтъ наравнѣ съ прочими. На головѣ у него была Китайская шапочка съ шелковой кистью и бѣлымъ шарикомъ изъ стекла или эмали.

Онъ пригласилъ меня къ начальнику. Я вошелъ и увидѣлъ его на возвышенiи противъ двери; однако жъ онъ сидѣлъ не по-восточному какъ Калмыки, а по-Европейски, какъ можно видѣть на пластическихъ изображенiяхъ Китайцевъ. Онъ былъ въ широкомъ полукафтаньѣ и шараварахъ изъ тонкаго синяго сукна, и имѣлъ весьма щеголеватую наружность. Голова его была накрыта шапочкой, обшитой соболемъ на верху, а сзади украшенной павлиньими перьями, которыя торчали одно надъ другимъ въ горизонтальномъ направленiи. Черные башмаки съ подошвами толщиною въ вершокъ и бѣлизны ослѣпительной придавали ногамъ его, стоявшимъ на скамьѣ, особенную нарядность. Я поклонился ему, какъ обыкновенно, снявши фуражку; онъ кивнулъ нѣсколько разъ головою, но туловище его оставалось неподвижнымъ. Мнѣ указали мѣсто справа подлѣ него, а подалѣе сидѣлъ маленькой человѣкъ, котораго переводчикъ называлъ первымъ слугою командира и который былъ одѣтъ почти такъ же, какъ и онъ. Влѣво, пониже насъ, помѣщались два

знатные Калмыка. Весь домъ былъ сажени въ двѣ длины и ширины, и состоялъ изъ одной комнаты, которой задняя половина была заставлена сундуками. На нихъ въ одномъ углу лежалъ большой тюкъ, а спереди подушки, которыя вѣроятно служили постелью на ночь. Вправо и влѣво по боковымъ стѣнамъ устроены были сидѣнья ниже первыхъ. Посрединѣ лежали горящіе уголья въ жаровнѣ, на которой стоялъ мѣдный чайный котелокъ.

Когда я занялъ свое мѣсто, переводчикъ сѣлъ подлѣ слуги командира, и человѣка моего также приглашали сѣсть. Когда тотъ отвѣчалъ, что ему неприлично сидѣть передъ господами, все общество дивилось этому обычаю, однако-жъ не настаивало, чтобъ онъ былъ нарушенъ.

Между командиромъ и мною стоялъ сундучекъ, и на немъ семь верхнихъ чашекъ Китайскаго фарфора. Вскорѣ вошелъ какой-то дурно одѣтый человѣкъ, которому командиръ самъ подавалъ чашки, а онъ, наливши чаю, подносилъ ихъ присутствующимъ. Чай этотъ былъ очень слабъ, безъ сахару и вообще безъ всякой приправы. Меня расправшивали, какому я служу государю и какой имѣю чинъ. Командиръ обращался въ короткихъ словахъ къ слугѣ своему, а тотъ излагалъ ихъ пространнѣе переводчику. Я тоже передавалъ свои отвѣты слугѣ, но не велѣлъ ему прибавлять отъ себя ни слова. Командиръ приказалъ объяснить мнѣ, что онъ присланъ сюда прямо изъ Пекина и пробылъ въ дорогѣ два мѣсяца, тогда какъ курьеры проѣзжаютъ ее въ четырнадцать дней. Ихъ отправляютъ всегда верхомъ по два вмѣстѣ, для того

чтобъ если случится что съ однимъ, другой доставилъ депеши безъ задержанія. На смѣну имъ по станціямъ вездѣ разставлены верховые.

Меня спрашивали потомъ о цѣли моего путешествія, и когда я сказалъ, что собираю травы, желали знать, нашелъ ли я много цѣлебныхъ. Я отвѣчалъ утвердительно и хотѣлъ завести разговоръ объ ревенѣ, но Китайцы отклонили его притворнымъ или дѣйствительнымъ незнаніемъ.

Во время бесѣды безпрестанно подавали чай и курили табакъ въ бронзовыхъ трубочкахъ, какія я видѣлъ у Калмыковъ. Китайскій табакъ искрошенъ почти въ порошокъ; каждый носитъ его при себѣ въ кисетѣ вмѣстѣ съ трубкою, которая въ полнаперстка величиной и набивается съизнова поминутно.

Когда меня спросили, привезъ ли я товаровъ и какіе именно, я изъявилъ желаніе, чтобъ мнѣ назначили мѣсто для палатки, гдѣ бы ихъ выставить. Мнѣ предложили новую Киргизскую юрту, на что я охотно согласился и, откланявшись неподвижному командиру, вышелъ вмѣстѣ съ его переводчикомъ. Вскорѣ привалила толпа Монголовъ, Калмыковъ и Киргизовъ смотрѣть мои товары, но такъ какъ было уже поздно, переводчикъ совѣтовалъ мнѣ отложить мѣну до другаго дня Когда онъ остался наединѣ со мною, я просилъ его водкою, узнавши еще въ Фыкалкѣ, что онъ до нея большой охотникъ, а для вящшаго расположенія его въ мою пользу я посулилъ ему топоръ, клещи и висячій замокъ, и обѣщалъ предоставить право первой купли.

Черезъ него я узналъ, что командиру не непріятенъ будетъ какой-нибудь подарокъ, за что онъ меня от-

дарить и сверхъ-того допустить въ сосѣднія горы. Я тотчасъ отнесъ ему большой янтарный мундштукъ и мѣхъ соболій. Онъ оставался такъ же недвижимъ, какъ и при первомъ свиданіи; но обѣщалъ мнѣ проводника назавтра.

Лишь только я воротился къ себѣ, слуга командира принесъ мнѣ отъ его имени толстую зажженную свѣчу съ подсвѣчникомъ особеннаго устройства. Это была просто деревянная скамеечка подъ чернымъ лакомъ; посерединѣ торчалъ желѣзный шпилекъ, на которомъ утверждалась свѣча, повидимому сальная, но покрытая какою-то крѣпкою массой, которая не давала ей обтекать. Свѣтильнею служилъ стебелекъ растенія, кажется, изъ породы ситниковъ, и горѣлъ довольно ясно.

Люди мои спали около моей юрты, и хотя Китайскіе солдаты разбили себѣ палатку подлѣ насъ, мы не терпѣли ночью ни малѣйшаго безпокойства. Но только что разсвѣло, явился ко мнѣ старый переводчикъ за водкою; потомъ нашла цѣлая толпа людей, и мнѣ должно было выложить свои товары. Къ сожалѣнію, для обмѣна принесли мнѣ преимущественно кирпичнаго чаю, курительнаго табаку, разноцвѣтнаго шелку и дабы бѣлой и синей, потому что этими статьями Китайское правительство платитъ жалованье своимъ войскамъ. Я получилъ нѣсколько ножей съ вилками, состоящими здѣсь изъ двухъ зубцовъ обыкновенно слоновой кости; также кожаныхъ сумочекъ для огнива, кремня и труту, и наконецъ табатерокъ, разнообразныхъ по формѣ и веществу. Всего болѣе дѣлаютъ ихъ въ видѣ сдавленныхъ круглыхъ скляночекъ съ узкимъ горломъ и затычкою. Табакъ доста-

ютъ палочкой съ конической полостью на нижнемъ концѣ, насыпаютъ его на руку и нюхаютъ. Табатерки прекрасно дѣлаются изъ эмали, стекла и разныхъ другихъ композицій. Часто придаютъ имъ видъ животныхъ, и я вымѣнялъ себѣ между-прочимъ маленькаго слона изъ мамонтовой кости.

Обыкновенно говорятъ, что Китайцы не хотятъ знать другой оцѣнки товару, кромѣ своей собственной. Вѣроятно это не всегда такъ бываетъ, или по-крайней-мѣрѣ иначе было со мной. Подобно низшимъ сословіямъ всѣхъ другихъ народовъ, чернь и здѣсь любитъ торговаться и утягивать; но если бъ это не было такъ скучно, я могъ бы сдѣлать обмѣнъ свой гораздо выгоднѣй.

Онъ былъ уже почти конченъ, когда вошелъ ко мнѣ командиръ, прославъ напередъ свой подарокъ, состоявшій изъ пачки чаю и четырехъ верхнихъ чашекъ грубаго фарфора, при чемъ онъ просилъ извинить незначительность его гостинца тѣмъ, что еще недавно сюда пріѣхалъ и получше съ нимъ ничего нѣтъ. При входѣ онъ не поклонился, не сказалъ ни слова и немедленно сѣлъ, поджавши ноги, на коверъ подлѣ меня. Я велѣлъ подать чаю съ сахаромъ; новость эта ему понравилась, равно какъ и двумъ знатнымъ Калмыкамъ, которые разсматривали сахаръ съ любопытствомъ. Вскорѣ не осталось его ни куска по милости множества простыхъ Китайцевъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ начальниками, такъ что послѣднія чашки пили уже безъ сахару.

Я опять просилъ у командира дозволенія посѣтить горы; онъ тотчасъ велѣлъ одному изъ Калмыковъ и

какому-то другому человѣку готовиться меня сопровождать. Чаю онъ больше не хотѣлъ; я попотчивалъ его шоколадомъ въ дощечкахъ; онъ осмотрѣлъ ихъ пристально, и спросилъ, что это и откуда. Я сталъ ему объяснять и предлагалъ немного отвѣдать, какъ вдругъ послышался страшный шумъ. Я думалъ, не люди ли мои поссорились съ Китайцами, и только хотѣлъ освѣдомиться объ этомъ, какъ командиръ, который вѣроятно угадывалъ причину тревоги, вскочилъ съ своего мѣста и вышелъ. Отъ переводчика узналъ я потомъ, что получена вѣсть о скоромъ прибытіи генерала, осматривающаго пограничные пикеты, и что командиръ поспѣшилъ отдать нужныя приказанія. Онъ говорилъ, что мнѣ всего лучше воротиться на Русскую землю, потому что если генералъ увидитъ меня, это можетъ навлечь большія непріятности и мнѣ, и командиру. По словамъ его, я могъ бы остаться, если бъ у меня были подарки для пріѣзжаго; во всякомъ случаѣ онъ предлагалъ мнѣ переждать его отбытія въ кустарникахъ около Бухтармы. Укрывательство казалось мнѣ опаснымъ, потому что со мною было много лошадей, и я вовсе не чувствовалъ желанія проѣхаться въ Пекинъ какъ государственный преступникъ.

Однако жъ я убѣдился изо всего, что въ Китай не мудрено проникнуть довольно далеко; надобно только имѣть подарки для начальниковъ и не возбуждать ихъ подозрительности утайкою настоящей цѣли путешествія. Всѣ новости распространяются между Калмыками съ удивительной быстротой, и я былъ увѣренъ что Китайцы свѣдали отъ нихъ заранѣе о моемъ при-

бытіи; поэтому я чистосердечно объявилъ имъ, зачѣмъ объѣзжаю горы, и тѣмъ самымъ, быть можетъ, снискалъ ихъ довѣріе до такой степени, что мнѣ хотѣли дать проводниковъ. Что касается до подарковъ и товаровъ, мнѣ сказывали, что для жителей Китая всего искусительнѣе бархатъ, тонкое полотно, часы и особенно пистолеты.

Я велѣлъ сѣдлать и вьючить лошадей, и пошелъ проститься къ командиру, который уже совершенно успокоился и сидѣлъ праздно по-прежнему. Отъѣзжая я видѣлъ какъ сгоняли множество лошадей, а солдаты надѣвали красное платье и вытаскивали свое оружіе — лукъ и стрѣлы. Я воротился въ Фыкалку, вообще довольный своей поѣздкою.

На другой день я пустился въ обратный путь. 9 Сентября изъ Риддерска поѣхалъ я черезъ горы къ берегамъ Колыванскаго Озера. Оно въ 1180 футахъ надъ поверхностью моря, почти совершенно кругло и имѣетъ въ объемѣ шесть верстъ. Западный берегъ его плоскій; на сѣверномъ и восточномъ, отъ самой воды, поднимаются гранитные утесы и идутъ къ южному берегу, гдѣ достигаютъ высоты 750 футовъ. Они одѣты соснами. Съ сѣверной и сѣверовосточной стороны озеро представляетъ видъ самый живописный; въ дали видны толщи высокихъ горъ, а за ними поднимаются бѣлоснѣжныя купы Коргона. Поверхность озера спокойна и чиста, по берегамъ его растетъ тростникъ и кувшинка; на юговосточной половинѣ особенно много чилима. Плодъ этого растенія ѣдятъ и возятъ на продажу въ Змѣиногорскъ, который отсюда верстахъ въ девятнадцати.

Говорятъ, это озеро не имѣетъ истока, но Палласъ утверждаетъ, что оно проходитъ въ нижнюю Колыванку, которая течетъ въ Локтевку. Быть-можетъ, первая изъ этихъ рѣкъ въ лѣтніе жары высыхаетъ (Л. II—3).

Изъ Змѣева отправился я въ Локтевскъ, лежащій посреди степи. Здѣсь устроенъ серебро-плавильный заводъ и сверхъ-того мѣдная рудокопня. Въ 18 верстахъ къ югозападу находится горькосоленое озеро. Дорога туда идетъ черезъ Алей, который переѣзжаютъ по мосту близъ завода; потомъ, миновавъ сосновый лѣсъ, вы опять видите степь, совсѣмъ нагую, и чѣмъ болѣе приближаетесь къ озеру, тѣмъ болѣе встрѣчаете солончаковъ. Наконецъ въ дали показывается бѣлоснѣжная поверхность озера, которое объ эту пору высыхаетъ. Окружающія его растенія подобны тѣмъ, которыя попадаются на морскихъ берегахъ и всѣ покрыты кристаллами горькой соли. Она во многихъ мѣстахъ отдѣлилась уже отъ глины, такъ что можно бъ было собрать ее во всей чистотѣ. Наступало время, когда ее обыкновенно добываютъ; почва уже такъ просохла, что мы ходили по ней, не боясь увязить ногъ. Я перешелъ прямо на островокъ, лежащій посрединѣ озера, и увидѣлъ тамъ тѣ же растенія, что и на берегу. Длина озера отъ сѣверозапада къ юговостоку три версты, а наибольшая ширина двѣсти саженъ. Горькая соль вымывается изъ земли дождевою и снѣжною водой, которая испаряясь оставляетъ ее на поверхности. Ежегодно добывается 2,000 пудовъ этой соли: половину отправляютъ на Барнаульскій стеклянный заводъ; изъ остальной по-

лучаютъ очисткою 700 пудовъ для врачебнаго употребленія и отпускаютъ ихъ въ Сибирскія и другія аптеки.

Осень напоминала мнѣ, что время воротиться въ Барнаулъ. 23 Сентября снѣгъ пушистымъ покрываломъ одѣлъ степь, окраенную справа сосновымъ лѣсомъ. Мы ѣхали то песками, то глиною; не видали ни малѣйшаго ручья, но мѣстами намъ попадались безчисленныя соляныя озерка, или лужи. На берегу тѣхъ, которыя пообширнѣе, всюду выстроены деревни. Вода не во всѣхъ одинакова: въ одномъ довольно прѣсна, въ другомъ она содержитъ въ себѣ много поваренной соли; далѣе эта соль смѣшана съ горькою, такъ что воду пьетъ только привычная къ ней скотина. Каждая деревня поневолѣ роетъ себѣ колодезь, и это живо напоминаетъ отдаленность горъ, гдѣ строятся всегда на берегу быстрыхъ рѣкъ и потоковъ. 26 Сентября пріѣхалъ я въ Барнаулъ.

Этотъ городъ, сдѣлавшійся окружнымъ съ 1822 года, находится на лѣвомъ берегу Оби и впадающей въ нее Барнаулки, въ 400 футахъ надъ морской поверхностью, среди песчаной равнины. Онъ принадлежитъ къ Томской губерніи, но въ отношеніи къ горной части причисленъ къ округу Колыванскихъ заводовъ, зависящихъ непосредственно отъ Кабинета Императорскаго. Впрочемъ главный начальникъ этого округа вмѣстѣ и Томскій гражданскій губернаторъ; онъ живетъ обыкновенно въ Барнаулѣ и только на время ѣздитъ въ губернскій городъ по дѣламъ.

Сильнѣйшій холодъ, который пережилъ я въ Барнаулѣ, простирался до 25 градусовъ и наступилъ въ

первой половинѣ ноября. Мнѣ сказывали, что ртуть замерзаетъ тамъ каждую зиму три или четыре раза. Но стужа эта не такъ чувствительна, какъ можно было бы полагать, потому что воздухъ тихъ совершенно. Когда она усиливается до того, что ртуть начинаетъ мерзнуть, атмосфера становится такъ туманна и густа, что солнце видно только часа на два около полудня. Жаръ лѣтомъ обыкновенно нестерпимъ.

Всѣ огородныя растенія и даже арбузы родятся очень хорошо; плодовыя деревья рѣдки, но виною тому быть-можетъ не столько климатъ, сколько безпечность земледѣльцевъ.

Барнаулъ, хотя и на краю Алтая, составляетъ однако-жъ средоточіе тамошнихъ горныхъ промысловъ, которымъ этотъ край обязанъ своей гражданственностью, колонизаціей и возрастающимъ благоденствіемъ. Но промыслы весьма важны и сами по себѣ количествомъ золотоноснаго серебра, какое доставляютъ они постоянно въ теченіе слишкомъ девяноста лѣтъ, начиная съ 1745 года. По 1825 годъ здѣшніе рудники дали около 63,000 пудъ серебра. Съ 1817 года опредѣлено добывать 1000 пудъ ежегодно, изъ которыхъ на С. Петербургскомъ монетномъ дворѣ получается до 25 пудъ чистаго золота. Ни одинъ край древняго свѣта отдѣльно не представляетъ примѣра столь значительной добычи: Нерчинскіе рудники даютъ около четвертой доли противъ здѣшнихъ, Гарцъ 714 пудовъ, Рудныя Горы въ Саксоніи 786, Венгрія 900; но Мексиканскіе рудники доставляютъ 35,750 пудовъ ежегодно.

Не смотря на то, что количество получаемаго серебра такъ значительно, руды, изъ которыхъ оно выплавляется, очень бѣдны. Среднимъ числомъ содержатъ онѣ около полутора золотника серебра въ пудѣ; или около 0,04 процента, тогда какъ въ Мексиканскихъ рудахъ отъ 0,18 до 0,25 процента серебра. По этому количество разработываемой руды на Колыванскихъ заводахъ чрезвычайно велико и должно составлять отъ 3 до $5\frac{1}{2}$ милліоновъ пудъ.

По вѣдомостямъ, сообщеннымъ Г. Гумбольту въ путешествіе его на Алтай, цѣнность 1000 пудовъ, 2 фунтовъ и 49 золотниковъ золотоноснаго серебра, полученнаго здѣсь въ 1827 году, простиралась до 4, 572,907 рублей, 76 копеекъ; выплавка стоила 1,279,000 рублей, слѣдственно чистая прибыль равнялась 3,293,907 рублямъ 76 копейкамъ.

Кромѣ того на Колыванскихъ заводахъ ежегодно добывается до 12,000 пудъ мѣди и около 20,000 пудъ свинца. До 1808 года свинецъ, потребный для очистки серебра, привозился съ большими издержками изъ Нерчинска. Чугунъ и желѣзо, сколько нужно ихъ для заводовъ, также добываются теперь на мѣстѣ.

Для разработки всѣхъ этихъ рудъ ежегодно издерживается 80,000 кубическихъ сажень дровъ и 260,000 коробовъ уголья, считая по 20 пудъ въ каждомъ. За недостаткомъ лѣсу около рудниковъ, руду отправляютъ на заводы, которые иногда удалены отъ нихъ на двѣсти верстъ. Перевозка производится частію приписными крестьянами, частію на наемныхъ подводахъ, и на это издерживается ежегодно отъ 60 до 65,000 рублей.

Для снабженія здѣшняго края мѣдною монетой съ 1766 года устроенъ монетный дворъ въ Сузунѣ, лежащемъ на 120 верстъ къ сѣверозападу отъ Барнаула. До 1807 года выбивалось на немъ болѣе или менѣе монеты, смотря по обстоятельствамъ, но съ той поры опредѣлено чеканить ежегодно по 250,000 рублей. Вообще съ 1766 года по исходъ 1825 выпущено мѣдныхъ денегъ на 13,587,784 рубля съ копейками.

Началомъ своимъ Барнаулъ обязанъ плавильному заводу, который основанъ въ 1739 году бывшимъ владѣтелемъ здѣшнихъ рудниковъ Акинфіемъ Никитичемъ Демидовымъ. Городъ состоитъ изъ широкихъ прямоугольно пересѣкающихся улицъ; домы по большей части деревянные, маленькіе и отдаленные другъ отъ друга, такъ что обширность Барнаула несоразмѣрна съ числомъ его жителей, которыхъ всего до 9,000 душъ.

Заводы, на южномъ концѣ города, выстроены вдоль плотины, которою запружена Барнаулка, и состоятъ изъ двухъ длинныхъ, величественныхъ зданій: въ одномъ плавится серебро, въ другомъ свинецъ. Оба вмѣстѣ съ обширной площадью, находящеюся передъ ними, окружены каменною стѣной въ видѣ прямоугольника.

Послѣ заводовъ вниманіе наше обратилъ на себя преимущественно музей, который обязанъ своимъ началомъ любознательной дѣятельности начальника горнаго округа, Г. Фролова, и давно поселившагося здѣсь врача, доктора Геблера. Музей содержитъ въ себѣ множество разнородныхъ собраній, относящихся до

Сибири, ея произведеній и жителей. Здѣсь увидите чучелъ млекопитающихъ и птицъ, коллекціи насѣкомыхъ, минералы, модели главнѣйшихъ Алтайскихъ рудниковъ и употребляемыхъ тамъ машинъ, одежды и вещи разныхъ Сибирскихъ народовъ и шамановъ ихъ, наконецъ древности изъ Чудскихъ гробницъ и разныя золотыя, серебряныя и мѣдныя подѣлки.

Не менѣе любопытны естественно-историческій кабинетъ самого доктора Геблера и частное собраніе Г. Фролова, имѣющее предметомъ Китай и его жителей. Особенно богато оно Китайскими рукописями, потомъ Тибетскими, Монгольскими, Персидскими и Арабскими. Кромѣ того я видѣлъ тутъ много бурхановъ, или Монгольскихъ идоловъ, нѣкоторые изъ нихъ золотые и значительной величины. Далѣе священные сосуды Ламантовъ, чашечки, кадила, водохранительницы, похожія видомъ на наши чайники; изображенія злыхъ и добрыхъ духовъ Монгольскихъ, представляемыхъ то въ видѣ настоящихъ звѣрей, то въ видѣ фантастическихъ арабесковъ изъ разныхъ членовъ животнаго. Древности, вырытыя изъ Чудскихъ и Киргизскихъ могилъ, серебряныя чаши, выпуклыя изображенія на серебряныхъ доскахъ, человѣческія фигуры изъ того же металла, замѣчательныя въ рукодѣльномъ, но не въ художественномъ отношеніи. Любопытно также богатое собраніе картинъ и другихъ произведеній Китайскаго искусства. Въ живописи видно много тщательности и чистоты, и замѣтно, что Китайцы начинаютъ соблюдать правила перспективы и расположенія тѣней. Пластическія издѣлія изъ Китайскаго тучняка поражаютъ сходствомъ обликовъ животнаго и

растительнаго царствъ, но всюду обнаруживается страсть Китайскаго народа къ изображенію неблагопристойныхъ предметовъ. Иногда вы и не подозрѣваете этого, но подавите пружинку, и передъ вами открывается величайшій соблазнъ. Впрочемъ, всякій, кто бывалъ въ Маймачинѣ, знаетъ, что Китайцы любятъ подобныя вещи не только въ пластическихъ подражаніяхъ, но и въ дѣйствительности.

При здѣшнихъ заводахъ есть нѣсколько казенныхъ фабрикъ, въ томъ числѣ бумажная и стекольный заводъ. Хотя они предназначены въ особенности для потребителей горнаго вѣдомства, однако жъ удовлетворяютъ вмѣстѣ и существеннымъ нуждамъ прочихъ жителей.

Вообще не льзя видѣть безъ удовольствія, какъ хорошо живутъ въ Барнаулѣ: тонъ общества самый пріятный, о гостепріимствѣ нечего и говорить. Горнослужащіе находятся между собой въ дружескихъ отношеніяхъ и чрезвычайно обязательны къ пріѣзжимъ. Большая часть офицеровъ воспитаны въ Петербургѣ, нѣкоторые бывали въ чужихъ краяхъ. Подъ вліяніемъ ихъ затѣваются разныя общественныя увеселенія, музыка, танцы, домашніе театры. Въ 5000 верстъ отъ столицы съ удивленіемъ видите вы гнѣздо Европейской образованности.

ГЛАВА IX.

Усть-Каменогорскъ. Бухтарминскъ. Линія Русскихъ форпостовъ. Поѣздка въ Китайскія владѣнія. Норъ-Зайсанъ. Развалины Аблайкита. Семипалатинскъ. Казаки. Чжунгарская степь. Встрѣча съ Киргизами. Чингисъ-Тау. Киргизскій станъ. Каръ-Каралы, Русскій форпостъ. Алтынъ-Тубейскіе изумруды. Колонія Каръ-Каралы. Киргизы.

Докторъ Мейеръ, сопровождавшій Г. Ледебура въ его путешествіи, предпринялъ отдѣльную поѣздку въ Киргизскую степь. 18 Марта 1826 года отправился онъ съ докторомъ Бунге изъ Барнаула, и 4 апрѣля прибылъ въ Усть-Каменогорскъ. Эта крѣпость построена въ 1729 году на холмѣ по правую сторону Иртыша, немного выше устья Убы, которая въ него впадаетъ. Она довольно велика и украшена каменною церковью; мелкія деревянныя жилья всѣ почти заняты военнымъ народомъ. Впрочемъ всѣ укрѣпленія состоятъ изъ вала, окруженнаго рвомъ. Въ полуверстѣ къ востоку находятся городъ и казацкая слобода, иногда заливаемые рѣкою. Населенность города и крѣпости состоитъ изъ 2,000 душъ. Это главный городъ уѣзда, въ предѣлахъ котораго кочуютъ бродячіе Киргизы, присягнувшіе на вѣрность Императору Всероссійскому. Усть-Каменогорскъ производитъ нѣкоторый торгъ съ Китайцами, Киргизами и Ташкентскими Татарами.

Я держался линіи редутовъ, говоритъ докторъ Мейеръ, до самаго Бухтарминска, который лежитъ на правомъ, крутомъ берегу Бухтармы, въ верстѣ отъ слитія ея съ Иртышемъ, среди равнины, окруженной горами. Переправясь черезъ обѣ рѣки и обезопасивъ себя порядочнымъ конвоемъ, я продолжалъ слѣдовать линіею Русскихъ форпостовъ въ глубину степи. Съ другой стороны расположены Китайскіе редуты, занятые солдатами изъ Манджуровъ и Монголъ; здѣсь подчинены они начальнику Че-гу-чекской области. Киргизы живутъ очень дружно съ Русскими и съ Китайцами. Два офицера, въ сопровожденіи двухъ солдатъ съ Китайской стороны, пріѣхали въ гости къ командиру Русскаго форпоста, гдѣ мы остановились. Ихъ очень занимала моя зрительная труба, и они говорили, что хотя у нихъ дѣлаютъ такія же, однако эта несравненно лучше.

Быть можетъ, покажется страннымъ, что Русскіе ходятъ на звѣриную и рыбную ловлю въ Китайскія владѣнія; но загадка легко рѣшается, когда узнаемъ, что всякая Русская ладья, идущая вверхъ по Иртышу, обязана давать Манджурамъ мѣру соли, содержащую въ себѣ на вѣсъ тридцать фунтовъ. Сверхъ-того Китайскій генералъ, которому ввѣренъ надзоръ за пикетами, ежегодно получаетъ въ подарокъ пять сотъ стерлядей, конфекты и другія бездѣлицы. Манджуры тоже нѣсколько торгуютъ съ Русскими: они промѣниваютъ фарфоровыя чашки, кирпичный чай, табакъ и шелковыя издѣлія на другіе предметы, между прочимъ на рыбій клей и на везигу стерляжью и осетровую, до которой они большіе охотники. Вслѣдствіе этого Рус-

скіе могутъ безпрепятственно ловить рыбу въ Норъ-Зайсанѣ и даже далѣе въ верхнемъ Иртышѣ. Стерляди и осетры, ловимые близъ Норъ-Зайсана, чрезвычайно вкусны. Аршинная стерлядь весьма обыкновенна; тѣ, которыя менѣе трехъ четвертей, не считаются за цѣлую рыбу, а только за половину. Осетры вѣсомъ отъ 2 до 3 пудовъ. Ежегодно ловится до 3,000 осетровъ и около 30,000 стерлядей. За осетра платятъ на мѣстѣ 5 рублей, за стерлядь полтину; но продавецъ пользуется только половиною суммы, а другую половину отдаетъ въ видѣ пошлины въ пользу Иртышскихъ казаковъ.

Мы пріѣхали не для рыбной ловли и потому даромъ получили дозволеніе заглянуть въ Китайскіе предѣлы. Киргизскіе старшины приняли насъ очень хорошо въ своихъ юртахъ. По песчанымъ мѣстамъ и степямъ, испещреннымъ солянками, мы прибыли къ Норъ-Зайсану. Это озеро, образуемое расширеніемъ Иртыша, не представляетъ ничего замѣчательнаго. По словамъ рыбаковъ, берега его вездѣ ровны, а если гдѣ и есть возвышенія, то не болѣе какъ сажени на три. При истокѣ Иртыша и нерѣдко въ другихъ мѣстахъ почва болотиста и покрыта тростникомъ, гдѣ укрываются дикіе кабаны.

Я проникъ въ смежную равнину, простирающуюся слишкомъ на пятнадцать верстъ; далѣе открылась передо мной низменность, по веснѣ заливаемая дождевой и снѣжной водою. На ней было множество лужъ или небольшихъ озеръ, въ которыхъ вода весьма глиниста, солона и до того непріятна, что даже водяныя птицы не пьютъ ея. Нѣкоторыя озера имѣли по

нѣскольку верстъ въ окружности, но всѣ они очень мелки и по краямъ покрыты тростникомъ; многія изъ нихъ уже высохли, и на днѣ ихъ лежалъ только глинистый илъ съ проступами глауберовой соли.

Равнина простирается до Аркаульскихъ горъ, которыя даютъ начало многимъ прѣснымъ источникамъ. Зимою обитаемая Киргизами, она была теперь совершенно пуста: мелькали только ящерицы, нѣсколько птицъ, полевыя крысы, да робкія сайги. Въ іюлѣ Киргизы приходятъ сюда за обыкновенной солью, а иногда дѣлаютъ и разбойническій набѣгъ въ окрестности.

На другой день, 16 маія, посѣтилъ я главныя вершины Даленкары и наслаждался великолѣпнымъ видомъ во всѣ стороны. Къ югу и востоку даль заслонялась громадами горъ. На одномъ весьма крутомъ скатѣ замѣтилъ я изображенія животныхъ, высѣченныя въ камнѣ едва-ли на поллиніи въ глубину. Половина этихъ грубыхъ очерковъ совсѣмъ изгладилась, остальная сохранилась вполнѣ; по ней легко было узнать фигуры лося и сайги. Это не Киргизская работа, а что-то очень древнее и вѣроятно одного происхожденія съ той рѣзьбою, которая попадается на Енисейскихъ берегахъ.

Множество Киргизскихъ могилъ разсѣяно у подошвы Аркаула; нѣкоторыя похожи на печь, другія состоятъ только изъ груды каменьевъ.

Воротясь къ берегамъ Иртыша, мы спустились опять къ Усть-Каменогорску и оттуда направили путь свой въ степь на югъ. Если край, прилежащій къ Норъ-Зайсану, назовемъ Восточно-Чжунгарской степью,

то другую степь, простирающуюся прямо къ югу отъ Усть-Каменогорска, можно бы назвать Западно-Чжунгарскою. Предѣломъ обѣимъ степямъ служатъ горные хребты, которые между Бухтарминскомъ и Усть-Каменогорскомъ отходятъ отъ Алтая къ югу, возвышаются около Аблакитскихъ палатъ и примыкаютъ къ Тарбагатаю посредствомъ горныхъ цѣпей Хейрека, Калмы, Тологая и Халвы.

Я переправился черезъ Аблакитку, впадающую въ Иртышъ съ лѣвой стороны, и ѣхалъ прекрасными лугами, гдѣ множество ручьевъ сливаются въ этотъ горный потокъ. Край покрытъ высотами сланцевой породы; многія горы подымаются на 3,500 футовъ надъ Аблакиткою. По обѣимъ сторонамъ рѣки видѣлъ я немало такъ называемыхъ Чудскихъ могилъ; онѣ по большей части были разрыты. Мѣстами попадались и Киргизскія. Наконецъ, проѣхавъ верстъ семьдесятъ отъ Усть-Каменогорска, мы достигли развалинъ такъ называемыхъ Аблакитскихъ палатъ, — знаменитаго Чжунгарскаго капища, видѣннаго Палласомъ, а теперь упавшаго совершенно.

Говорятъ, оно построено въ 1654 году Чжунгарскимъ княземъ Аблаемъ (Л. IV — 1). Киргизы разбивали большіе прекрасные кирпичи этого зданія и дѣлали изъ нихъ гробницы своимъ султанамъ; уцѣлѣли только фундаментъ и ограда, которую строители провели даже на едва доступную вершину горы, лежащей къ сѣверу: для этого были потребны цѣлыя скалы гранита. Въ двухъ мѣстахъ замѣтилъ я въ горѣ разсѣлины, очевидно распространенныя искусствомъ такъ, чтобы онѣ могли служить выходами. На сѣверо-

западномъ ея краѣ, между двухъ крутыхъ утесовъ сжато маленькое озеро во сто футовъ длины и въ 50 ширины. Оно весьма глубоко; бурая вода его довольно вкусна, и въ немъ водится много жирныхъ карасей, за которыми иногда приходятъ сюда изъ Усть-Каменогорска. Около развалинъ видѣлъ я много могилъ, похожихъ на тѣ, что слывутъ Чудскими, но, быть-можетъ, принадлежащихъ Чжунгарамъ. Тому около двадцати пяти лѣтъ дѣлали здѣсь поиски въ теченіи двухъ мѣсяцевъ: сто рабочихъ солдатъ успѣли разрыть бездну могилъ, но, говорятъ, кромѣ костей, нашли только мѣдный кувшинчикъ.

Сказываютъ, что въ пяти верстахъ къ югозападу найдены остатки печей, въ которыхъ вѣроятно обжигали кирпичи при постройкѣ капища; въ десяти верстахъ на юговостокъ есть нѣсколько озеръ, питающихъ своими водами притоки Аблакитки.

7 Іюля я былъ уже въ Усть-Каменогорскѣ и пустился оттуда въ Семипалатинскъ. По переправѣ черезъ Ульбу дорога идетъ прямо на западъ сперва чрезъ низменные холмы, и только далѣе къ сѣверу показываются горы, состоящія по большей части изъ гранита. Впрочемъ до самаго Семипалатинска высоты часто смѣняются лугами и глинистыми лощинами, которыя въ весеннюю распутицу вовсе непроходимы; мѣстами есть однако же и пески. Чѣмъ ближе къ Семипалатинску, тѣмъ болѣе господствуютъ въ растительномъ царствѣ солянки. Въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Озерскаго редута находится казенная лѣсопильная мельница, снабжающая досками весь здѣшній край и особенно маленькую верфь, пониже Семи-

палатинска, на которой строятъ довольно большія суда для перевозки соли.

Между Усть-Каменогорскомъ и Семипалатинскомъ Иртышъ течетъ довольно медленно, большими излучинами, и образуетъ длинные острова, поросшіе лѣсомъ и дающіе много превосходнаго сѣна. Окрестныя поля иногда опустошаются саранчей.

Семипалатинская крѣпость основана послѣ 1772 года. Она въ 15 верстахъ къ востоку отъ старой крѣпости, которая сохранилась только въ видѣ редута. Новая построена на правомъ берегу Иртыша, весьма высокомъ и крутомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея лежатъ едва видныя основанія трехъ старыхъ зданій, а въ верстѣ къ западу находятся слабые слѣды четырехъ другихъ палатъ. Крѣпость невелика, съ валами, одѣтыми камнемъ и окруженными сухимъ рвомъ. Внутри ея—красивая каменная церковь, домы для коменданта и другихъ военныхъ чиновниковъ, казармы, гауптвахта и нѣкоторыя другія зданія. Мало кто живетъ въ крѣпости, за исключеніемъ военныхъ. Къ западу отъ нея есть казацкій редутъ, окруженный рогатками.

Городъ Семипалатинскъ едва ли на полверсты отъ крѣпости того же имени, у рѣчки Семипалатинки, впадающей въ Иртышъ. Онъ довольно великъ, но строеніе въ немъ все деревянное, четыре мечети, гостиный дворъ, ветхія таможенныя зданія и, особливо въ сѣверной части, много Киргизскихъ юртъ. Населеніе состоитъ изъ Русскихъ, Татаръ, Киргизовъ, Ташкентцовъ, нѣсколька Нѣмцевъ и Жидовъ. Пестрота Азіатскихъ одеждъ, женщины подъ покрывалами, минареты мече-

тей, откуда однозвучный голосъ муэдзиновъ зоветъ на молитву, все это придаетъ городу Восточный видъ. Трудно и непріятно ходить по здѣшнимъ улицамъ въ пескѣ по колѣно. Только по берегамъ Иртыша можно было устроить небольшіе огороды, гдѣ разводятъ весьма немного овощей. Арбузы родятся довольно хорошо, но дыни требуютъ особеннаго ухода, не смотря на то, что жаръ лѣтомъ обыкновенно нестерпимъ. Зимы часто бываютъ прежестокія, и морозъ усиливается иногда до 30 градусовъ, но вообще не надолго.

Здѣсь происходитъ значительный торгъ: цѣнность привозныхъ и отпускныхъ товаровъ простирается до милліона рублей ежегодно. Главнѣйшее участіе въ дѣлахъ имѣютъ Русскіе, Татары и пріѣзжіе Азіатцы, въ особенности Ташкентскіе. Торговля съ отдаленными странами — Кашгаромъ, Ташкентомъ, Кашмиромъ, Кулджи, большею частію въ рукахъ у этихъ иноземцевъ. Живя въ Семипалатинскѣ, они посѣщаютъ оттуда важнѣйшія ярмонки въ Россіи; повинностей не платятъ, а пользуются правами купцевъ первой и второй гильдій.

У Киргизовъ, преимущественно средней орды, вымѣниваютъ они скотъ, мягкую рухлядь, пухъ козій и верблюжій, платя имъ кожею, табакомъ, мануфактурными издѣліями и хлѣбомъ. Съ Китайцами торгуютъ только въ городахъ Чегучакѣ, Кулджи и Кашгарѣ; получаютъ отъ нихъ шелковыя и бумажныя ткани, чай, серебро въ іембахъ, или слиткахъ, фарфоръ, табакъ и разныя мелочи. Русскіе товары, преимущественно скотъ, кожи, металлическія издѣлія, бобровые мѣха и

сукно, не вступають здѣсь въ предѣлы Китая иначе, какъ подъ именемъ Киргизскихъ. Купцы посредствомъ подарковъ получаютъ отъ сильнѣйшихъ султановъ граматы къ начальникамъ упомянутыхъ городовъ, и Русскій караванъ допускается только какъ собственность покровительствующаго султана. Этого мало: каравану не дозволяютъ открыть мѣны, если онъ не привезъ надлежащихъ подарковъ Китайскому градоначальнику и другимъ властямъ, второстепеннымъ.

Чегучакъ, небольшой городъ, верстъ на 500 отъ Семипалатинска; туда есть довольно удобный проѣзжій путь. Гораздо труднѣе проникнуть въ Кулджи, куда товары отправляются чаще на верблюдахъ. Городъ великъ и обнесенъ каменной стѣною; въ немъ до 10,000 небольшихъ домовъ и нѣсколько прекрасныхъ капищъ; улицы тѣсныя и кривыя.

Дорога въ Ташкентъ и Коканъ еще затруднительнѣй: должно проѣхать на верблюдахъ около полуторы тысячи верстъ, по большей части, обширными безводными степями. Оттуда получаются бумажныя и шелковыя издѣлія, сарацинское пшено, сушеные плоды, какъ напримѣръ кишмишъ, урюкъ, миндаль, фисташки, и такъ далѣе.

Изъ Кашмира вывозятся дорогія шали и платки, за которые платятъ преимущественно Ташкентскими, Коканскими и Бухарскими червонцами, потому что слишкомъ ненадежно посылать въ такую даль товары. Червонцы эти высоко цѣнятся въ Семипалатинскѣ, и рѣдко вымѣняете ихъ ниже 15 рублей ассигнаціями.

Между жителями Семипалатинскаго округа, равно какъ и Усть-Каменогорскаго уѣзда, послѣ Киргизовъ самые многочисленные казаки. Они происходятъ отъ Уральскихъ, что прежде были Яицкіе, и составляютъ породу рослыхъ, часто весьма красивыхъ людей, русыхъ съ голубыми глазами или темноволосыхъ съ карьими. Они храбры на войнѣ, съ твердостью переносятъ всѣ затрудненія и почитаютъ себя неодолимыми; въ домашней жизни наблюдаютъ порядокъ и чистоту. Одна бѣда: они немного лѣнивы и любятъ выпить.

Форпосты и редуты всей Иртышской линіи заняты казаками, которые образуютъ главную основу здѣшнихъ военныхъ силъ, состоящихъ сверхъ - того изъ баталіона пѣхоты въ каждой крѣпости и нѣсколька артиллерійскихъ командъ. Оружіе ихъ карабинъ, пара пистолетовъ, сабля и пика. Всѣ они обмундированы и составляютъ хорошую кавалерію. Свободные отъ податей, они всѣ обязаны къ военной службѣ. Всѣ здоровые казаки входятъ въ составъ дѣйствующаго отряда. Имъ поручено охраненіе предѣловъ, и изъ нихъ же составляются команды, посылаемыя за границу. Неспособные къ этой службѣ поступаютъ въ резервъ, употребляемый на внутреннія послуги, разсылки и сопровожденіе проѣзжихъ. Въ случаѣ совершенной неспособности, имъ дается полное увольненіе, и мѣсто ихъ заступаютъ подростшіе кантонисты. Служба не трудна, потому что здѣшній край всегда почти наслаждается спокойствіемъ, и рѣдко бываетъ надобность собирать команды. По лѣтомъ всѣ способные къ службѣ выступаютъ на шесть

недѣль въ лагери и обучаются военному дѣлу; остальное время, кромѣ особливыхъ случаевъ, они свободны, и занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Каждый получаетъ жалованье, аммуницію, фронтовую лошадь и фуражныя деньги. При отставкѣ жалованье обращается въ пенсію.

Въ каждомъ редутѣ начальствуетъ пятидесятникъ и подъ нимъ урядники. Нѣсколько редутовъ, подъ командою сотника, составляютъ эскадронъ, а нѣсколько эскадроновъ — полкъ подъ начальствомъ ессаула. Наконецъ каждые три полка составляютъ бригаду, а всѣ вмѣстѣ подчинены атаману и войсковой канцеляріи, находящейся въ Омскѣ. Во многихъ редутахъ есть училища; способнѣйшіе изъ кантонистовъ довершаютъ свое образованіе въ Омскѣ, и отличные изъ нихъ поступаютъ въ учители, а военной службы не несутъ.

Мнѣ хотѣлось осмотрѣть хребетъ Каръ-Каралы и копи мѣдноватаго изумруда въ горахъ Алтынъ-Тубе, къ югозападу отъ Семипалатинска. 26 Іюля отправился я на четырехъ таратайкахъ, или двухколесныхъ тѣлежкахъ въ одну лошадь, подъ прикрытіемъ четырехъ казаковъ. Берега Иртыша въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы его переѣзжали, глинистаго свойства и отъ 30 до 40 футовъ въ вышину. Почва окрестной степи также глиниста и растеніями довольно бѣдна: только полынь, да нѣсколько солянокъ мѣстами прикрывали наготу ея. Къ западу и востоку тянулись въ нѣкоторомъ отдаленіи невысокіе горные хребты; южный небосклонъ заслонялся холмами.

Когда Семипалатинскъ исчезъ у меня изъ виду, когда затихъ лай собакъ и звукъ барабана, тогда только пришло мнѣ въ голову, что я углубляюсь въ степь, гдѣ законы гражданскіе не имѣютъ болѣе власти, и толпы полудикихъ номадовъ грозятъ нападеніемъ на каждомъ шагу. Вѣсти, полученныя въ Семипалатинскѣ наканунѣ моего отъѣзда, были вовсе неободрительны: поговаривали о сшибкѣ, которая произошла близъ Каръ-Каралы между Русскимъ отрядомъ и двумя тысячами Киргизовъ. Мы легко могли повстрѣчаться съ остатками разбитыхъ хищниковъ; но, къ счастію, провожавшіе меня казаки ни сколько не унывали духомъ. Условились о предосторожностяхъ, и мало по малу всѣ опасенія исчезли.

Безплодную степь прорѣзывали плоскіе пригорки, покрытые во многихъ мѣстахъ солончаками; часто наѣзжали мы на изсохшіе ручьи, которые по веснѣ вѣроятно наполняются водой; изрѣдка мелькали мимо насъ робкія сайги и стрепеты. У подошвы Аркалыкскихъ горъ нашли мы нѣсколько родниковъ и источникъ съ прекрасной водою. Мы переѣхали чрезъ высоты, и въ нѣкоторомъ разстояніи повстрѣчали караванъ, идущій изъ Чегу-чака въ Семипалатинскъ; четыре верблюда были навьючены дабой и мерлушками.

Далѣе степь начинаетъ быть гориста; индѣ встрѣчаются долины, родники и маленькія озера: въ нѣкоторыхъ вода прѣсна, въ другихъ сильно напитана солью и селитрой. Мы ѣхали постоянно въ югозападномъ направленіи и къ востоку отъ себя оставили Кушумбетскіе холмы, во всемъ подобные Аркалык-

скимъ. Бугристая степь прерывается долиной, за которою видна гора Аркатъ. Видъ ея изъ-дали очень живописенъ: крутая зубчатая вершина чрезвычайно похожа на развалины древняго за́мка съ обрушенными стѣнами, изъ-за которыхъ кое-гдѣ торчатъ остовы уцѣлѣвшихъ трубъ. Переѣхавъ чрезъ высоту, мы вступили въ довольно узкую тѣснину и вдругъ увидѣли нѣсколько конныхъ Киргизовъ, которые спускались съ противолежащаго холма. Замѣтивъ насъ, они тотчасъ поскакали къ намъ стремглавъ. Къ несчастію, трое нашихъ казаковъ отдалились въ погоню за сернами; при мнѣ осталось всего четыре человѣка. Вскорѣ окружили насъ болѣе сорока Киргизовъ, одни вооруженные пиками, другіе дубинами и шестами. У одного изъ нихъ была негодная сабля, которою онъ махалъ съ задорнымъ видомъ. Безъ явнаго нападенія они тѣснили насъ со всѣхъ сторонъ, спрашивали, кто мы, откуда и куда, и показывали сильное желаніе пощечиться отъ насъ курительнымъ табакомъ. Чтобы выиграть времени, я велѣлъ одѣлить ихъ по немногу. Нѣкоторые продолжали задирать насъ угрозами, но старшіе старались ихъ унять. Мы были въ довольно затруднительномъ положеніи, какъ подоспѣлъ къ намъ одинъ казакъ. Присутствіе его очевидно произвело впечатлѣніе на Киргизовъ: они присмирѣли. Вскорѣ появились два другіе казака; но прежде чѣмъ они къ намъ подъѣхали, на другой сторонѣ долины показалось Киргизовъ человѣкъ шестьдесятъ Между-тѣмъ мы достигли береговъ маленькаго ручья, гдѣ я велѣлъ остановиться, отпрячь лошадей, сдѣлать изъ четырехъ тележекъ родъ ретраншамента и въ

то же время изготовить на всякой случай наше огнестрѣльное оружіе. Начальникъ всѣхъ этихъ Киргизовъ находился при второй шайкѣ. Я велѣлъ сказать имъ, что мы посланы отъ Русскаго правительства для изслѣдованія здѣшняго края, и осмѣлься они насъ тронуть, мы тотчасъ начнемъ по нихъ стрѣлять, а если они одолѣютъ насъ многочисленностью, такой поступокъ не останется безъ наказанія. Рѣшительныя слова вмѣстѣ съ проготовленіями къ оборонѣ подѣйствовали на своевольную толпу. Старшина все еще затруднялся: онъ подозрѣвалъ, что мы бѣглые, и хотѣлъ препроводить насъ въ Семипалатинскъ. Я показалъ ему нѣсколько бумагъ съ большими печатями; онъ тотчасъ сдѣлался учтивѣе и обѣщалъ оставить насъ въ покоѣ. По разсказамъ его, на ихъ волость напали другіе Киргизы и ограбили ее, а они пустились въ погоню за разбойниками и уже два дня голодали. Въ заключеніе онъ просилъ у насъ сколько нибудь съѣстныхъ припасовъ. Чтобы упрочить миръ, я велѣлъ дать имъ одну сайгу, нѣсколько сухарей и табаку. Несмотря на эти мирныя отношенія чуть было не дошло до враждебныхъ дѣйствій, потому что многіе изъ молодыхъ Киргизовъ не хотѣли отступиться отъ хорошей добычи, а одинъ изъ казаковъ, досадуя на обидныя слова ихъ и на то, что имъ отдали сайгу, прицѣлился было изъ ружья, чтобы подстрѣлить самыхъ безпокойныхъ. Къ счастію, старшина имѣлъ столько благоразумія и власти, что могъ укротить своихъ людей. Наконецъ они оставили насъ, и я былъ сердечно радъ, что такъ дешево отъ нихъ отдѣлался. На ночь приняты были всѣ предо-

сторожности, и огнестрѣльное оружіе, котораго Киргизы такъ боятся, было наготовѣ.

У нихъ есть нѣсколько ружей съ фитилями, но они почти никогда не берутъ ихъ съ собою въ набѣгахъ, потому что при встрѣчѣ съ многочисленнѣйшими толпами должны всегда опасаться утраты этихъ рѣдкихъ оружій. Впрочемъ они вообще не кровожадны и весьма рѣдко кто-нибудь изъ нихъ погибаетъ въ сраженіи. За такую смерть семейство падшаго отмщаетъ жестокимъ образомъ, если убійца не откупится какою нибудь очистительною жертвой. Замѣчательный случай такого рода разсказывалъ мнѣ казакъ, бывшій тому очевидцемъ. Въ окрестностяхъ озера Балхаша разбойники увели стадо одного молодаго Киргиза. Хозяинъ, узнавъ о томъ, вскочилъ на быстраго бѣгуна, догналъ хищниковъ, но упалъ, замертво пронзенный пикой. Люди его и друзья окружили грабителей и всѣхъ захватили. Жена погибшаго требовала смерти убійцы; ни какія просьбы и предложенія со стороны его родственниковъ, ни какія увѣщанія ближнихъ и знакомыхъ вдовы не могли склонить ее къ прощенію; надобно было выдать ей преступника, и она заколола его сама въ отмщеніе за мужа. Могилы обѣихъ жертвъ вырыты рядомъ; ихъ раздѣляетъ только небольшой ручей.

Къ удивленію, мы не видали ни одного аула въ такомъ краю, гдѣ обыкновенно кочуютъ десятки тысячъ Киргизовъ. Это было тѣмъ непріятнѣе, что намъ хотѣлось бы имѣть проводника. Къ тому же у насъ захромала лошадь, и одному изъ моихъ спутниковъ надлежало идти пѣшкомъ.

Степь была чрезвычайно суха и только изрѣдка прикрыта тощими растеніями. Множество сернъ обитало въ этой пустынѣ. 2 Августа день былъ ужасно зноенъ, и лошади наши совсѣмъ измучились. Напротивъ того, на горахъ постоянно шелъ дождь. При этомъ въ раскаленной атмосферѣ появлялись самыя чудныя отраженія—то обширныя плоскости воды, то лѣса дремучіе, которые исчезали отъ насъ, когда мы приближались къ горамъ. Сайги въ нѣкоторомъ разстояніи казались почти съ лошадь величиною, и нерѣдко видѣлись намъ скачущіе Киргизы, превращавшіеся потомъ въ миролюбивыхъ сернъ. Двое казаковъ, которые немного отстали, гонясь за сайгою, примчались къ намъ во весь опоръ: имъ почудилось, будто мы окружены Киргизами, и они едва вѣрили глазамъ своимъ, что это одно воздушное явленіе. Безпрерывное возниканіе и разсѣяніе всякаго рода обликовъ было чрезвычайно забавно и привлекательно.

Наконецъ мы достигли предгорій хребта Чингисъ-Тау. Проѣхавъ верстъ пять берегомъ рѣчки, который поросъ ивами и кустарникомъ, мы взобрались на одну изъ самыхъ высокихъ вершинъ и увидѣли передъ собой нѣсколько параллельныхъ горныхъ цѣпей, раздѣленныхъ узкими долинами, или рвами. Ширина всего хребта отъ 20 до 30 верстъ по-крайней-мѣрѣ. Порода, сколько я могъ видѣть, состоитъ изъ зеленаго камня и зелено-каменнаго сланца. Я замѣтилъ только одну вершину изъ красноватаго гранита, весьма похожую на гранитныя горы по Иртышу, да и растенія здѣсь по большей части тѣ же.

Въ долинахъ часто встрѣчали мы остатки Киргизскихъ зимовьевъ, которыя вмѣстѣ съ множествомъ могилъ на сѣверномъ скатѣ горной цѣпи, служили очевиднымъ доказательствомъ, что въ зимнее время Киргизы живутъ здѣсь въ большомъ числѣ. Становища ихъ легко узнать по кучамъ тизека, или навоза, употребляемаго здѣсь для топлева, и по низкой каменной оградѣ, которою окружается юрта.

Мы видѣли здѣсь множество сайгъ, и очень забавлялись ихъ бѣгомъ и прыжками. Въ началѣ преслѣдованія, онѣ прыгаютъ и мало подаются впередъ; но далѣе, оставивъ прыжки, пускаются въ скачь, и тутъ не догнать ихъ самой рѣзвой лошади. Бѣдныя животныя очень страждутъ отъ личинокъ насѣкомаго Oestrus antilopum. Кожа у нихъ на спинѣ, какъ рѣшето, вся въ дирочкахъ, и подъ нею множество личинокъ. Къ концу лѣта насѣкомое вылупается, выползаетъ наружу, и ранки заживаютъ.

11 Августа казакамъ моимъ почудилось, что они видятъ вдали трехъ конныхъ Киргизовъ. Ввечеру на случай внезапнаго нападенія мы привязали лошадей близъ шатра. Одинъ изъ людей постоянно былъ на караулѣ; двое другихъ спали съ готовымъ оружіемъ. Ночь прошла тихо, но казаки не ошиблись: невдалекѣ отъ нашего ночлега, въ одномъ Киргизскомъ зимовьѣ, мы нашли тлѣющійся огонь и шкуру молодаго волка.

13 Августа прибыли мы на берега небольшой рѣки, и казаки тотчасъ узнали въ ней Чаганку, которой слѣдовало намъ достигнуть на этомъ пути. Она течетъ къ западу и впадаетъ въ Иртышъ противъ Долони.

Отрасль Чингисъ-Тау, у которой мы теперь находились, возвышается на 600 футовъ надъ морской поверхностью. Далѣе выступили изъ-за тумановъ верхи Чжигилена. Я хотѣлъ взойдти на нихъ, какъ въ глубинѣ одного ущелья показалось человѣкъ двадцать Киргизовъ, и многіе изъ нихъ были съ ружьями. Мы, хотя только вчетверомъ, не показывали ни какой боязни, а Киргизы повидимому испугались: они тотчасъ исчезли въ другой тѣснинѣ. Вскорѣ на вершинѣ горы явился всадникъ и наблюдалъ за нашими движеніями; черезъ полчаса опять выѣхали изъ ущелья другіе Киргизы и, держась какъ можно ближе подошвы Чжигилена, удалились къ востоку во всю прыть. Такая встрѣча заставила меня отложить прогулку на горы.

На другой день я взобрался на нихъ съ большимъ трудомъ, потому что наклоны очень круты. Высота ихъ довольно значительна. Онѣ раздѣляются на двѣ параллельныя отрасли верстъ на десять въ длину и на двадцать въ ширину. Простираясь отъ сѣверо-запада къ юговостоку, онѣ понижаются исподоволь въ ровень со степью и образуютъ болѣе или менѣе широкія долины, гдѣ текутъ мелкіе ручьи. Потоки южнаго ската сливаются у подножія горъ въ маленькую рѣчку, которая лѣтомъ высыхаетъ, а весною течетъ въ небольшое соляное озеро, окаймленное рамою прекрасныхъ луговъ. Кряжъ состоитъ изъ красноватаго гранита, весьма похожаго на тотъ, что встрѣчается за Бухтарминскомъ, по Иртышу. Нижнія покатости довольно отлоги и по большей части покрыты землею; напротивъ того вершины очень круты, зубчаты

и почти совсѣмъ обнажены. На горахъ нѣтъ ни одного дерева; растительность ограничивается кустарниками и травами.

Продолжая путь въ сѣверозападномъ направленіи черезъ холмы и долины, мы увидѣли четырехъ Киргизовъ верхомъ на лошадяхъ; они скрылись въ то же мгновеніе, а мы подавались впередъ съ большою осторожностью, опасаясь, чтобъ на насъ не напали. Впослѣдствіи явился еще одинъ Киргизъ, посмотрѣлъ на насъ и пустился прямо въ нашу сторону. Трубка табаку, которую мы предложили ему, тотчасъ расположила его въ нашу пользу; мы узнали отъ него, что находимся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги изъ Семиярска въ Каръ-Каралы, и что нѣсколько далѣе къ сѣверозападу есть Русскій пикетъ на горѣ Едреѣ. Потомъ подоспѣли еще двое Киргизовъ и пригласили насъ наночь въ свой аулъ. Они принадлежали къ Тубуклинской волости, которая долго была пріютомъ самыхъ безпокойныхъ и хищныхъ Киргизовъ, пока казаки не поймали ихъ однажды въ угонѣ скота. Султанъ и другіе начальники подпали военному суду, нѣкоторые изъ нихъ были строго наказаны, и съ той поры волость сдѣлалась одною изъ покорнѣйшихъ и присягнула на подданство Россіи.

Аулъ ихъ стоялъ за большою дорогой, на берегу прѣснаго озера. Какую противоположность представляла шумная жизнь этого стана съ мертвымъ безмолвіемъ пустынь, гдѣ мы такъ долго скитались. Видъ его былъ для насъ восхитителенъ. Множество юртъ

окружали озеро; стада барановъ, лошадей, верблюдовъ, рогатаго скота и козъ были разсѣяны по полю; тамъ и сямъ скакали Киргизы, смотрѣвшіе за стадами; полунагіе мальчики шныряли взадъ и впередъ; женщины суетились по хозяйству, и среди всего этого говоръ Киргизовъ, лай собакъ, блеяніе овецъ и раздающійся по временамъ странный крикъ верблюдовъ, все увеличивало разнообразіе и увлекательность картины.

Тотчасъ поставили мою палатку. Нашло множество Киргизовъ, которые разсматривали всѣ наши вещи съ удивленіемъ и прищелкивая языкомъ, и въ тоже время осыпали насъ вопросами: откуда мы, куда и зачѣмъ. Киргизы вообще крайне любопытны и, увидѣвъ кого нибудь въ дали, готовы скакать нѣсколько верстъ, чтобъ только узнать, кто ѣдетъ. Оттого всякая новость распространяется у нихъ съ удивительной быстротою, и мы всегда находили ихъ предувѣдомленными о нашемъ путешествіи. Одна Киргизка принесла чашку кумысу; другая горшокъ айрану. Мужчины натаскали войлоковъ, овчинъ, живыхъ барановъ мнѣ въ подарокъ, но спрашивали прежде, чѣмъ я отдарю ихъ, и такъ какъ предложенія мои показались имъ не слишкомъ блестящи, они взяли принесенное назадъ. Однакожъ этимъ у насъ не кончилось: они безотвязно надоѣдали намъ до полуночи, и мы отдѣлались отъ нихъ только съ величайшимъ трудомъ. Ночью безпрестанные клики часовыхъ и нестерпимый лай собакъ не дали намъ заснуть ни на минуту, а на разсвѣтѣ Киргизы опять явились съ предложеніями купить у нихъ овецъ и лошадей. Торги,

безпрестанно возобновляясь и прерываясь, задержали насъ до десяти часовъ утра и кончились ничѣмъ; потому что едва мы соглашались дать Киргизамъ просимую цѣну, они запрашивали болѣе и такимъ образомъ истощили наконецъ все наше терпѣніе.

Мы выѣхали на большую дорогу, и 26 августа, послѣ мѣсячнаго странствованія по степи, прибыли въ Каръ-Каралы, Русскій форпостъ, лежащій у подножія горы въ прекрасной долинѣ. Стогà свѣжаго, благоуханнаго сѣна, золотистыя нивы, стада, разсыпанныя по зеленымъ лугамъ, Европейскія жилища и наконецъ люди, занятые разными работами, — для меня это было сущее очарованіе. Насъ приняли какъ нельзя дружелюбнѣе; снабдили съѣстными припасами въ дальнѣйшій путь; одинъ изъ членовъ приказа рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ нами, а Киргизскій мулла, хорошо знакомый съ здѣшнимъ краемъ, вызвался быть нашимъ проводникомъ.

Мы отправились 30 августа. Хребетъ Каръ-Каралы возвышается тысячи на три футовъ надъ поверхностью рѣки Кунгуръ-Су, которая изъ него вытекаетъ. Онъ состоитъ преимущественно изъ краснаго гранита и почти совершенно обнаженъ. Скаты его чрезвычайно круты и часто неприступны, высокія ели и березы растутъ на утесахъ. Первая ночь по отъѣздѣ нашемъ была очень холодна; сильно морозило, и осень хотѣла повидимому настать ранѣе обыкновеннаго.

Алтынъ-Тубè, цѣль нашего путешествія, находилась не болѣе ста верстъ къ сѣверо-западу отъ хребта Каръ-Каралы. Въ окрестностяхъ этихъ горъ есть прекрасные луга, орошаемые множествомъ малень-

кихъ потоковъ; далѣе простирается безплодная и нагая степь до самыхъ береговъ Алтынъ-Су и за этой рѣкою; мѣстами пересѣкаютъ ее голые и плоскіе холмы. Равнина изрѣзана потоками и озерами соляно-селитрянаго свойства; почва вообще болѣе или менѣе солончата. Самая обыкновенная горная порода глинистый сланецъ. Есть нѣсколько холмовъ роговой обманки; гранитъ попадается только въ Каръ-Каралы, а въ Алтынъ-Тубѐ нашелъ я известковый камень.

Гора эта только на сто футовъ выше уровня рѣчки Алтынъ-су. Изумруды находятся въ известнякѣ, лежащемъ на пластахъ глинисто-сланцевыхъ. Напрасно искалъ я въ немъ окаменѣлостей. Онъ такъ твердъ, что для добычи изумрудовъ мы должны были взрывать его порохомъ. Эти драгоцѣнные камни прекраснѣйшаго мѣдно-зеленаго цвѣта. Кристаллы, особенно въ устьяхъ жилъ, которыя ихъ въ себѣ содержатъ, оцвѣчены весьма слабо или и совсѣмъ безцвѣтны. Есть очевидные слѣды, что рудникъ нѣкогда разработывали. Отверзтіе, которое сначала до трехъ дюймовъ въ поперечникѣ, а тамъ вскорѣ съуживается, было все опорожнено. Весьма вѣроятно, что Чжунгарскіе Калмыки разрывали здѣшніе утесы.

Довольный своей добычею, я пустился обратно въ Каръ-Каралы. Весь край бѣденъ растеніями и особенно животными; только по временамъ попадаются серны и норы сусликовъ и сурковъ; говорятъ, здѣсь водятся и корсаки. Однихъ волковъ очень много, и мы слышали ихъ вой каждую ночь. Потоки и озера менѣе соляныя посѣщаются безчисленнымъ мно-

жествомъ водяныхъ птицъ. Рѣки чрезвычайно рыбны. Земноводныхъ и насѣкомыхъ видѣлъ я очень мало; они исчезли уже отъ холода.

Селеніе Каръ-Каралы существуетъ только съ 1823 года. Нѣсколько Киргизскихъ султановъ средней орды, убѣдившись въ выгодахъ покровительства Россіи, письменно просили принять ихъ въ число ея подданныхъ. Мало по малу присоединились къ нимъ другія племена, и вѣроятно въ скоромъ времени послѣдуютъ примѣру ихъ остальныя.

Доселѣ число Киргизовъ, признавшихъ надъ собою верховную власть Россіи, простирается до 80,000 человѣкъ. Они приписаны къ округу Каръ-Каралы и принадлежатъ преимущественно къ племенамъ Тубуклинцевъ, Кипчуковъ, Аргинцевъ и Найманцевъ. Они не платятъ покамѣстъ ни какихъ податей; но обѣщали черезъ нѣсколько лѣтъ ежегодную дань отъ стадъ своихъ. Впрочемъ не несутъ они ни какихъ личныхъ повинностей.

Округъ Каръ-Каралы принадлежитъ къ Омской Области и простирается къ югу отъ Иртыша до Семирѣка и Баянаула на 600 верстъ въ длину и почти на столько же въ ширину. Но границы его еще не означены съ точностью и, безъ сомнѣнія, онъ будетъ подраздѣленъ, потому что слишкомъ обширенъ для того, чтобъ управляться однимъ начальственнымъ мѣстомъ.

Приказъ, который Киргизы называютъ диваномъ, завѣдываетъ и управленіемъ и судебною частію округа. Онъ состоитъ изъ предсѣдателя, двухъ Русскихъ

и двухъ Киргизскихъ членовъ, секретаря, нѣсколькихъ писцовъ и переводчиковъ. Предсѣдатель, который носитъ титулъ старшаго Султана, и котораго Киргизы чаще называютъ Ханомъ, избирается ими вмѣстѣ съ двумя Киргизскими членами. Первый всегда изъ Султановъ, наиболѣе уважаемыхъ, послѣдніе изъ біевъ. Предсѣдатель выбирается на три года, засѣдатели на два; если большинство голосовъ въ ихъ пользу, всѣ они могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ и долѣе. Они получаютъ жалованье отъ правительства, равно какъ и нѣсколько муллъ, которые по большой части изъ Татаръ Казанскихъ. Для поддержанія власти Приказа, въ Каръ-Каралы стоитъ отрядъ изъ двухъ сотъ казаковъ, сорока пѣхотныхъ солдатъ и нѣсколькихъ пушекъ. Отрядъ этотъ смѣняется ежегодно. До сихъ поръ Приказъ вынужденъ все лѣто объѣзжать степи подъ прикрытіемъ отъ 40 до 100 казаковъ и болѣе, смотря по обстоятельствамъ.

Мѣстоположеніе Каръ-Каралы, единственнаго Русскаго поселенія въ этомъ краѣ, избрано самымъ лучшимъ образомъ. Окрестность богата прекрасными источниками, которые сливаются въ ручьи и рѣчки, текущія въ плодоносныхъ долинахъ между горъ. Высоты, совершенно нагія или прикрытыя весьма тонкимъ слоемъ земли, осѣнены однакожъ до самой вершины толстыми елями, березами, ольхою и разнымъ кустарникомъ. Часто вы видите огромнѣйшія дерева на голомъ гранитѣ. Дичины и рыбы множество; одно изъ сосѣднихъ озеръ доставляетъ соль. Во многихъ мѣстахъ находится кирпичная глина, а лѣтъ десять тому открыли и ломню извести.

Русскіе поселенцы занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ; начинаютъ разводить небольшіе огороды. Колонія растетъ не по днямъ а по часамъ, и въ непродолжительномъ времени явится здѣсь маленькій городъ.

Каръ-Каралы въ 250 верстахъ отъ Семиярска, и сообщеніе между ними поддерживается казацкими пикетами, расположенными по направленію большой дороги. Пикеты, гдѣ всегда есть запасныя лошади, служатъ преимущественно для перевозки писемъ и курьеровъ. Другіе проѣзжіе должны сами заботиться о лошадяхъ. Строго запрещено предпринимать путь отъ Каръ-Каралы до Семиярска въ одиночку, чтобы не давать Киргизамъ повадки къ нападеніямъ. Но дорога повидимому совершенно безопасна, и намъ встрѣтилось нѣсколько тѣлегъ съ женщинами, ѣхавшими въ Каръ-Каралы къ мужьямъ вовсе безъ провожатыхъ.

Сосѣдство съ Русскими начинаетъ имѣть вліяніе на Киргизовъ. Они не надивятся Европейскимъ учрежденіямъ и сознаютъ въ нихъ соотвѣтственность предполагаемой цѣли. Прошлую зиму лишились они четвертой части стадъ своихъ отъ недостатка въ кормахъ, а Русскіе, заготовивъ довольно сѣна, не потериѣли ни какой утраты. Киргизы ясно увидѣли выгоду сѣнныхъ запасовъ, и у многихъ возникло желаніе обезпечивать свой скотъ такимъ же образомъ. Но они боятся стать смѣшными и даже ненавистными въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. То же и съ хлѣбопашествомъ. Они охотно запасались бы хлѣбомъ, но ложный стыдъ въ соединеніи съ лѣнью

мѣшаютъ имъ заняться обработкою земли. Теперь однако жъ многіе на это рѣшились, и выписали изъ Ирбита нужныя орудія. Одинъ уже испыталъ посѣять ржи и былъ очень доволенъ своею жатвой. Для облегченія нуждъ ихъ въ зимнее время отпускается имъ хлѣба изъ магазиновъ, сколько можно его продать за удовлетвореніемъ потребностей Русскаго отряда.

Киргизы видятъ также преимущество деревянныхъ домовъ передъ ихъ войлочными юртами, особенно на зиму, и многіе султаны и другіе богатые люди хотятъ строиться около Каръ-Каралы. Нѣкоторые входили уже въ переговоры съ казаками, чтобы они уступили имъ свои жилья или выстроили новыя, и есть надежда, что со временемъ всѣ Киргизы зимою будутъ жить въ деревянныхъ избахъ. По сосѣдство Русскихъ всего полезнѣе для нихъ въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, *баранта*, или грабежъ въ отместку, становится день ото дня рѣже. Благоразумнѣйшіе султаны уже давно желали искоренить этотъ обычай самоуправства, но они не могли поддержать въ силѣ свои постановленія. Притомъ, между ими было такъ мало согласія, что ограбленнымъ не оставалось другаго средства кромѣ насильственнаго возмездія. Теперь же они по большей части обращаются къ Приказу, который изслѣдываетъ дѣло и принуждаетъ хищниковъ къ вознагражденію. Разбойники иногда противились приговору; въ такихъ случаяхъ имъ доказывали на дѣлѣ всю безполезность ослушанія. Баранта мало по малу совершенно прекратится; но не скоро еще кочевой народъ разстанется съ своею дикою свободой. Опыты распространить

между ними грамотность не нашли у нихъ ни малѣйшаго участія. Благоразумный планъ, какому слѣдуютъ въ отношеніи къ Киргизамъ, допускаетъ понудительныя мѣры только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ нужны для упрежденія безпорядковъ, вредныхъ благу общему. Впрочемъ ограничиваются тѣмъ, что представляютъ Киргизамъ образецъ лучшаго быта, и всѣмъ, кто хочетъ подражать ему, обѣщаютъ и даютъ всякую помощь.

Судя по чертамъ лица и языку, Киргизамъ скорѣе можно приписать Турецкое, чѣмъ Монгольское происхожденіе. Они дѣлятся на три главныя орды большую, среднюю и малую. Большая часто называется золотою, и многія племена ея извѣстны Русскимъ подъ именемъ Дикихъ, Каменныхъ, или Черныхъ Киргизовъ. Она живетъ южнѣе, въ предѣлахъ Ташкента и Кокана, и признаетъ себя подвластною Китайцамъ, не оказывая къ нимъ большой преданности. Эта орда весьма мало извѣстна. Ее боятся болѣе двухъ другихъ и приписываютъ ей особенную хищность, дикость, жестокость и отвагу. Рѣдко пройдетъ черезъ земли ея торговый караванъ безъ того, чтобъ не заплатить окупа или не быть разграбленнымъ, и не одинъ Русскій томился здѣсь въ тягостномъ плѣну. Число семей, ее составляющихъ, полагаютъ приблизительно до 70,000.

Средняя орда самая многочисленная: въ ней до 160,000 семей, и занимаемый ими край простирается съ востока на западъ отъ верхняго Иртыша до восточныхъ степей Аральскаго озера. Многія изъ нихъ, именно главнѣйшія племена Наиманцевъ, совершенно подвласт-

ны Китаю. Другія, надъ которыми Китайцы также хотятъ господствовать, гораздо свободнѣе и независимѣй; они то покорятся своимъ сосѣдямъ, то опять завольничаютъ. Многія поддались теперь Россіи, и вѣроятно, еще другія племена послѣдуютъ ихъ примѣру. Доселѣ наиболѣе препятствовала этому ревность Китайскаго правительства.

Малая орда, содержащая въ себѣ до 159,000 семей, живетъ преимущественно между Араломъ и Каспійскимъ Моремъ. Говорятъ, что Киргизы этой орды въ дикости и хищничествѣ мало уступаютъ Чернымъ, и ихъ гораздо труднѣе держать въ повиновеніи, нежели среднюю орду.

Киргизы всѣхъ трехъ ордъ составляютъ рѣшительно одинъ народъ и сходны между собою въ нравахъ, обычаяхъ и образѣ жизни. Съ немногими исключеніями, предлагаемое здѣсь описаніе средней орды можетъ сообщить довольно вѣрное понятіе и о двухъ прочихъ.

Здѣшніе Киргизы, по большей части, выше средняго роста, и крѣпкаго, мышковатаго сложенія. Бѣдные всѣ почти худощавы, богатые весьма наклонны къ полнотѣ и нѣкоторые чрезвычайно толсты. Отъ частой верховой ѣзды, ноги у нихъ искривлены, и они плохіе пѣшеходы, потому что проводятъ почти всю жизнь или на лошади, или растянувшись на войлокѣ. Черты ихъ составляютъ средину между Калмыцкими и Татарскими, но Китайскіе Киргизы болѣе похожи на Калмыковъ, а западные ближе къ Татарамъ. У женщинъ по большей части Калмыцкія лица. Между дѣтьми и отроками лѣтъ до 16 попадаст-

ся весьма много пригожихъ. Съ возрастомъ черты ихъ становятся грубѣе и рѣзче. Цвѣтъ кожи у нихъ очень смуглый, но главною причиной этому ихъ неопрятность, лѣтомъ—загаръ, зимою—копоть отъ дыма: по крайней мѣрѣ маленькія дѣти нерѣдко отличаются бѣлизной. Глаза почти у всѣхъ черные, волосы также; весьма рѣдко увидите темнорусые или рыжіе. Мущины брѣютъ голову и бороду до подбородка, оставляя однако жъ усы. Женщины тщательно берегутъ свои волосы; у дѣвушекъ заплетаются они въ множество косичекъ, а у замужнихъ только въ двѣ большія косы. Маленькія дѣвочки бѣгаютъ обыкновенно съ растрепанною и нечесанною головой. Мужчины носятъ бумажные и шелковые халаты, на такой же или льняной подкладкѣ, которые служатъ имъ вмѣстѣ и рубахами. Часто увидите на нихъ по нѣскольку такихъ халатовъ и поверхъ всего еще суконный, верблюжій, нанковый или шелковый кафтанъ, или иногда простой ергакъ. Исподній халатъ или халаты стягиваются широкимъ шелковымъ или бумажнымъ кушакомъ; верхній или, въ холодное время, шуба опоясываются ремнемъ, украшеннымъ мѣдными бляхами. На немъ виситъ ножъ во влагалищѣ и кожаная сума, куда кладутся разныя мелочи, между прочимъ трубка и всѣ ея принадлежности. Лѣтомъ, когда имъ жарко, они спускаютъ одинъ халатъ за другимъ, оставляя ихъ на поясѣ, и нерѣдко совсѣмъ обнажаютъ грудь и плечи. Поверхъ шараваръ изъ бумажной, верблюжьей или другой ткани, надѣваютъ они для верховой ѣзды преширокія кожаныя панталоны и, запрятавъ въ нихъ всю запасную одежду, укрѣпляютъ

ихъ на кушакѣ. Зимою носятъ овчинныя и другія шубы, иногда крытыя сукномъ или какою-нибудь матеріей. Сверхъ всего этого надѣваютъ широкій ергакъ изъ кожи молодыхъ жеребятъ или сернъ, шерстью наружу. Бѣдные и лѣтомъ ходятъ въ овчинныхъ шубахъ, снимая ихъ только во время жаровъ. Сапоги у нихъ изъ черной, зеленой или красной кожи, по большей части, съ загнутыми вверхъ носками и съ коблуками страшной величины. У Китайскихъ Киргизовъ они не такъ уродливы.

На головѣ всѣ они носятъ остроконечную шапочку, пеструю и изъ разныхъ тканей, по большей части шитую узорами. У щеголей на маковкѣ длинный шелковый снурокъ съ мелкими перышками. Ихъ лѣтнія и зимнія шапки коническаго вида. Первыя изъ бѣлаго войлока, выложены снуркомъ, иногда покрыты нанкою, бархатомъ или плисомъ, и подбиты какою-нибудь легкою тканью. Зимнія шапки на мѣху. У Курчумскихъ Киргизовъ онѣ пониже, у западныхъ встрѣчаются иногда сущія башни.

Женщины носятъ широкія длинныя платья, съ разрѣзомъ до пояса, но застегиваемыя множествомъ мелкихъ пуговокъ. Подъ платьемъ широкіе шаравары и обыкновенно сапоги такіе же какъ у мужчинъ. На это платье, чаще всего бумажное и составляющее вмѣстѣ и сорочку, надѣваютъ они другое, сшитое изъ лучшей ткани и опоясываемое кушакомъ. Сверху носятъ иногда широкіе Бухарскіе халаты. Головной уборъ весьма разнообразенъ. Часто увидите на нихъ родъ коническихъ шапочекъ, унизанныхъ мелкою

монетой, корольками и тому подобнымъ. Нерѣдко бываютъ онѣ и съ непокрытыми головами. Замужнія обвиваютъ голову бѣлыми или пестрыми платками такъ, что они образуютъ низкую пирамиду, а сзади виситъ длинная широкая лопасть. Онѣ вообще не носятъ покрывалъ и отъ мужчинъ не прячутся. На пальцахъ у нихъ обыкновенно много колецъ, а въ ушахъ серьги. Колецъ въ носовомъ хрящѣ никогда не видалъ я у Киргизокъ и напротивъ весьма часто замѣчалъ у Калмыцкихъ дѣвушекъ въ Бухтарминскѣ и его окрестностяхъ. Султанши и жены знатныхъ Киргизовъ вообще румянятся и натираютъ ногти темнокрасною краской. Мальчики бѣгаютъ лѣтомъ обыкновенно нагіе, и на дѣвочкахъ часто одни шаравары.

Киргизскія юрты подобны Калмыцкимъ: лѣтомъ въ нихъ хорошо, а зимою такъ холодно, что дѣтей зарываютъ въ ямы съ горячею золой. Другое важное неудобство составляетъ дымъ, который тѣмъ несноснѣе, что вмѣсто дровъ топятъ сухимъ навозомъ.

Киргизы вѣтрены, не стойки въ словѣ, наклонны къ безпокойствамъ и вообще лѣнивы: для нихъ всего пріятнѣе проводить время за трубкой табаку въ разговорахъ. Если жъ надо совершить разбойничій набѣгъ, они готовы презрѣть всѣ трудности и обнаруживаютъ необычайную хитрость и лукавство. Впрочемъ они вообще умѣренны, трезвы и хотя довольно неопрятны, однако же все не такъ, какъ Калмыки. Рѣдко полощатъ они посуду, а по большей части, только обтираютъ нечистыми же пальцами. Лице и руки моютъ довольно часто, особенно передъ ѣдою и по

окончаніи ея; но это не столько изъ опрятности, сколько изъ уваженія къ обряду.

Они очень гостепріимны. Подъѣзжаете къ юртѣ, обитатели ея выходятъ на встрѣчу и привѣтствуютъ васъ изъ дали словомъ *аманъ.* Одинъ изъ сыновей или родственниковъ хозяина снимаетъ пріѣзжаго съ лошади, и всѣ здороваются съ нимъ, пожимая обѣими руками его правую. Знакомые обнимаются накрестъ. При отъѣздѣ отпускаютъ съ тѣми же знаками пріязни, и самъ хозяинъ или его родственникъ сажаетъ гостя на коня. Прибывъ въ какой-нибудь аулъ, вы совершенно бизопасны отъ грабежа или кражи. Васъ почитаютъ за земляка, котораго не только нельзя обидѣть, но и должно защищать по мѣрѣ силъ. Тѣ же самые Киргизы оберутъ васъ безъ зазрѣнія совѣсти, когда вы отъѣхали на нѣсколько верстъ отъ аула.

Они грубы и невѣжественны: даже изъ султановъ рѣдко найдете грамотнаго; однако жъ нельзя отказать имъ въ понятливости и способности къ образованію. Въ Семипалатинскѣ и окружныхъ мѣстахъ скоро привыкаютъ они ко всѣмъ домашнимъ и полевымъ работамъ, такъ что не рѣдко предпочитаются Русской прислугѣ.

Киргизы-магометане, но и у нихъ, какъ у многихъ необразованныхъ племенъ, вся религія ограничивается безсмысленнымъ исполненіемъ обрядовъ. Обрѣзаніе, чтеніе наизусть короткихъ молитвъ и умываніе рукъ до стола и послѣ, вотъ главное. У восточныхъ Киргизовъ очень мало муллъ; западныхъ снабжаетъ Россія Татарскими.

Киргизъ беретъ себѣ столько женъ, сколько хочетъ и сколько можетъ купить. Богатые обыкновенно держатъ отъ трехъ до пяти, бѣдные почти всегда довольствуются одною. У богатыхъ каждая жена живетъ въ своей юртѣ, и стороннему трудно туда проникнуть. Первая жена почитается настоящею хозяйкой, и ей оказываютъ болѣе уваженія, чѣмъ другимъ. Дѣтей сговариваютъ очень рано, но молодой человѣкъ женится обыкновенно послѣ двадцати лѣтъ. Отецъ снабжаетъ сына, смотря по состоянію, одною или многими юртами, скотомъ, платьемъ, войлоками и такъ далѣе. Женатый сынъ не можетъ имѣть ни какихъ притязаній на отцовское имѣніе, пока у него есть другіе сыновья непристроенные. Верховную власть надъ волостью или племенемъ наслѣдуетъ обыкновенно старшій сынъ, но иногда предпочитается ему братъ умершаго.

Покойниковъ любятъ хоронить близъ другихъ могилъ или развалинъ древнихъ зданій, почитаемыхъ священными. У Киргизовъ, по-крайней-мѣрѣ у тѣхъ, что живутъ въ окрестностятъ Каръ-Каралы, въ особенномъ уваженіи нѣкоторыя мѣста около Ташкента, и тѣла богатыхъ султановъ часто туда отвозятся. Мнѣ сказывали, что могила стоитъ тамъ около 2000 рублей. Если время года не дозволяетъ везти тѣло на мѣсто погребенія, трупъ завертываютъ въ нѣсколько кусковъ бумажной ткани, зашиваютъ въ кожу или сафьянъ и берегутъ въ особой юртѣ, пока настанетъ возможность его отправить.

У Киргизовъ есть колдуны и ворожеи. Языкъ ихъ мало разнится съ Татарскимъ: Киргизъ и Татаринъ

совершенно разумѣютъ другъ друга, да и грамота у обоихъ одна и та жъ.

Ихъ можно раздѣлять на султановъ, біевъ, свободныхъ простолюдиновъ и рабовъ. Отецъ семьи уважается ея членами, и всѣ ему послушны. Гораздо слабѣе связь, соединяющая отдѣльныя семьи и старшинъ, или батырей, біевъ и султановъ. Свободные Киргизы въ отношеніи къ султанамъ или біямъ составляютъ нѣкоторый родъ вассаловъ и пристаютъ къ нимъ для обороны отъ произвола другихъ племенъ, не покоряясь имъ впрочемъ совершенно и не платя ни какихъ податей. Напротивъ того Теленгуты, которыхъ должно почитать за настоящихъ рабовъ, вполнѣ зависятъ отъ господъ своихъ и обязаны дѣлать все, что имъ прикажутъ. Число ихъ значительно, и многіе султаны и біи, обладая толпою рабовъ, промѣниваютъ ихъ, дарятъ въ собственность и наказываютъ какъ хотятъ. При всемъ томъ участь Киргизскаго раба смягчается патріархальностью обычаевъ: онъ всегда можетъ войдти въ юрту господина, сѣсть поодаль отъ него и даже взять табаку изъ его кисета. За столомъ онъ помѣщается сзади своего властителя и искусно ловитъ кости и куски, которые тотъ ему бросаетъ. Теленгуты размножаются частію и оттого, что свободные Киргизы, обѣднявши, идутъ въ услуженіе, а хозяинъ женитъ ихъ на рабѣ, и даетъ новобрачнымъ кибитку и немного скотины. Если такой Киргизъ вздумаетъ отойдти, это ему не запрещается, но онъ долженъ возвратить данный ему скотъ съ нѣкоторой лихвою; притомъ дѣти его остаются съ матерью рабами господина.

Султану всѣ прочіе Киргизы оказываютъ почтеніе. Войдетъ онъ въ юрту, передъ нимъ встаютъ, и садятся не прежде, пока онъ сядетъ. Провожаютъ его также стоя. Въ аулѣ, а часто и въ цѣлой волости, султанъ имѣетъ неограниченную судебную власть. Въ важныхъ случаяхъ призываетъ онъ на совѣтъ біевъ или другихъ свободныхъ Киргизовъ. Рѣшенію его обыкновенно покоряются; въ противномъ случаѣ выбираютъ третьихъ, которые оканчиваютъ дѣло.

Наказаніе падаетъ по большей части на имущество виновнаго. Кто не можетъ выплатить пени, наказывается тѣлесно. Самый обыкновенный родъ смертной казни — висѣлица. За тяжкія преступленія противъ султана или хана привязываютъ иногда къ хвосту дикой лошади. Теленгутовъ обыкновенно наказываютъ палками.

Отдѣльныя волости и поколѣнія не соединены между собою ни какими узами и не управляются ни какою общей властью. Ханамъ, назначаемымъ иногда отъ Китайскаго императора, Киргизы повинуются столько, сколько хотятъ, то есть, по мѣрѣ уваженія, какое внушаютъ имъ личныя способности и могущество хана. Киргизы, подвластные Китайцамъ, платятъ имъ незначительную дань скотомъ, по нѣскольку лошадей и овецъ съ каждой волости. Кочующіе въ Русскихъ предѣлахъ, на правомъ берегу Иртыша, даютъ въ пользу казаковъ по скотинѣ со ста. Къ одинаковой подати обязываются и Киргизы Каръ-Каралинскаго округа.

Скотоводство главное занятіе Киргизовъ. Лошади по большей части средняго роста, но между ними

есть много высокихъ и крѣпко сложенныхъ. Онѣ рѣзвы, горячи и много выносятъ. Ихъ никогда ни куютъ; благодаря сухой песчаной почвѣ вырастаютъ у нихъ славныя копыта, но въ каменистыхъ краяхъ некованныя лошади часто портятся. Ихъ употребляютъ для одной верховой ѣзды, и никогда не вьючатъ. Всего болѣе держатъ кобылъ для избѣжанія недостатка въ кумысѣ. У многихъ султановъ и богачей есть страшные конскіе табуны, отъ четырехъ до пяти тысячъ. Средняя цѣна лошади отъ 15 до 30 рублей.

Овцы у Киргизовъ крупныя, тяжелыя, долгоногія, вислоухія и съ огромными курдюками. Онѣ по большей части безрогія, и покрыты бѣлой или бурой грубой шерстью. Есть немного овецъ и другой породы, которая мельче и тонкошерстнѣе. Онѣ, какъ говорятъ, получаются отъ Астраханскихъ Калмыковъ, но живя съ обыкновенными овцами, постепенно вырождаются. Гуртомъ, овцы продаются по два съ полтиною, въ одиночку не дороже четырехъ рублей. Нерѣдко видишь стада въ нѣсколько тысячъ; у инаго богатаго Киргиза тысячъ двадцать и болѣе.

Стада рогатаго скота не такъ многочисленны, однако тоже велики. Скотъ роста средняго, но крѣпкій и здоровый. Воловъ сѣдлаютъ какъ лошадей и ѣздятъ на нихъ верхомъ, продѣвъ имъ въ носовой хрящъ деревянную палочку. Употребляютъ ихъ также и подъ вьюки. Быкъ или корова цѣнятся обыкновенно отъ 12 до 25 рублей.

Разведеніе верблюдовъ сопряжено здѣсь съ нѣкоторыми затрудненіями. На зиму зашиваютъ ихъ въ войлоки, и между юртъ растягиваютъ большіе войлоч-

ные навѣсы, подъ которыми они укрываются въ сильные холода. При каждомъ аулѣ есть довольно большія стада двугорбыхъ верблюдовъ; другихъ я здѣсь не видалъ. Они по большой части свѣтлобурые, но и совсѣмъ бѣлые не рѣдкость. Ихъ преимущественно употребляютъ для перевозки тяжестей. Для управленія, въ носовой хрящъ продѣваютъ имъ волосяной снуръ. На нихъ ѣздятъ и верхомъ, иногда человѣкъ до пяти вмѣстѣ. Верблюдъ стоитъ около 60 рублей.

Всѣ эти многочисленныя стада остаются круглый годъ подъ открытымъ небомъ и сами должны отыскивать себѣ кормъ, потому что Киргизы не запасаютъ сѣна, а только оставляютъ на зиму извѣстные луга нетронутыми. Между ими есть родъ баранты, который дозволяютъ себѣ племена, враждующія другъ на друга: непріятели загоняютъ свой скотъ на луга противной стороны и такимъ образомъ похищаютъ у ея стадъ зимнее продовольствіе. Должно замѣтить, что хотя Киргизы и далеко простираютъ свои кочевья въ лѣтнее время, однако жъ у каждаго племени, у каждой волости, почти у каждаго аула есть опредѣленное зимовье.

Относительно къ кочеванію, восточные и западные Киргизы разнятся между собою страннымъ образомъ, хотя конечно это зависитъ отъ свойства обитаемыхъ ими земель. Восточные Киргизы, живущіе близъ высокихъ горъ, зимуютъ въ степяхъ, у береговъ рѣкъ и озеръ и въ ущельяхъ степныхъ возвышенностей. Въ апрѣлѣ переходятъ они съ стадами въ горные хребты, и сначала въ предгорія, потомъ на высшія плоскости Курчума и

Нарыма, наконецъ приближаются постепенно къ снѣжнымъ вершинамъ, у которыхъ проводятъ самое жаркое время, а затѣмъ исподоволь спускаются внизъ и зимуютъ въ степяхъ, которыхъ стада не касались лѣтомъ. Совсѣмъ на оборотъ бываетъ у западныхъ Киргизовъ: тѣ цѣлое лѣто кочуютъ въ сухихъ, пустынныхъ степяхъ и часто удаляются на нѣсколько сотъ верстъ отъ своихъ зимовьевъ, а напротивъ зиму проводятъ въ ущельяхъ горныхъ хребтовъ, отчасти на Иртышѣ и по берегамъ другихъ рѣкъ того края.

Лошади и рогатой скотъ легко вырываютъ кормъ изъ-подъ снѣгу, и хотя по временамъ становятся очень худы, однако жъ рѣдко умираютъ съ голоду. Овцамъ чрезвычайно вредитъ глубокій снѣгъ, но еще пагубнѣй для нихъ гололедица, потому что онѣ тогда не въ силахъ дорыться до травы. Въ такомъ случаѣ Киргизы вынуждены сами добывать нѣсколько корму, чтобъ сберечь по-крайней-мѣрѣ часть овецъ своихъ. При всемъ томъ, если гололедица стоитъ долго, они лишаются третьей доли, иногда цѣлой половины стадъ. Такое бѣдствіе постигаетъ болѣе восточныя, нежели западныя степи, гдѣ на оборотъ почти каждое лѣто свирѣпствуетъ язва, губящая бездну верблюдовъ и лошадей; рогатый скотъ терпитъ отъ нея менѣе, овцы совершенно безопасны.

Послѣ скотоводства главное заведеніе Киргизовъ составляетъ охота. Она производится преимущественно зимою. Ловятъ волковъ, лисицъ, корсаковъ, карагановъ и дикихъ лошадей. Лѣтомъ стрѣляютъ сернъ

и травятъ ихъ собаками, ловятъ въ капканы барсуковъ, сурковъ, рысей и куницъ; въ горныхъ мѣстахъ бьютъ сайгъ, туровъ, оленей, медвѣдей, зайцевъ, изрѣдка тигровъ и манулей. Киргизы любятъ соколиную охоту, и дорого платятъ за беркутовъ, которые къ ней пріучены.

Земледѣліе ихъ крайне маловажно. Они разводятъ немного ячменю и еще менѣе пшеницы и проса.

Мѣновая торговля Киргизовъ значительна и производится въ особенности съ Русскими, Китайцами и Ташкенцами. У первыхъ вымѣниваютъ они юфть, сафьянъ, желѣзный товаръ, бархатъ, плисъ, платки, нанку, кушаки, мѣха выдровые и бобровые, сундуки, кованые желѣзомъ, чемоданы, гребни, зеркала, корольки и бусы, нѣсколько москотильнаго и аптекарскаго товару и довольно хлѣба; у Китайцевъ дабу, бязь, шелковыя ткани и шелкъ, деревянныя лакированныя вещи, кирпичный чай, серебро, табакъ и курительныя трубки; у Ташкенцевъ шелковыя издѣлія, халаты, ружья, порохъ, кожи и сапоги, сѣдла и разныя мелочи.

Мѣна западныхъ Киргизовъ съ Русскими производится, по большей части, чрезъ Татаръ и Ташкенцевъ, которые служатъ прикащиками у Семипалатинскихъ, Усть-Каменогорскихъ и Петропавловскихъ купцевъ. Они вымѣниваютъ у Киргизовъ на Русскіе товары скотъ, сбываютъ его въ Китаѣ за тамошнія издѣлія и отчасти снова промѣниваютъ ихъ Киргизамъ.

Восточныя племена этого народа получаютъ почти всѣ нужныя для себя вещи отъ Китайцевъ, и какъ

одежда западныхъ Киргизовъ состоитъ преимущественно изъ Русскихъ и Ташкентскихъ издѣлій, такъ у восточныхъ господствуютъ Китайскія.

Сами Киргизы выдѣлываютъ войлоки, тулупы, кожаный товаръ, дубятъ козьи шкуры и шьютъ изъ нихъ платье. Женщины ткутъ изъ верблюжей шерсти армякъ, — родъ толстаго камлота. Есть у нихъ и кузнецы для мелкихъ, грубыхъ подѣлокъ. Они точатъ деревянную посуду и, наконецъ, варятъ нѣсколько мыла.

Большая часть работъ приходится на долю женщинамъ. Онѣ снимаютъ и ставятъ юрты, собираютъ дрова и навозъ, доятъ скотину, приготовляютъ яства и напитки, выдѣлываютъ ткани, шьютъ платье и сапоги, даже сѣдлаютъ лошадей и подводятъ мужьямъ своимъ. Мужчины стерегутъ стада, точатъ деревянную посуду, работаютъ въ кузницахъ, и, главное, грабятъ. Хлѣбопашествомъ занимаются одни рабы, а у кого ихъ нѣтъ, тотъ ни оретъ, ни сѣетъ.

Лѣтомъ живутъ они почти на одномъ молокѣ и только изрѣдка бьютъ скотину; но въ такомъ случаѣ легко убѣдиться, что за аппетитомъ у нихъ дѣло не станетъ. Изъ жирнаго овечьяго молока, которому даютъ свернуться, приготовляютъ они *эремчакъ*, — родъ ломкаго, но очень вкуснаго, сыру. Изъ коровьяго молока дѣлаютъ маленькіе сыры — *куртъ*, или *крутъ*, какъ называетъ ихъ Палласъ, весьма сухіе и кислые. Кумысъ пьютъ почти исключительно мужчины; *айранъ*, или кислое коровье молоко, — женскій напитокъ. Зимою употребляютъ мясное сочиво, называемое шер-

бетомъ. Въ это время года Киргизы поневолѣ должны быть крайне умѣренны, если охота не доставитъ имъ хорошей добычи. Мяса ѣдятъ они вдоволь только тогда, когда скотъ умираетъ съ голоду; бѣднѣйшіе изъ нихъ, даже и при этомъ случаѣ, не презираютъ мертвечину. Напротивъ у богатыхъ всегда есть достаточный запасъ. Крайнюю нужду терпитъ многочисленный классъ Теленгутовъ.

Всѣ Киргизы большіе охотники до чаю и страстно любятъ курить и нюхать табакъ. Куреніе обыкновенно и у женщинъ. Лежать съ трубкой на войлокѣ и болтать — вотъ верхъ наслажденія для Киргизовъ.

Иногда пускаются они и въ музыку. Инструменты ихъ, родъ скрыпки — *кобысъ* и родъ свирѣли — *сувсья*, дѣлаются изъ длинныхъ толстыхъ стеблей или изъ дерева. Съ боку провертываютъ въ нихъ маленькія отверзтія, которыми опредѣляется разность звуковъ. Киргизскія мелодіи очень просты, но довольно пріятны. За то пѣніе по большей части грубо; унылые мольные тоны оканчиваются обыкновенно протяжными звуками. У нихъ есть старинныя пѣсни, но всего чаще поютъ они на любимый голосъ первыя слова, какія придутъ имъ въ голову. Есть у Киргизовъ сказки и повѣсти, говорятъ, довольно забавныя. Пляски они не вѣдаютъ, развѣ назовемъ такъ прыжки, дѣлаемые колдунами ихъ при заклинаніяхъ.

Киргизы вообще народъ здоровый и достигаютъ бодрой старости; однако семидесятилѣтніе старики у нихъ довольно рѣдки. Едва ли есть между ними лекари; но они охотно покупаютъ у Русскихъ наша-

тырь и камфару, и большіе любители кровопусканія. Противъ любострастной болѣзни употребляютъ обыкновенно киноварь, и, кажется, не весьма успѣшно: по-крайней-мѣрѣ я видѣлъ нѣсколько Киргизовъ, изуродованныхъ безъ милосердія. Достойно замѣчанія, что весьма рѣдко является у нихъ оспа.

Собравъ эти любопытныя свѣдѣнія о главныхъ обитателяхъ округа Каръ-Каралы, Г. Мейеръ возвратился черезъ Семипалатинскъ въ Барнаулъ послѣ двухмѣсячнаго странствованія по безконечной степи.

ГЛАВА X.

Томскъ. Кузнецкъ. Телеуты. Ачинскъ. Водяное сообщение въ Сибири. Красноярскъ. Иркутскъ. Озеро Байкалъ. Верхне-Удинскъ. Селенгинскъ.

Изъ Барнаула мы послѣдуемъ за извѣстнымъ Англійскимъ путешественникомъ Кокреномъ (Cochrane) въ восточномъ направленіи, пополняя его бѣглый расказъ извѣстіями новѣйшими.

Отъ Барнаула по дорогѣ къ Томску тянутся дремучіе хвойные лѣса, индѣ пересѣкаемые озерами. Нѣкоторыя деревни отличаются красотою мѣстоположенія, но край вообще ровенъ и песчанъ до Проскаковой, гдѣ однообразіе его смѣняется зрѣлищемъ страны холмистой и обработанной. Въ Варюхиной видна изъ дали рѣка Томъ, текущая безлѣсными, мало населенными мѣстами. Дорога до самаго Томска прекрасная.

Не смотря на видъ нѣсколькихъ церквей и на изрядную архитектуру нѣкоторыхъ общественныхъ и частныхъ зданій, Томскъ городъ довольно скромной наружности. Онъ выстроенъ на правомъ берегу Тома, верстъ за сорокъ отъ впаденія его въ Обь. Въ маіѣ и даже въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ подверженъ наводненіямъ. Въ верхней части города деревянная крѣпость съ соборомъ и казенными зданіями. Въ нижней, раздѣляемой рѣчкою Ушейкой на двое, находятся два

монастыря, Татарская слобода и обывательскіе домы. Торговля съ Калмыками, Бухарою и Китаемъ поддерживаетъ довольно многочисленный классъ купечества. Значительную часть жителей составляютъ ремесленники, — мѣдники, слесари, кузнецы, столяры, кожевники, снабжающіе своими издѣліями не только обывателей самаго Томска, но и окрестныхъ селеній и городовъ. Разумѣется, что слову окрестный мы придаемъ довольно обширное, Сибирское значеніе. Произведенія здѣшнихъ кожевенныхъ заводовъ отправляются на Кяхту для сбыта Китайцамъ. Въ Татарской слободѣ, лежащей при впаденіи въ Томскъ рѣчки Ушейки, живетъ много достаточныхъ Бухарскихъ купцовъ, которые поселились здѣсь съ давняго времени и преимущественно занимаются торговлею съ прежнимъ своимъ отечествомъ.

Отъ Томска до самыхъ Кузнецкихъ горъ разсѣяны по теченію Тома многочисленныя Татарскія деревни. Жители занимаются хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ, рыбною ловлею и звѣринымъ промысломъ. Въ 325 верстахъ отъ губернскаго города лежитъ небольшой городокъ Кузнецкъ противъ впаденія въ Томъ рѣки Кондомы. Здѣсь предѣлъ плодоноснымъ равнинамъ, и Кузнецкъ стоитъ уже отчасти на горѣ; далѣе къ югу тянутся отрасли Алтая. Дешевизна здѣшнихъ соболей, хотя они и не высокой доброты, порою привлекаетъ сюда иногородныхъ купцовъ. Лучшіе мѣха доставляются Телеутами, или Теленгутами, живущими не только въ деревняхъ по берегамъ верхняго Тома и его притоковъ, но и далѣе къ Телецкому озеру, вверхъ по рѣкѣ Біи, которая изъ него течетъ. Соеди-

няя съ Монгольскимъ обликомъ испорченное Татарское нарѣчіе, этотъ народецъ составляетъ вѣтвь Калмыцкаго племени и прежде былъ извѣстенъ подъ именемъ Бѣлыхъ Калмыковъ. Нѣкоторые изъ Телеутовъ приняли православіе, другіе держатся исламизма, третьи преданы еще всѣмъ суевѣріямъ шаманства. Это различіе вѣръ не мѣшаетъ имъ жить въ добромъ согласіи. Въ новѣйшее время, они начали заниматься земледѣліемъ, не покидая однако жъ звѣроловства (Л. III. — 2).

Въ Кузнецкомъ уѣздѣ, въ 350 верстахъ на юговостокъ отъ города, лежитъ озеро Телецкое, по-Калмыцки Алтынъ-куль, то есть золотое. Оно простирается слишкомъ на сто верстъ въ длину и отъ четырехъ до семи въ ширину. Съ южной стороны впадаетъ въ него рѣка Чулышманъ и ручей Кигы; восточный и западный берегъ обставлены утесами, а изъ сѣверозападной его оконечнотси вытекаетъ Бія, которая по соединеніи съ Катунью образуетъ Обь.

Изъ Кузнецка отправился я въ Ачинскъ, одинъ изъ ближайшихъ городовъ Енисейской губерніи. Онъ стоитъ на правомъ берегу Чулыма, на высотѣ, опушенной лѣсомъ. Иркутскіе караваны проводятъ въ Ачинскѣ осеннюю распутицу, и здѣсь же строятъ суда для сплава по Чулыму хлѣба и мѣстъ съ чаями.

Если бъ не волоки, между Турою и Чусовою, въ Уралѣ и, между Енисеемъ и Кетью, въ Енисейской губерніи, отъ Байкала до моря Балтійскаго существовалъ бы непрерывный водяной путь; но

теперь система соединенія Сибирскихъ рѣкъ заключается между Чулымомъ и Турою. Внизъ по Чулыму изъ Ачинска 1000 верстъ до Оби; по ней до впаденія Иртыша 1300 верстъ; вверхъ по Иртышу 500 верстъ до устья Тобола; вверхъ по Тоболу 150 верстъ до Туры и вверхъ по Турѣ 200 верстъ до города Тюменя. Если нужно продолжать путь до Нижняго, изъ Тюмени везутъ товаръ гужемъ 700 верстъ до Перми; отсюда водою, внизъ по Камѣ, 800 верстъ до Волги и наконецъ Волгою, вверхъ до Нижняго, 490 верстъ. Путь отъ Ачинска до Нижняго совершается съ первыхъ чиселъ маія до послѣднихъ іюля и никакъ не позже 2 августа. Плата работникамъ отъ Ачинска до Тюменя отъ 50 до 75 рублей.

Водяное сообщеніе Иркутска съ Тобольскомъ чрезъ Енисейскую губернію происходитъ посредствомъ Ангары или Верхней Тунгуски, Енисея и Кети. Изъ Иркутска по Ангарѣ отправляются въ началѣ іюня. Суда идутъ небольшія потому, что должны безпрестанно встрѣчать пороги, подводные камни и водовороты. Препятствія эти заставляютъ иногда выгружать товаръ, перевозить его берегомъ и потомъ снова грузить на суда, которыя приходятъ къ устью Ангары въ концѣ іюня, и то если не задержатся густыми туманами; въ противномъ случаѣ они достигаютъ Енисея не прежде половины іюля и, проплывъ имъ внизъ по теченію 80 верстъ, пристаютъ въ устьѣ Кема къ селу того же имени. Здѣсь перегружаютъ кладь на подводы и везутъ 90 верстъ Маковскимъ Волокомъ до села Маковскаго, на берегу Кети.

По Кети товаръ идетъ въ плосковидныхъ павозкахъ до впаденія ея въ Обь у Нарыма, а тамъ по Оби къ устью Иртыша, и вверхъ по его теченію достигаетъ наконецъ Тобольска подъ исходъ августа. Товаръ, по произволу хозяина, или остается здѣсь зимовать, или отправляется сухимъ путемъ далѣе.

На дорогѣ въ Красноярскъ встрѣтился мнѣ длинный обозъ, идущій съ Китайской границы. Красноярскъ выстроенъ на мысѣ, образуемомъ лѣвымъ берегомъ Енисея при впаденіи въ него рѣчки Качи. Енисей имѣетъ здѣсь болѣе версты въ ширину и обнимаетъ нѣсколько острововъ, покрытыхъ кустарникомъ. За нимъ въ южномъ направленіи простирается верстъ на семь долина до подножія горъ, идущихъ на востокъ съ нѣкоторымъ уклоненіемъ къ югу. Густая зелень кустарниковъ и листвянницъ, осѣняющая скаты высотъ, постепенно теряется въ синевѣ дали; но въ тридцати верстахъ отъ города видна еще Ботойская сопка, покрытая обломками порфира. У подножія горъ лежатъ прекрасныя деревни Торгошино и Базаиха, надъ которою чернѣетъ въ воздухѣ гранитная скала Кызымъ. На западѣ стоитъ Черная Сопка, властительница всѣхъ окрестностей. Видъ съ нея простирается на 60 верстъ къ востоку, и объемлетъ все пространство города и ближайшихъ селъ и острововъ. Наконецъ съ сѣверной стороны тянутся красные утесы, или яры, покатой возвышенности, отъ которыхъ городъ получилъ свое названіе.

По замѣчанію здѣшнихъ жителей, мѣстоположеніе Красноярска не совсѣмъ благопріятно для здоровья: жаръ и стужа доходятъ до крайности; сильный

западный вѣтеръ, вздымая песокъ съ поемной долины Енисея, крутитъ его по улицамъ города, такъ что не льзя укрыться отъ проницающей пыли даже и и въ верхнемъ ярусѣ домовъ. Песокъ мчится черезъ рѣку страшными тучами, и на противоположномъ берегу завалилъ село Ладейскос, которое отъ нея верстъ на семь.

Въ Красноярскѣ, кромѣ дома для присутственныхъ мѣстъ, есть деревянный острогъ, и большая каменная кладовая для казны и ясака. Заведенія Приказа общественнаго призрѣнія не велики, но весьма удобны и опрятны: больница, домы ума лишенныхъ и неисцѣлимо больныхъ, анатомическій театръ, бани, службы, все это на обширномъ мѣстѣ обнесено оградою и внутри раздѣлено полисадниками и рядами деревъ. Приказу же обязана своимъ существованіемъ аптека, которая имѣетъ особое помѣщеніе.

Шесть большихъ домовъ составляютъ заведеніе, извѣстное подъ названіемъ рабочаго дома. Ссыльные раздѣлены здѣсь на семь разрядовъ: плотниковъ и столяровъ; каменьщиковъ, кузнецовъ и слесарей; мѣдниковъ и серебряниковъ; кожевниковъ и шорниковъ; маляровъ и, наконецъ, чернорабочихъ. Здѣсь дѣлаются не только прекрасныя мебели, но и экипажи.

Казармы для баталіона Сибирскаго отдѣльнаго корпуса и для жандармской команды съ лазаретомъ и принадлежностями занимаютъ также большое пространство.

Въ Красноярскѣ вообще придерживались правила, чтобъ каждое сословіе строилось къ одному мѣсту;

такъ образовались, кромѣ старой Еврейской слободки, слободы Инвалидная, Ремесленная, Казацкая.

Здѣсь есть огромное училище для кантонистовъ, училище, принадлежащее казацкому полку, и уѣздное.

Въ окрестностяхъ города найдена въ 1750 году масса сомороднаго, быть-можетъ, метеорическаго желѣза, описанная Палласомъ. Она лежала на вершинѣ горы между рѣчками Убеемъ и Сызымомъ, впадающими въ Енисей, но не имѣла непосредственной связи съ кряжемъ. Вокругъ нея не было замѣтно ни камней, ни обломочныхъ породъ, ни рудныхъ обгарковъ. Окрестные Татары почитали ее священною, и говорили, что она упала съ неба. Казакъ Медвѣдевъ, думая найдти въ ней что нибудь получше желѣза, привезъ ее съ большимъ трудомъ верстъ за тридцать къ себѣ въ деревню. Узнавъ случайно о существованіи этого самородка, Палласъ велѣлъ доставить его въ Красноярскъ. Въ немъ было 42 пуда. Онъ весь состоялъ изъ бѣлаго ноздреватаго, весьма ковкаго желѣза, съ примѣсью прозрачныхъ кристалловъ желтоватаго и зеленоватаго цвѣта. Сверху была на немъ желѣзистая кора, которая отчасти обвалилась. Палласъ тогда же послалъ кусокъ этой массы въ Кунсткамеру Петербургской Академіи Наукъ, а потомъ и вся она перевезена туда же.

Находка эта тѣмъ болѣе замѣчательна, что старинныя рудокопныя работы, которыхъ слѣды видны въ Енисейскихъ горахъ, даютъ поводъ догадываться, что прежніе обитатели этого края вовсе не занимались обработкою желѣза, а искали только мѣди и драгоцѣнныхъ металловъ. Всѣ орудія ихъ мѣдныя; но что-

бы мѣдь была крѣпче, къ ней примѣшивали другіе металлы, такъ что она походитъ на колокольную.

Отъ Ачинска до Красноярска выстроены прекрасные почтовые домы, которые уступятъ только тѣмъ, какіе мы видѣли потомъ въ Иркутской губерніи.

За Енисеемъ деревни одна отъ другой въ большомъ разстояніи; однако жъ около большой дороги не рѣдко видите жилыя мѣста и между-прочимъ нѣсколько тюремныхъ помѣщеній. Въ Восточной Сибири вездѣ устроены прекрасные мосты; и правду сказать, безпрестанные спуски, косогоры, обрывы, рѣчки и болота дѣлаютъ ихъ совершенно необходимыми, особенно на большой торговой дорогѣ отъ Тобольска къ Иркутску. Въ одной Енисейской губерніи считается болѣе ста семидесяти мостовъ, и одинъ изъ нихъ, высокій, прямой какъ стрѣла, простирается на двѣ съ половиною версты черезъ рѣчку Пойму, текущую середи болота множествомъ рукавовъ.

Почтовыхъ лошадей вездѣ достаточно. Сумма на содержаніе ихъ отдѣляется отъ земскихъ повинностей. Лошади съ мѣста рвутся какъ бѣшеныя: каждую держатъ подъ уздцы, пока проѣзжій садится. При всемъ томъ, въ экипажъ нѣсколько потяжеле ямщики запрягаютъ по восьми лошадей, какъ бы опасаясь, что четверня не дотянетъ до станціи; но, проѣхавъ верстъ десять, отпрягаютъ пару, верстъ черезъ пять—другую, и на четвернѣ во весь духъ переѣзжаютъ остальныя пятнадцать верстъ. Двѣсти верстъ въ сутки дѣлаютъ во всякое время. Изъ Красноярска въ Иркутскъ легко поспѣваютъ въ трое сутокъ, а тутъ около тысячи верстъ.

Дорога отъ Красноярска къ Канску примѣтно возвышается. За рѣкою Каномъ, которая, до открытія Енисейской губерніи, отдѣляла Томскую отъ Иркутской, идетъ она дикими березовыми и сосновыми рощами. Въ 43 верстахъ отъ Канска, маленькаго окружнаго городка, на лѣвомъ берегу Кана, лежитъ прекрасное, правильно выстроенное, село Большое Игнашинское, гдѣ водворены поселенцы.

Далѣе, верстъ семнадцать не доѣзжая Нижнеудинска, минуете большую деревню Маре; она не хуже инаго города. Отъ рѣчки Баерановки, которая течетъ въ Бирюсу, составляющую предѣлъ Енисейской губерніи, начинаются высокія горы. Палласъ проѣзжалъ здѣсь лѣтъ за семьдесятъ по пустынѣ совершенно дикой и вы невольно удивляетесь перемѣнѣ, которую произвели съ тѣхъ поръ усилія гражданственности. Мы говоримъ разумѣется объ окрестностяхъ большой дороги, а въ глубинѣ края кочуютъ по прежнему Татарско-Монгольскія племена Камасинцевъ, Карагассовъ и Буряты. Только немногіе изъ нихъ имѣютъ постоянное жительство въ Русскихъ селеніяхъ. За то селенія эти въ Иркутской губерніи, по мѣрѣ того какъ вы приближаетесь къ средоточію торговыхъ оборотовъ съ Китаемъ, отличаются обширностью, правильностью и красотою. Таковы напримѣръ Зима въ 230 верстахъ отъ Иркутска, далѣе Черемхово и Мальта.

Въ Черемховѣ мы провели нѣсколько часовъ въ одномъ крестьянскомъ домѣ, который по своему устройству, чистотѣ и убранству, можетъ быть предпочтенъ многимъ помѣщичьимъ. Жители успѣшно занимаются хлѣбопашествомъ и извозомъ товаровъ. Они

обыкновенно берутъ кладь на Кяхтѣ или въ Иркутскѣ, и везутъ ее до Томска, гдѣ смѣняютъ ихъ другіе извощики, которые идутъ уже до Тюменя.

Мальта, богатое село, величаво раскинута на лѣвомъ обрывистомъ берегу рѣки Бѣлой, текущей въ Ангару. Здѣсь во множествѣ ловятся стерляди, осетры, таймени, сиги. Нѣкоторые домы поспорятъ въ опрятности съ Голландскими.

На 12 верстѣ отъ Мальты, нѣсколько въ сторонѣ, показывается зданіе обширнаго соловареннаго завода. Вскорѣ миновали мы Тельминскую суконную, полотенную и стеклянную фабрику, гдѣ работаютъ ссыльные. Это довольно обширный правильный городокъ. Большая каменная церковь съ высокой колокольнею видна издали.

На фабрикѣ болѣе 800 человѣкъ рабочихъ, которые съ помощію машинъ выдѣлываютъ ежегодно до 60,000 аршинъ солдатскаго сукна и до 30,000 аршинъ полотенъ. Шерсть доставляютъ кочевые Буряты и Тунгусы, пеньку Енисейская губернія.

Поздно вечеромъ достигли мы селенія Жилкина, послѣдняго къ Иркутску. Густые пары показывали въ ясную ночь направленіе быстрой Ангары; за нею чернѣлись горы, а прямо передъ нами сквозь туманъ проглядывали бѣлыя стѣны Вознесенскаго монастыря. Онъ построенъ въ 1672 году, а съ 1807 по 1813 совершенно обновленъ при архимандритѣ Аполлосѣ; съ 1805 г. открыты въ немъ мощи Св. Иннокентія, перваго епископа Иркутскаго, одного изъ современниковъ Великаго Петра.

Иркутскъ лежитъ на ровномъ, открытомъ мѣстѣ праваго берега Ангары, тамъ, гдѣ слѣва принимаетъ она Иркутъ, а справа рѣку Ушаковку, отдѣляющую замокъ, монастырь и красивыя предмѣстья отъ остальной части города, которая омывается Ангарою съ двухъ сторонъ.

Кромѣ собора и Знаменскаго дѣвичьяго монастыря, здѣсь тринадцать церквей Грекороссійскихъ и двѣ иновѣрческія, Католическая и Лютеранская. Въ монастырѣ покоится подъ мраморомъ прахъ Шелехова. Домы, кромѣ немногихъ купеческихъ по большой части деревянные и размѣщены довольно рѣдко. Несмотря на то, городъ можно назвать красивымъ: улицы прямыя и широкія, каменные обывательскіе домы и казенныя зданія — порядочной архитектуры. Надъ гостинымъ дворомъ находится общественная зала, расписанная очень изрядно здѣшнимъ художникомъ. Берегъ быстрой и удивительно прозрачной Ангары, въ томъ мѣстѣ, гдѣ примыкаетъ къ ней лучшая часть города, одѣтъ тесанымъ камнемъ и составляетъ подножіе прекраснаго бульвара. На Московскомъ въѣздѣ стоятъ даже тріумфальныя ворота съ довольно правильной аркою.

Въ Иркутскѣ, кромѣ тамошнихъ купцевъ, торгуютъ многіе иногородные. Для нихъ назначено здѣсь ежегодно двѣ ярмонки, которыя съ 15 Марта и съ 15 Ноября продолжаются по нѣскольку недѣль сряду. Пушной товаръ и потомъ Русскія и иностранныя сукна составляютъ главныя статьи торговли съ Китайцами, которые платятъ за нихъ преимущественно чаемъ и китайкой.

Иркутскіе купцы имѣютъ суда для перевозки товаровъ черезъ Байкалъ и внизъ по Ангарѣ къ Енисейску. Суда промышленниковъ обыкновенно зимуютъ въ Никольской пристани, на взморьѣ, у истока Ангары, гдѣ рѣка никогда не замерзаетъ; но для нихъ есть и другая пристань въ самомъ Иркутскѣ.

Съ 1805 года существуютъ здѣсь губернская гимназія и училища приходское и уѣздное. Въ школѣ военныхъ кантонистовъ до семи сотъ мальчиковъ обучаются по Ланкастеровской методѣ.

Въ 1799 году военный губернаторъ, генералъ Леццано, устроилъ, для ссыльныхъ, рабочій домъ, гдѣ найдете теперь всѣ необходимыя ремесла, начиная отъ портняжнаго до каретнаго. Къ дому принадлежитъ слобода, отведенная за рѣчкою Ушаковкой для рабочихъ, пробывшихъ въ домѣ опредѣленный срокъ. Большая часть изъ нихъ живутъ препорядочно въ собственныхъ домахъ, и заработываютъ хорошія деньги. Они, по роду занятій, раздѣлены на артели, которыя отвѣчаютъ каждая за своихъ членовъ, и работаютъ прочно и хорошо по умѣренной таксѣ, опредѣленной начальствомъ.

Рядомъ съ рабочимъ домомъ тюремный зàмокъ, съ чистыми, свѣтлыми, удобными комнатами, гдѣ до полутораста преступниковъ содержатся такъ, какъ велитъ человѣколюбіе. Тутъ же суконная фабрика, на которой выдѣлываютъ ежегодно до 6,000 аршинъ изряднаго сукна. Шерсть для этого покупаютъ у Бурятъ, обитающихъ на островѣ Ольхонѣ.

Предъ замерзаніемъ Ангары, которое настаетъ обыкновенно въ декабрѣ, густой туманъ покрываетъ всю

окрестность, и холодъ становится тѣмъ ощутительнѣй, что водяные пары смерзаются въ невидимыя иглы. Впослѣдствіи, когда рѣка и море покроются льдомъ, стужа, и при сильнѣйшихъ морозахъ, гораздо сноснѣе. Нерѣдко доходитъ она до 35 градусовъ и болѣе.

7 Января отправился я на Байкалъ мѣстами открытыми и довольно обработанными. Оба побережья Ангары, на пространствѣ 60 верстъ до истока ея изъ озера, представляютъ нѣсколько прекрасныхъ видовъ. Восточный, или правый, берегъ вообще низменъ, лѣвый разнообразенъ и холмистъ; тамъ и сямъ разбросаны многочисленныя деревни.

Выѣздъ къ Байкальскому озеру можно назвать одною изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ природы. На первомъ планѣ течётъ Ангара, которая становится все шире по мѣрѣ того, какъ вы приближаетесь къ озеру. Рукавъ, которымъ она изъ него выходитъ, такъ широкъ, что суда останавливаются здѣсь какъ на рейдѣ. Жаль только, что, на ту пору, они были заперты льдомъ.

Длина Байкала 600 верстъ, ширина его отъ 30 до 80, окружность 1,865 верстъ. Вода его прѣсна, однако жъ въ немъ живутъ нерпы, или тюлени, и нѣкоторыя морскія рыбы Во глубинѣ его ростутъ губки и находятся другія произведенія, свойственныя морямъ и нерѣдко выбрасываемыя имъ на берегъ. Замѣтимъ, что онъ въ полуторѣ тысячи верстъ, по прямой линіи, отъ Ледовитаго Моря.

Имя Святаго Моря дано озеру въ старину, быть можетъ, изъ благоговѣйнаго страха къ опасностямъ, ко-

торымъ подвергаются на немъ плаватели. Осенью, до самаго морестава, то есть до половины декабря, оно взволновано бурями и покрыто густымъ туманомъ, тѣмъ болѣе пагубнымъ для судовъ, что берега состоятъ отчасти изъ неприступныхъ скалъ, гдѣ нѣтъ ни убѣжища, ни якорнаго мѣста.

Байкалъ вообще почитаютъ огромною разсѣлиной, произшедшею отъ землетрясенія. Мысль эта основана на томъ, что часть окружающихъ его горъ представляетъ слѣды разрушительнаго переворота и что дно его неровно до чрезвычайности, а берега обильны волканическими произведеніями и теплыми ключами.

Нѣсколько островов разсѣяно по поверхности Байкала. Важнѣйшій изъ нихъ Ольхонъ, имѣющій верстъ 70 въ длину и до 25 въ ширину. Берега его вообще очень круты. На сѣверномъ склонѣ, внутрь острова простирается каменистая степь, остальная часть почвы песчана. Впрочемъ Ольхонъ довольно богатъ источниками; на немъ ростутъ величавыя сосны и лиственницы, береза и другія деревья и кустарники. Снѣгъ не долго лежитъ на безлѣсныхъ равнинахъ. Проливъ, отдѣляющій его отъ материка, въ одномъ мѣстѣ только 825 саженъ шириною; къ сѣверовостоку онъ расширяется, а противъ устья Унгурупа въ немъ уже 19 верстъ. На южной оконечности пролива есть двѣ бухты, гдѣ суда могутъ укрываться во время бурь.

Ольхонъ населенъ Монгольскимъ племенемъ Баргу-Бурятъ. Они разводятъ хорошій скотъ и обрабатываютъ землю; промышляютъ зайцевъ, бѣлокъ и

волковъ, которыхъ много у нихъ на островѣ, и сверхъ того ловятъ нерпъ на южномъ берегу материка, противолежащемъ Ольхону.

Байкалъ окаймленъ заливами и мысами какъ бахрамой. Около двухъ сотъ рѣкъ и рѣчекъ впадаютъ въ него, пролагая себѣ путь между горами. Изъ числа ихъ судоходны Верхняя Ангара, Баргузинъ и Селенга; прочія, начинаясь въ окрестныхъ высотахъ, имѣютъ весьма короткое теченіе. Онѣ по большей части бѣгутъ въ каменистыхъ руслахъ, и вода въ нихъ такъ холодна, что температура ея въ жарчайшіе лѣтніе дни не превышаетъ 3 или 4 градусовъ по Реомюру.

Амфитеатръ высотъ, окружающій Байкальское озеро, разрывается только степью, идущею отъ югозападной его оконечности, называемой Култукомъ, и равниной, которая облегаетъ устье Селенги.

Байкальскія горы составляютъ продолженіе Саянскаго хребта, котораго отрасли тянутся по Селенгѣ, Иркуту, Туркѣ и другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ озеро или его притоки. Подходя къ нему ближе, онѣ исподоволь понижаются и только мѣстами образуютъ крутыя скалы на самомъ берегу; но въ недальнемъ разстояніи высота ихъ возрастаетъ уже до тысячи футовъ надъ его уровнемъ, а господствующая вершина Хамаръ-Дабанъ подымается на 6000 футовъ. Если за дѣйствительную высоту озера принять среднюю величину измѣреній Гг. Ермана и Гесса, высота Хамаръ-Дабана надъ оканомъ будетъ простираться до 8,000 футъ.

Кряжъ состоитъ изъ слюдянаго сланца и преимущественно изъ гранита съ подчиненными ему порода-

ми сіеннита и гнейса. Къ произведеніямъ этѣхъ еще малознаемыхъ горъ принадлежатъ каменный уголь, горное масло и разные твердые камни, какъ напримѣръ, лазурикъ, аквамаринъ, и наконецъ родъ авгита оливковаго цвѣта и разновидной кристаллизаціи, который по мѣсторожденію названъ байкалитомъ.

На сѣверозападномъ берегу открыто нѣсколько сѣрнистыхъ ключей, а близъ устья двухъ Котельниковъ теплыя воды, которыми однако жъ не пользуются по затруднительности ведущаго къ нимъ пути. Въ полуторѣ верстѣ отъ озера, близъ рѣки Турки, находятся сѣрныя воды, при которыхъ построенъ домъ о шести комнатахъ съ ваннами и службами, и водворено нѣсколько семей поселенцевъ. Температура главнаго ключа простирается до 40° тепла по Реомюрову термометру. Во многихъ мѣстахъ есть солончаки, какъ напримѣръ около трехъ соляныхъ озеръ, которыя маленькимъ рукавомъ сообщаются съ Байкаломъ Тамъ родится превосходная Глауберова соль.

По Байкалу ходятъ на дощеникахъ и навозкахъ, — плоскодонныхъ, одномачтовыхъ судахъ, поднимающихъ отъ 1,500 до 6000 пудовъ груза. Правительство содержитъ нѣсколько галіотовъ и мелкихъ гребныхъ судовъ. Навигація продолжается съ маія по ноябрь мѣсяцъ, хотя Байкалъ рѣдко становится ранѣе декабря, а иногда и позже. Купеческія суда плаваютъ безъ компаса, держась береговъ и примѣтныхъ мѣстъ, которыя только по временамъ совершенно закрываются туманомъ.

Поверхность Байкала неспокойна даже и въ тишину. Когда волненіе усилится, это признакъ, что черезъ часъ мѣста настанетъ вѣтеръ, который дуетъ иногда же-

сточайшимъ образомъ съ сѣверозападной стороны. Впрочемъ самые постоянные вѣтры господствуютъ вдоль озера отъ сѣверовостока и востока или отъ югозапада и запада. Во время бури волны озера вздымаются на сто футовъ въ вышину. Долговременный опытъ и частыя бѣдствія научили моряковъ предузнавать непогоду и обезопасивать отъ нея суда. Съ послѣдней половины ноября ледъ начинаетъ носиться по поверхности и потомъ образуетъ цѣлыя горы, или сикуи, на отмеляхъ и между скалъ. Въ сильнѣйшіе морозы на ледяномъ зеркалѣ озера образуются широкія трещины, черезъ которыя лихой ямщикъ летитъ однако жъ съ удивительной отвагой и ловкостью, привыкнувъ къ такимъ подвигамъ съ малыхъ лѣтъ.

Приблизившись къ морскому берегу, мы ѣхали по немъ слишкомъ сорокъ пять верстъ до того мѣста, гдѣ дорога сворачиваетъ на Байкалъ. Ледъ былъ совершенно чистъ, прозраченъ и такъ гладокъ, что я не могъ ступить шагу не скользя; лошади привыкли къ этому, и весьма рѣдко случается имъ падать. Въ два съ половиною часа проскакали мы 60 верстъ до Посольскаго монастыря, — первой станціи за Байкаломъ. Здѣсь мало лѣсу, много болотъ, вездѣ тростникъ и кустарники; однако между разбросанныхъ деревень есть поля, носящія слѣды хорошей воздѣлки. Далѣе край становится гористъ.

Верхнеудинскъ, окружный городъ Иркутской губерніи, лежитъ у подошвы одной изъ отраслей Саянскаго хребта, на правомъ берегу рѣки Уды, при впаденіи ея въ Селенгу. Городъ довольно великъ, многолюденъ и цвѣ-

тущъ. Въ числѣ пятисотъ домовъ есть не мало каменныхъ и красивыхъ. Верхнеудинскъ поднялся на счетъ Селенгинска. Въ немъ два училища, ремесленный домъ и болѣе 80 лавокъ. Внутренній торгъ оживляется двумя ярмонками. Вымѣнъ пушнаго товара и рогатаго скота у Тунгузовъ и Бурятъ, кочующихъ въ здѣшнемъ краѣ, составляетъ главный предметъ торговли. Въ Верхнеудинскомъ округѣ считаютъ до 40 кожевенныхъ заводовъ.

Черезъ семь часовъ пріѣхалъ я въ Селенгинскъ, слишкомъ на сто верстъ отъ Верхнеудинска. Берега рѣки чрезвычайно живописны, и хотя однѣ долины могутъ похвалиться населенностью, однако жъ деревни вообще нерѣдки по теченію Селенги, которая своими разливами ежегодно наводняетъ и ихъ, и Селенгинскъ. Окрестности города хорошо обработаны, благодаря потомкамъ тѣхъ старообрядцевъ, которые, въ числѣ 6,000 человѣкъ, переведены сюда изъ Польши Екатериною II, и оттого доселѣ извѣстны здѣсь подъ именемъ Поляковъ. Изъ всѣхъ Сибирскихъ земледѣльцевъ едва ли не они одни имѣютъ обычай удобрять свои пашни. При водвореніи ихъ здѣсь, отвели имъ лѣса и горы, самые неудобные къ обработанію. Новосельцы трудились ревностно, разчищали, удобряли почву, и Богъ пособилъ имъ сдѣлаться зажиточнѣйшими крестьянами въ цѣломъ краѣ, не смотря на то, что лучшія пашни ихъ разбросаны по высокимъ горамъ, на крутизнахъ, иногда едва доступныхъ. Теперь ихъ болѣе 8,000 душъ мужескаго пола, и селенія ихъ расположены къ югу отъ Верхнеудинска до верховья рѣки Чикоя, на пространствѣ слишкомъ четырехъ сотъ верстъ. Они не измѣ-

няютъ вѣрѣ отцевъ. Служба совершается у нихъ скрытно какимъ нибудь разстригою.

Значительную часть населенія Верхнеудинскаго округа составляютъ кочевые Буряты, которые занимаются скотоводствомъ, звѣринымъ промысломъ и отчасти хлѣбопашествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ исправляютъ на границѣ казачью службу.

Буряты, подобно предкамъ своимъ Монголамъ, пользуются близостью ручьевъ для наводненія покосовъ и пашенъ, которыя даже и въ засухи даютъ имъ такую жатву, какой Русскіе, сосѣди ихъ, не получаютъ на лучшихъ поляхъ. Они управляются однимъ главнымъ тайшею и множествомъ подчиненныхъ ему тайшей, шуленговъ и зайсановъ; народъ выбираетъ ихъ на безсрочное время съ утвержденія губернскаго правленія.

Большая часть Бурятъ, именно Селенгинскіе и Хоринскіе роды, исповѣдуютъ вѣру Ламайскую. Многочисленные Ламы ихъ вмѣстѣ и врачи; они пользуютъ не только своихъ соотечественниковъ, но и Русскихъ, и состоятъ подъ управленіемъ бандиды-хамбы, или нѣкотораго рода епископа, избираемаго духовенствомъ и старшинами народными и утверждаемаго губернскимъ правленіемъ. Англійскіе миссіонеры, посвятившіе себя въ Селенгинскѣ обращенію Бурятъ, доселѣ не имѣли ни какого успѣха.

ГЛАВА XI.

Кяхта. Маймачень. Торговля съ Китайцами. Предѣлы двухъ Имперій. Нерчинскъ. Серебряные рудники. Даурія. Гора Чекондо.

Верстъ 60 ѣхалъ я берегами Селенги, текущей въ дикихъ, печальныхъ пустыняхъ, гдѣ только изрѣдка видны жалкія селенія. Дорога удаляется потомъ отъ рѣки и идетъ краемъ болѣе открытымъ и поросшимъ лѣсами; кое-гдѣ возвышаются холмы, раздѣленные прекрасными, но невоздѣланными долинами. Верстахъ въ тридцати отъ Китайской границы снѣгъ исчезаетъ и замѣняется песчаною степью и буграми, взрываемыми безпрестаннымъ вѣтромъ.

Въ узкой долинѣ, окруженной горами, на берегу рѣчки Кяхты, стоитъ пограничная крѣпость Троицко-Савскъ, основанная Саввою Владиславичемъ, графомъ Рагузинскимъ, который, въ царствованіе Екатерины I и Петра II занимался опредѣленіемъ Россійско-Китайскихъ границъ. Крѣпость составляетъ правильный четыреугольникъ, окруженный палисадами. На каждомъ углѣ по бастіону. Во внутренности церковь, рынокъ, казармы и домы для офицеровъ. Здѣсь имѣютъ свое пребываніе директоръ таможни и комендантъ.

По берегу Кяхты, которая отъ сильныхъ дождей становится иногда бурнымъ потокомъ, дорога идетъ между

разбросанными соснами въ торговую слободу, которая отъ Троицко-Савска въ четырехъ верстахъ.

Слобода Кяхта выстроена довольно плохо и неправильно, и населена преимущественно купцами, которымъ принадлежатъ лучшіе изъ домовъ. Здѣсь живетъ пограничный начальникъ, и находится складочный гостиный дворъ для привозныхъ товаровъ. Говорятъ, мѣсто это здоровое, но вода въ немъ нехороша; годную для питья берутъ обыкновенно въ окрестностяхъ версты за три. Почва такая тощая, что съ трудомъ разводятся самыя простыя огородныя растенія.

Во стѣ саженей за Кяхтою лежитъ Китайскій городъ Маймачень, за нимъ равнина, а еще далѣе синѣются хребты Монгольскихъ горъ.

Лишь только выѣхалъ я изъ воротъ Кяхты, отличающихся красивою архитектурой, какъ глазамъ моимъ предсталъ Маймачень, окруженный низкою стѣною съ башеньками. Кровли домовъ не выше городской стѣны, изъ-за которой видны только пять или шесть внутреннихъ воротъ, съ островерхими крышами, какъ у насъ на Китайскихъ бесѣдкахъ.

Улицы прямыя, но не широкія, съ деревянными мостками по бокамъ. Домы, не болѣе 4 аршинъ вышиною, покрыты плоско и вымазаны бѣлой глиною. Въ нѣкоторыхъ есть окна на улицу, въ другихъ нѣтъ, но при всякомъ навѣсъ съ рѣшеткою, или галлерея. На иномъ перекресткѣ стоитъ башня, которая загородила бы всѣ четыре улицы, если бъ въ ней не было сквозныхъ воротъ.

Гарнизонъ состоитъ изъ Монгольскихъ солдатъ, которые несутъ вмѣстѣ и полицейскую обязанность, а вооружены только палками. Во время ярмонки, бывающей обыкновенно въ декабрѣ, въ Маймайчень стекается до полуторы тысячи гостей мужескаго пола, но женщинамъ въѣздъ вовсе запрещенъ. На улицѣ, въ одномъ мѣстѣ лежатъ верблюды, въ другомъ прохаживаются ослы, а тамъ нѣсколько лошадей стоятъ на привязи у рѣшетокъ. За воротами сидятъ группы мальчиковъ.

Я былъ не одинъ разъ у богатѣйшихъ Китайскихъ купцевъ,—нѣкоторые изъ нихъ говорятъ порядочно по Русски: вездѣ принимали меня вѣжливо; подчивали чаемъ, ликерами, сушеными плодами, пирожками, пуншемъ и сигарами. Внутри домовъ простирается узкій дворъ, окруженный лавками или магазинами, гдѣ мелочные товары разложены по полкамъ, сараями для оптовыхъ товаровъ, какъ напримѣръ китайки и чаю, жилыми покоями и другими принадлежностями.

Между разными частями дома внутреннихъ сообщеній нѣтъ, а изъ каждой выходитъ особая дверь на галлерею, которою обведены всѣ стѣны съ надворной стороны. Въ жилыхъ комнатахъ вы найдете диванъ, протянутый отъ одной стѣны до другой, аршина въ четыре шириною. Подъ нимъ проведенъ боровъ, какъ въ оранжереяхъ, который отапливается снаружи и нагрѣваетъ всю комнату. Передъ диваномъ треножникъ съ мѣднымъ котломъ, наполненнымъ горящими угольями, гдѣ безпрерывно стоитъ чайникъ. Въ углу или посрединѣ находится весь приборъ для куренья табаку. Мебель, иногда богато отдѣланная, блеститъ безподобнымъ Китайскимъ лакомъ.

На улицахъ расположены въ равныхъ разстоянiяхъ фонари, зажигаемые вечеромъ. На домахъ вывѣшены снаружи пачки шелку и бумаги, поддѣльные колокольчики и другiя бездѣлушки.

Цзаргуци, или начальникъ Маймаченскiй, дозволилъ мнѣ посѣтить храмъ, воздвигнутый въ честь Го-ан-ди: извѣстно, что Китайцы, кромѣ добрыхъ и злыхъ духовъ, воздаютъ почтенiе и усопшимъ праведникамъ. На первомъ дворѣ храма есть родъ сарая, гдѣ стоятъ двѣ разновидныя лошади, — изображенiя тѣхъ, на которыхъ при жизни своей ѣздилъ Го-ан-ди. По обѣ стороны двора находятся строенiя, каждое въ одинъ этажъ и въ одну связь, съ крытыми переходами, изъ которыхъ сдѣланы двери въ комнаты. Двѣ или три опредѣлены для купцовъ, которые собираются здѣсь разсуждать о дѣлахъ торговыхъ; въ одной по стѣнамъ намалеваны всѣ чудесные подвиги Го-ан-ди, въ другихъ находятся часовни, посвященныя разнымъ угодникамъ.

Въ углубленiи двора возвышается кумирня, — четыреугольное зданiе, которое вдвое болѣе въ высоту, чѣмъ въ ширину, и къ которому ведутъ нѣсколько ступеней. Оно покрыто извѣстною Китайскою кровлей съ заворотомъ. Кумирня эта посвящена царствующему императору. Начертанiе имени его стоитъ въ кiотѣ на престолѣ, подъ балдахиномъ, окруженнымъ эмблематическими знаками достоинствъ императорскихъ предковъ.

Съ обѣихъ сторонъ кумирни находятся ворота, ведущiе къ самому храму, который стоитъ на площадкѣ, обнесенной оградою. Онъ безъ оконъ, и свѣтъ солнца проникаетъ въ него только сквозь отверзтые врата. При входѣ меня окружилъ густой мракъ.

Вдали мелькалъ томный лучь светильника, и было какое-то мерцаніе на высотѣ. Приглядѣвшись, я увидѣлъ передъ собою престолъ. На немъ стояли въ металлическихъ вазахъ искусственные цвѣты, лежали тимпаны, издающіе звуки отъ прикосновенія палочками, обтянутыми оленьей кожей, и наконецъ помѣщался прорицательный сосудъ, наполненный свернутыми бумажками, которыя заключали въ себѣ будущій жребій всякаго богомольца.

Престолъ съ цвѣтами прикрываетъ глубину средней части храма, который отъ входа раздѣляется вдоль на трое шелковыми занавѣсами. Боковыя отдѣленія почитаются придѣлами, а въ глубинѣ средняго присутствуетъ главный кумиръ.

Въ лѣвомъ придѣлѣ отъ входа, на возвышеніи, сидятъ два кумира: Цай-шень, духъ счастія, съ черной бородою и съ усами по поясъ, и Маванъ, князь или покровитель коней, съ шестью руками, вооруженными лукомъ, мечами и печатью, — знакомъ властительскаго достоинства. Кротость изображается на лицѣ духа счастья и ярость на лицѣ покровителя коней; первый въ мирной одеждѣ, послѣдній въ воинственной.

Въ правомъ придѣлѣ, также на возвышеніи, сидитъ Хошень, духъ огня. Лице и руки у него красныя. Онъ одѣтъ бронею; въ правой рукѣ держитъ мечь, въ лѣвой сосудъ съ пылающимъ огнемъ. Рядомъ съ нимъ Ню-ванъ, князь или покровитель скотоводства, у котораго въ правой рукѣ конецъ бороды, въ лѣвой *жу-и*, или обѣтный значекъ, подносимый друзьямъ, благодѣтелямъ, императору и божествамъ, какъ символъ желанія всѣхъ благъ возможныхъ.

Въ обоихъ придѣлахъ передъ кумирами поставлены столы для жертвоприношеній. При каждомъ кумирѣ находится рѣзное изображеніе предстоящаго человѣка.

Въ среднемъ или главномъ отдѣленіи, за престоломъ, прикрытымъ цвѣтами, возвышается престолъ Го-ан-ди и передъ нимъ жертвенникъ.

Кумиръ сидитъ на престолѣ въ голубомъ одѣяніи; лице у него золотое, въ рукахъ жу-и. У ногъ его фіалъ съ освященной водою; восемь знаковъ, изображающихъ достоинство жертвъ, которыя должно приносить ему; четыре подсвѣчника, четыре чашки и негасающій свѣтильникъ — *данъ*, который, отражаясь въ тусклыхъ зеркалахъ, освѣщаетъ во тмѣ кумиръ Го-ан-ди и двухъ ужасной величины драконовъ, извивающихся снизу вверхъ и составляющихъ надъ нимъ разные своды.

Возлѣ Го-ан-ди стоятъ на помостѣ храма молодой человѣкъ и веселый старецъ въ мирномъ одѣяніи. У жертвенника также двое предстоящихъ въ одеждѣ воинственной. Всѣ статуи въ колоссальномъ видѣ. Воздухъ въ храмѣ наполненъ благовоніемъ отъ курительныхъ свѣчь, похожихъ на длинные карандаши.

Оставивъ дворы храма и выходя изъ послѣднихъ воротъ, я увидѣлъ черезъ дорогу еще одну часовню. Она посвящена богинѣ Пусѣ. Посрединѣ на высокомъ подножіи утвержденъ двойной кіотъ, и божество изображено съ обѣихъ сторонъ въ разныхъ видахъ. На одной сторонѣ Пуса благословляетъ по обычаю христіанскому, съ другой на рукахъ ея покоится обнаженный мечъ. На стѣнахъ часовни написаны во весь ростъ угодники съ вѣнцами, или сіяніемъ, на головахъ.

*

Жертвы приносятся въ храмъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, и состоятъ изъ сарацинскаго пшена съ изюмомъ и маленькихъ пирожковъ. За неимѣніемъ ламъ въ Маймаченѣ, выписываютъ ихъ сюда однажды въ годъ, и тогда только совершаютъ въ преддверіи храма кровное жертвоприношеніе, закалая агнца.

Въ Маймаченѣ нѣтъ ни какого укрѣпленія; онъ только обнесенъ деревянною оградой, хотя въ немъ постоянно живетъ до четырехъ сотъ душъ. Мелочной торгъ идетъ между жителями обоихъ государствъ круглый годъ безпрерывно, и переходъ черезъ границу не затрудняется ни какими предосторожностями. Для оптовой торговли хотя и нѣтъ опредѣленнаго времени, однако жъ она обыкновенно начинается въ декабрѣ или январѣ, и продолжается до апрѣля. Русскіе и Китайцы ладятъ между собою, какъ нельзя лучше; взаимнымъ угощеніямъ нѣтъ конца Китайцы играютъ теперь въ карты, шашки и шахматы, пьютъ, пляшутъ и поютъ. Въ февралѣ бываетъ у нихъ новый годъ, празднуемый три дня. Русскій комендантъ тоже даетъ пиръ главному мандарину и почетнѣйшимъ Китайцамъ (Л. IV — 2).

Торговля производится только мѣновая: Русскіе привозятъ мѣха, сукна и другія шерстяныя ткани; кожи, льняныя, пеньковыя и бумажныя издѣлія; полосное желѣзо, жесть и желѣзный товаровъ, мѣдь штыковую и листовую, свинецъ, бумагу, зеркала, позументы, стѣнные часы, хрусталь, очки, бумажныя табакерки, футляры, гребни, рыбій клей, кремни ружейные, сѣру, олений рогъ, муку, масло; Китайцы высылаютъ

чай, сушеные плоды, ревень и другіе аптекарскіе товары, китайку и другія шелковыя ткани, тростниковыя шторы и разныя прихотныя издѣлія. Китайцы оцѣниваютъ товаръ на кирпичный чай, а Русскіе на бѣлку, и прежде нежели начнется торгъ, купцы опредѣляютъ по взаимному согласію, сколько бѣлокъ считать на кирпичь чаю. Если Китайцы требуютъ напримѣръ 6 бѣлокъ, а Русскіе не могутъ продать бѣлку дешевлѣ 40 копеекъ, то цѣна кирпичу 2 рубля 40 копѣекъ, и по этому курсу всѣ Китайскія вещи вымѣниваются на кирпичный чай. Если пріѣзжій захочетъ вымѣнивать у Китайцевъ, онъ долженъ прежде купить у Русскихъ купцевъ какую нибудь вещь, промѣнять ее Китайцамъ на кирпичный чай и потомъ уже за этотъ чай пріобрѣсти то, что захочетъ. Иногда покупаемый товаръ стоитъ полкирпича или четверть, — вы ломаете его и отдаете Китайскому купцу сколько слѣдуетъ по разсчету. Въ 1828 году цѣнность товаровъ, привезенныхъ въ Кяхту, простиралась до 24,318,000 рублей, а цѣнность вывезенныхъ въ Маймаченъ до 14,442,000. Таможенный сборъ доставилъ Россійскому правительству 817,465 рублей, изъ которыхъ болѣе 600,000 поступило съ чаю. Русскіе вымѣниваютъ его среднимъ числомъ до 60,000 мѣстъ, содержащихъ въ себѣ отъ 40 до 60 фунтовъ каждое, а пошлина по сту рублей съ мѣста.

Воротясь изъ Маймачена въ Кяхту, я пробылъ тамъ двое сутокъ. Не смотря на дороговизну припасовъ, купцы живутъ очень хорошо, и надобно сказать къ ихъ чести, что любезность и радушіе хозяевъ не уступаютъ избытку, господствующему въ ихъ домахъ.

Кяхта окружена высокими гранитными горами. Главнѣйшую изъ нихъ Монголы называютъ Орлиною, Бургультей. На другой высотѣ видны межи обоихъ государствъ, стоящія другъ противъ друга: съ Русской стороны крестъ на каменномъ подножіи, съ Китайской — родъ пирамиды. На срединѣ пространства между Кяхтою и Маймайченомъ поставлены столбы въ десять футовъ вышиной. На одномъ изъ нихъ надпись Русская, на другомъ Манчжурская. Кяхта протекаетъ къ западу отъ обѣихъ слободокъ.

Отсюда пустился я обратно въ Верхнеудинскъ, и потомъ на востокъ вдоль по Удѣ. Окрестности дороги хороши. Въ пятнадцати верстахъ она сворачиваетъ отъ рѣки и, нѣсколько далѣе, идетъ черезъ луговую степь, населенную Бурятами. Однѣ только станціи нарушаютъ здѣсь однообразіе пустыни. Я остановился у тайши одного изъ самыхъ многочисленныхъ племенъ Буряковъ. Писарь его выдалъ мнѣ паспортъ, писанный на Монгольскомъ языкѣ.

Далѣе видѣлъ я нѣсколько Бурятскихъ селеній. Картина лѣсистыхъ горъ Яблоннаго хребта,—по-Монгольски Яблени-Даба, — производитъ отрадное впечатлѣніе, но за горами васъ окружаетъ снова песчаная низменность. Этотъ хребетъ, выходя изъ Китайской Монголіи, пересѣкаетъ всю восточную часть Иркутской губерніи и оканчивается Чукотскимъ мысомъ въ Беринговомъ проливѣ, принимая въ Якутской и Охотской областяхъ названіе Становаго Хребта. Онъ образуетъ такой же естественный предѣлъ на востокѣ Сибири, какъ Уралъ на западѣ, и отдѣляетъ рѣки, текущія въ Ледовитое Море, отъ тѣхъ, которыя впадаютъ

въ Восточный Океанъ. Я ѣхалъ по теченію рѣчки Читы, впадающей въ Ингоду; послѣдняя, слившись съ Онономъ, называется Шилкою, а Шилка по соединенію съ Аргунью образуетъ Амуръ. При устьѣ Читы лежитъ такъ называемый Читинскій острогъ,— складочное мѣсто всѣхъ транспортовъ съ хлѣбомъ и солью, отправляемыхъ изъ Верхнеудинска для снабженія Нерчинскаго края. Ингода орошаетъ богатыя пажити между нагихъ, величественныхъ утесовъ. Среди лѣсовъ видишь иногда деревеньки и селенія, окруженныя полями. Крестьяне, кромѣ хлѣбопашества, занимаются сплавомъ на плотахъ угля, потребляемаго на Нерчинскихъ заводахъ. Наконецъ пріѣхалъ я въ Нерчинскъ, маленькій окружный городокъ, лежащій въ печальной и нагой равнинѣ. Наружность его такъ же непривлекательна, какъ и мѣстоположеніе. Когда проходили здѣсь караваны въ Китай и обратно, Нерчинскъ пользовался нѣкоторымъ благосостояніемъ; но съ тѣхъ поръ, какъ дорога перемѣнилась, городъ значительно упалъ. Немногіе купцы, которые остаются еще въ Нерчинскѣ, производятъ небольшую торговлю соболями и бѣлками, довольно извѣстными своей добротой (Л. IV — 4).

Нерчинскъ замѣчателенъ еще по первому договору Россіи съ Китаемъ, заключенному бояриномъ Головинымъ въ 1689 году. Съ тѣхъ поръ купцы обѣихъ державъ получили разрѣшеніе ѣздить безпрепятственно черезъ границу.

Я отправился на Большой Заводъ, лежащій въ 16 верстахъ отъ рѣки Аргуни, которая составляетъ предѣлъ между Россійскими и Китайскими владѣніями.

Дорогою видѣлъ я нѣсколько деревень, населенныхъ ссыльными. Плодоносная почва полей, которыми они окружены, при небольшой обработкѣ доставляетъ хорошіе урожаи: хлѣбъ родится иногда самъ-сорокъ, и при всемъ томъ мало зажиточныхъ крестьянъ. Пьянство не рѣдко разстроиваетъ самыя лучшія хозяйства. Крестьяне, приписанные къ Нерчинскимъ заводамъ, также небогаты. Ихъ болѣе восемнадцати тысячъ душъ, и всѣ они обложены работами за маловажную плату. Одни опредѣлены къ пашнѣ, другіе заняты перевозкою угля и рудъ, такъ что мало остается имъ времени трудиться надъ собственными полями. Впрочемъ, пока не откроется болѣе обширное поприще сбыта, нечего и надѣяться, чтобъ хлѣбопашество могло обогатить ихъ.

На Большомъ Заводѣ въ 400 избушкахъ помѣщается около 3,000 жителей. Почва безплодная и климатъ вообще неблагопріятенъ. Заводъ расположенъ въ лощинѣ, окруженной высокими, безлѣсными утесами.

Округъ Нерчинскихъ заводовъ доставляетъ ежегодно до 17,000 пудъ сереброноснаго свинцу, изъ котораго добывается чистаго серебра около 245 пудовъ. Этотъ округъ, подобно Колывановскому, составляетъ частную собственность Государя, и заключаетъ въ себѣ шесть сереброплавильныхъ заводовъ: Нерчинскій или Большой, Дучарскій, Кутамарскій, Екатерининскій, Газимурскій и Шилкинскій. На Петровскомъ заводѣ, отстоящемъ отъ Нерчинска на 1,175 верстъ, выплавляется желѣзо, потребное для всего округа; при Шилкинскомъ устроена стеклянная фабрика, снабжающая всѣ прочіе заводы этимъ необходимымъ матерьяломъ, который было бы такъ трудно возить издалека, а при Нерчинскомъ на-

ходятся фабрики кожевенная и суконная. Руду доставляли первоначально однѣ Култукскія копи, принадлежавшія вѣроятно Монголамъ и найденныя вмѣстѣ съ ихъ плавильными печами у Култукской Горы. Новѣйшая выплавка началась съ 1704 года, когда устроено первое фабричное заведеніе на лѣвомъ берегу рѣчки Алтачи, сливающейся неподалеку съ рѣчкою Серебряной, которая впадаетъ въ Аргунь. Множество старыхъ и новыхъ рудниковъ найдено впослѣдствіи. Поиски продолжаются съ успѣхомъ и теперь.

Какъ Нерчинскіе, такъ и Колывановскіе рудники, находившіеся подъ вѣдомствомъ Императорскаго Кабинета, въ 1830 году переданы въ главное управленіе министра финансовъ съ тѣмъ, чтобъ Нерчинскіе были подъ мѣстнымъ начальствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, а Колывановскіе, имѣя особаго горнаго начальника, были подчинену надзору Томскаго гражданскаго губернатора.

Для работъ употребляются ссыльные, ихъ дѣти, и рекруты, набираемые изъ заводскихъ крестьянъ. Каждый работаетъ по 12 часовъ въ сутки, а остальное время свободенъ и можетъ трудиться для себя. Самая тягостная работа не въ рудокопняхъ, а въ плавильняхъ. Работники содержатся на казенный счетъ.

Въ 1812 году открыта на Ононѣ первая оловянная руда. Ее нашли Агинскіе Буряты, кочующіе на рѣкѣ Агѣ, которая впадаетъ въ Ононъ. Главный ихъ старшина, или тайша, донесъ объ этотъ начальству, и съ согласія народа уступилъ рудоносную землю казнѣ. Руда такъ богата, что содержитъ въ себѣ до 60 процен-

товъ металла, но, къ сожалѣнію, находится только гнѣздами, и потому добыча не велика.

Гора Одонъ—или Адунъ-Челонъ, лежащая въ Нерчинскомъ округѣ, извѣстна своими прекрасными аквамаринами, которые прежде добывались въ большемъ количествѣ и лучшей доброты. Здѣсь же находятся драгоцѣнные топазы, слывущіе, какъ и на Уралѣ, подъ именемъ тяжеловѣсовъ. Въ округѣ есть нѣсколько желѣзно-кислыхъ ключей и одинъ сѣрный горячій. Изъ числа ихъ Русскими посѣщается одинъ только Дарасунскій; другими пользуются Буряты по совѣту своихъ многоуважаемыхъ ламъ.

Жители Нерчинскаго округа занимаются хлѣбопашествомъ почти только для собственнаго обихода. Скотоводство составляетъ главное ихъ занятіе, къ которому поощряются они множествомъ превосходныхъ луговъ. Изобиліе дичи, соболей, бѣлокъ и отличныхъ рысей естественно порождаетъ страсть къ охотѣ. Рѣдкаго жителя увидишь безъ винтовки за плечами; смѣлые промышленники проникаютъ даже въ Китайскіе предѣлы.

Замѣчательна также страсть къ скачкамъ, господствующая не только у Русскихъ, но и между Тунгусовъ и Бурятъ. Многіе раззоряются на заклады и не уступятъ въ этомъ любому Англичанину. Лошади скачутъ иногда двадцать — тридцать верстъ для потѣхи.

Съ Большаго Завода пустился я въ Цурухайтуевскъ, большое укрѣпленное селеніе на лѣвомъ берегу Аргуни, хорошо выстроенное, веселое, опрятное, окруженное садами. Окрестности изобилуютъ минеральными произведеніями. Трактатомъ съ Китайцами 1727 года

постановлено производить здѣсь торговлю круглый годъ, и доселѣ существуетъ въ Цурухайтуевскѣ таможенная застава; однако жъ въ слѣдующемъ же году главный торгъ переведенъ на Кяхту, а въ Цурухайтуевскѣ мѣна бываетъ только въ то время, когда пріѣзжаютъ сюда Китайскіе коммиссары, обозрѣвающіе границу. Русскіе промышленики являются изъ Нерчинска съ пушнымъ товаромъ, но настоящихъ купцевъ, ни Русскихъ, ни Китайскихъ, не бываетъ почти совсѣмъ.

Я слѣдовалъ линіею Русскихъ пикетовъ по степи, гдѣ ничего не видно, кромѣ пажитей. Дорога прекрасная. Мѣстами встрѣчалъ я остатки старинныхъ плавильныхъ печей, принадлежащихъ вѣроятно Монголамъ. Далѣе край становится безплоднымъ и немного возвышеннымъ. Близъ Онона лежитъ Чиндатъ-Турукуевская крѣпостца. Въ окрестностяхъ ея находится большая деревня, обитаемая Русскими поселенцами, которые успѣшно одолѣваютъ трудности, неблагопріятнаго климата. Далѣе видѣлъ я конныхъ Тунгусовъ, исправляющихъ казачью службу на границѣ. Наружность ихъ не блестящая, но они философы до такой степени, что совершенно довольны, если у нихъ есть пара коровъ и лошадей. Берега Онона представляютъ мѣстами плодоносныя хлѣбныя поля, воздѣлываемыя Тунгусами. Черезъ лѣсистыя высоты я достигъ наконецъ Ашангинскаго пикета, самаго крайняго на юговосточной границѣ съ Китаемъ. Шестьдесятъ казаковъ, подъ начальствомъ офицера, составляютъ его гарнизонъ. Мѣстоположеніе форпоста пріятное. Далѣе селиться запрещено. Отсюда берегами Ин-

годы и потомъ черезъ Яблонный Хребетъ выѣхалъ я обратно къ Иркутску.

Гористый край, заключающій въ себѣ рудники Нерчинскіе, по географическому положенію своему, составляетъ часть Дауріи. Минеральныя богатства его довольно разнообразны: кромѣ свинцу, серебра, олова и желѣза, здѣсь находятъ драгоцѣнные камни, и недавно открыты золотыя россыпи. Въ южной части, между рѣкъ Аргуни и Онона, есть большія степи, изобильныя пажитями, гдѣ зимою кочуютъ Буряты и Тунгусы. Въ числѣ деревьевъ, растущихъ къ востоку отъ Яблоннаго Хребта, вы опять находите мелкій дубъ и орѣшникъ, которыхъ не видать въ Сибири отъ самаго Урала и которые были бы крупнѣе, если бъ не вредилъ имъ господствующій здѣсь обычай выжигать весною поля. Въ рѣкѣ Ингодѣ, ближайшей на востокѣ отъ Яблоннаго хребта, появляются во множествѣ раки, исчезающіе у западной подошвы Урала,—обстоятельство, тѣмъ болѣе заслуживающее вниманія, что всѣ покушенія разводить ихъ въ Сибири, даже на самомъ близкомъ разстояніи отъ Уральскаго хребта, доселѣ оставались безъ всякаго успѣха. Въ рѣкахъ, текущихъ съ Яблонныхъ горъ къ Восточному океану, водятся такія рыбы, какихъ въ Сибири вовсе нѣтъ. Высшею вершиной этого хребта, еще мало изслѣдованнаго, можно полагать гору Чекондо, которая почти на 8,000 футовъ выше морской поверхности.

ГЛАВА XII.

Лена. Киренскъ. Перемѣна климата. Тунгусы. Якутскъ. Ночлегъ въ снѣгу. Постоялыя юрты. Горное масло. Зашиверскъ. Индигирка.

Изъ Иркутска отправился я верхомъ въ сѣверовосточномъ направленіи, и ѣхалъ краемъ возвышеннымъ и неровнымъ, гдѣ, за исключеніемъ немногихъ обработанныхъ полей, были видны только пажити. Маленькія деревни, населенныя Русскими, попадались довольно часто.

Мы переправились черезъ Лену и выѣхали къ селенію Качугѣ, гдѣ она уже довольно широка, но становится судоходною только въ большую воду. Всѣ суда, идущія съ товаромъ въ Якутсткъ, ожидаютъ для отбытія весенняго разлива. Пользуясь ихъ остановкою, окрестные поселяне и Буряты приходятъ сюда запасаться необходимыми потребностями. Купцы ставятъ балаганы противъ селенія или открываютъ лавочки на судахъ, и такимъ образомъ возникаетъ довольно многолюдная ярманка.

Лена окружена здѣсь утесистыми горами изъ краснаго песчаника. Вскорѣ мы достигли села Верхоленска, бывшаго прежде городомъ. Нѣсколько выше прекращаются кочевья Бурятъ, которыхъ шестиугольныя, бревенчатыя юрты мелькали досюда по обѣимъ сторонамъ дороги. Далѣе встрѣчаете вы Тунгусовъ,

безпрестанно перемѣняющихъ свои мѣста. Отъ Верхоленска надобно ѣхать водою, но почту везутъ, смотря по удобству, или верхомъ по узкой береговой тропѣ, или водой. Проѣзжіе берутъ по подорожнымъ вмѣсто лошадей гребцовъ на станціяхъ. Я сѣлъ въ лодку въ сопровожденіи одного казака; двое гребцовъ управляли ею. Берега рѣки высоки, круты, лѣсисты и мѣстами очень живописны. Почтовая тропинка вьется иногда по страшнымъ косогорамъ, гдѣ въ дождливое время почти вовсе нѣтъ пути. Въ долинахъ тамъ и сямъ разбросаны деревни съ полями, засѣянными рожью, но уже скудно вознаграждающими труды земледѣльца. Далѣе созрѣваетъ одинъ ячмень. Частыя мели и острова разсѣяны по рѣкѣ Ленѣ.

Отъ впаденія въ нее Илги начинается обширный Киренскій уѣздъ, простирающійся на тысячу верстъ по теченію Лены. Къ западу граничитъ онъ съ Ангарою, и на такомъ обширномъ пространствѣ живетъ не болѣе 9,000 душъ. Вообще можно сказать, что медвѣди—господствующіе обитатели Киренскаго края. Они здѣсь такъ многочисленны и такъ смѣлы, что набѣгами своими, особливо послѣ зимняго сна, опустошаютъ селенія. Красный песчаникъ, то разрушенный, то въ сланцѣ, виденъ на береговыхъ обрывахъ. Отлогости покрыты густымъ елевымъ и лиственничнымъ лѣсомъ, съ примѣсью ольхи и кустарника. Почву составляетъ тундра, то есть, мерзлая земля, прикрытая грязью и сверху мхомъ.

Киренскъ, съ своими тремя церквами и Троицкимъ монастыремъ, не имѣетъ впрочемъ ничего замѣчательнаго. Онъ стоитъ на островѣ, образуемомъ рѣками

Леною и Киренгой, которыя, до слитія въ одно русло, соединяются поперечною протокой, Полоемъ. Здѣсь есть уѣздное училище, но учениковъ въ немъ очень мало. Жители бѣдный народъ, и городъ, болѣе похожій на деревню, лишенъ почти всѣхъ удобствъ жизни общественной.

Отсюда Лена идетъ постоянно на сѣверовостокъ. Берега ея то ровны, то утесисты, и песчаникъ мѣшается съ известковыми слоями. Верстахъ въ девяти отъ города увидѣлъ я первую Тунгусскую деревню. Далѣе одни станціонные домы стоятъ на лѣвомъ берегу рѣки. Со всѣхъ сторонъ густѣютъ дремучіе боры; хлѣбопашество совершенно прекращается; нѣкоторыя огородныя растенія прозябаютъ въ небольшомъ количествѣ. При всемъ томъ хлѣбъ не дороже, чѣмъ въ Иркутскѣ: благодѣтельныя мѣры правительства обезпечиваютъ пустынному краю необходимое продовольствіе по самой умѣренной цѣнѣ.

Верстъ за 40 до Витима течетъ изъ горы сѣрно-известковый ключъ, которымъ окрестные жители пользуются отъ разныхъ болѣзней. Въ преждебывшемъ городѣ Витимѣ, по справедливости разжалованномъ въ селеніе, по Ленѣ шелъ уже ледъ и мѣстами затруднялъ плаваніе до такой степени, что бѣдные гребцы должны были раздѣваться и тащить лодку по поясъ въ водѣ при пяти градусахъ мороза. Стаканъ вина и трубка табаку, или точнѣе крошеной бересты, заставляли ихъ забывать всѣ непріятности подобнаго труда.

Противъ Витимской слободы въ Лену впадаетъ большая рѣка Витимъ, по которой скитаются одни Тунгусы. Верстъ на двѣсти отъ ея трехрукавнаго

устья находятся богатыя слюданыя ломни, разработываемыя на счетъ двухъ Витимскихъ купцевъ. Крестьяне почти во всей Сибири предпочитаютъ слюду самымъ лучшимъ стекламъ; кромѣ того идетъ она на корабельныя окна, потому что не такъ скоро лопается, и, наконецъ, вывозятъ ее въ Китай.

Отъ устья Витима Лена становится вдвое шире и течетъ между плоскихъ, лѣсистыхъ береговъ, на которыхъ горы видны только въ отдаленіи.

Въ одной деревнѣ жители предложили мнѣ ѣхать берегомъ и дали лошадей, потому что гребцы въ это время года заняты рыбною ловлею, а на сухомъ пути для проѣзжаго достаточенъ одинъ вожатый

Отъ станціи Жербы начинается область Якутская. Здѣсь предѣлъ кочевьямъ Тунгусовъ, которые скитаются по разнымъ частямъ Восточной Сибири отъ береговъ Верхней Ангары, Енисея и Лены, до Охотскаго Моря. Ихъ дѣлятъ на три разряда: Оленныхъ, Собачьихъ и Конныхъ. Первые, называемые также лѣсными или звѣроловными, кочуютъ на сѣверѣ, ближе къ Ледовитому Морю, и живутъ одними оленями, подобно Самоѣдамъ и Лопарямъ; Собачьи бродятъ около Охотскаго Моря до Камчатки и ѣздятъ не на оленяхъ, а на собакахъ; Конные обитаютъ въ Нерчинскомъ округѣ, имѣютъ большія стада рогатаго скота и лошадей, производятъ отчасти хлѣбопашество и вообще приближаются въ нравахъ и обычаяхъ къ Бурятамъ.

Весьма немногіе изъ нихъ крещены, прочіе преданы суевѣріямъ шаманства. Тунгусы принадлежатъ къ отрасли Манчжуръ. Они весьма честны и услужливы; воровство считаютъ непростительнымъ пре-

ступленіемъ, и гостепріимны до того, что раздѣляютъ съ вами послѣдній остатокъ своей добычи на охотѣ, не заботясь, будетъ ли у нихъ что назавтра. Съ удивительнымъ терпѣніемъ переносятъ они усталость, холодъ и лишенія всякаго рода. Они умѣютъ цѣнить хорошее обхожденіе, и платятъ за него благодарностью, но не дадутъ себя и въ обиду. Вообще они очень раздражительны, и съ ними иначе не сладишь, какъ добромъ

Они средняго роста и очень проворны. Черты у нихъ правильны, глаза малы, физіономія веселая; лице бѣлѣе и площе нежели у Монголовъ, борода жидка. Волосы на головѣ черные и спущены поровну со всѣхъ сторонъ. Они очень неопрятны, ѣдятъ самое отвратительное мясо и заражаютъ воздухъ противнымъ запахомъ. Тунгусы, особенно конные, могли бы быть хорошими солдатами, и отлично стрѣляютъ изъ винтовокъ и изъ луковъ.

Платье ихъ похоже на Остяцкое, — изъ оленьихъ или турьихъ шкуръ, опушенное лисицей или бѣлымъ зайцемъ. На головѣ у нихъ лисья шапка; шея, уши, носъ и подбородокъ зимою укутаны въ нагрудникъ, или, точнѣе, палатинъ, изъ бѣличьихъ хвостовъ. Лѣтнее платье ихъ не разнится отъ зимняго, только оно не мѣховое, а изъ выдѣланныхъ кожъ оленьихъ или рыбьихъ. Постелью служитъ имъ медвѣжья или оленья шкура; одѣяломъ—другая такая жъ, сшитая въ видѣ мѣшка и опушенная самыми теплыми мѣхами. Топоръ, ножъ, деревянная ложка и котелъ составляютъ почти всю ихъ домашнюю утварь; трубка табаку и стаканъ водки для нихъ верхъ наслажденія (Л. V — 3).

У нихъ нѣтъ общаго народнаго имени: большая часть Сибирскихъ Тунгусовъ называетъ себя Бойе, Бойя, или Бые, то есть мужчинами, нѣкоторые—Донки, или просто людьми. Отсюда быть-можетъ происходитъ и названіе Тунгусъ, а не отъ Турецкаго омонима, который означаетъ свинью. Западные Тунгусы, кочующіе между Енисеемъ и Верхнею Тунгускою, извѣстны подъ именемъ Чапогировъ; племена, живущія вдоль Охотскаго моря до Пенжинской губы, сами называются Ламутами,—ламъ значитъ у нихъ море,—а тѣ, что сидятъ къ сѣверо-востоку отъ Байкала, Овенами.

Послѣдніе вышиваютъ себѣ лобъ и щеки разными узорами, продѣвая подъ кожицей самую тонкую струну, натертую порошкомъ каменнаго угля. Узоры, выведенные такимъ образомъ ребенку, остаются у него на всю жизнь и просвѣчиваютъ наружу прекраснымъ голубымъ цвѣтомъ. Эти Тунгусы, которыхъ можно назвать Верхнеенисейскими, отличаются щеголеватостью одежды. Кафтанъ или хунъ, похожій на старинный Испанскій, шьется изъ выдѣланныхъ оленьихъ кожъ или сукна. Онъ обложенъ по швамъ и по всѣмъ краямъ широкою бисерною каймой съ прошвами изъ шелковой матеріи или китайки. Изъ подъ каймы виситъ бахрама козьяго волоса. Нижнее платье прикрывается коротенькою юпочкой. Съ шеи до юпочки виситъ нагрудникъ, по которому черезъ плечо спускается перевязь, соединяющаяся у пояса концами. На ней прицѣплены за кольца желѣзная трубочка со всѣми принадлежностями, ножъ и другія мелочи, въ кожаныхъ, суконныхъ или китайчатыхъ сумкахъ. На головѣ Тунгуса шапочка; за плечьми лукъ и колчанъ

со стрѣлами; въ рукѣ пальма — родъ копья — или винтовка.

Сапоги, юпка, нагрудникъ, перевязь, шапка и особенно колчанъ, все унизано бисерными узорами, стеклярусомъ, шелками, вышивками изъ струнъ, наборомъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и птичьихъ шкурокъ.

Нарядъ женщинъ отличается отъ мужскаго только тѣмъ, что онѣ не носятъ при себѣ оружія. Впрочемъ, подобно мужьямъ, выѣзжаютъ верхомъ на быстрыхъ оленяхъ.

Тунгусы одно изъ многочисленнѣйшихъ племенъ Восточной Сибири. Ими управляютъ старшины, или князьки, называемые *тоіонами* и подчиненные Русскому начальству.

Тунгусы какъ-будто передали меня съ рукъ на руки Якутамъ. Въ трое сутокъ доѣхалъ я верхомъ до бывшаго уѣзднаго города Олекминска, гдѣ господствующій языкъ уже Якутскій. Здѣсь покупаются лучшіе соболи, добываемые на рѣкахъ Витимѣ и Олекмѣ, которыя нѣсколько ниже города впадаютъ въ Лену съ правой стороны. Замѣчательно, что вправо отъ Лены ловятся дорогіе соболи и черная бѣлка, а влѣво— одна сѣрая бѣлка и соболи низшаго разбора. Ширина Лены у Олекминска простирается до трехъ верстъ. Остальную часть пути до Якутска совершилъ я водою, и прибылъ въ этотъ городъ 6 октября. Было очень холодно и пасмурно, огромными хлопьями падалъ снѣгъ; словомъ, зима была въ полномъ развалѣ, между тѣмъ здѣсь всѣ говорили, что она гостья запоздалая, что Лена становится обыкновенно первое ок-

тября и что нѣсколько дней спустя можно ѣздить по льду. Что касается до меня, за исключеніемъ послѣдней сотни верстъ, я продолжалъ путь свой по рѣкѣ, хотя и не безъ затрудненія. Цѣпь величественныхъ холмовъ тянется по правому берегу Лены; крутые утесы осѣнены соснами, которыхъ мрачная зелень нѣсколько разнообразитъ безжизненную и угрюмую картину здѣшней зимы. У Олекминска лѣвый берегъ низменъ и болотистъ, за то есть на немъ прекрасные луга. Далѣе опять возвышенности, которыя, не доходя Якутска, уклоняются въ сторону и даютъ мѣсто узкой береговой долинѣ, гдѣ построенъ этотъ городокъ. На правомъ берегу, противъ станціи Синей, начинаются такъ называемые Ленскіе Столбы, — великолѣпная игра природы. Кряжъ, твердаго какъ мраморъ известковаго сланца, принимаетъ здѣсь самые разнообразные облики: зданія, фантастическія чудовища, гроты, колонны, тянутся по берегу на 27 верстъ, прерываемыя только въ одномъ мѣстѣ верстъ на 10 лѣсистою горою. Они расположены по скату высокаго берега большею частью въ три ряда; за ними вершины холмовъ покрыты лѣсомъ. По мѣрѣ приближенія къ Якутску деревни рѣдѣютъ, но станціи, бывшія прежде въ 40 или въ 50 верстахъ одна отъ другой, раздѣлены теперь на двое, и туземцы охотно исполняютъ ямскую повинность.

Якутскъ, хотя и торговый городъ, выстроенъ однако жъ довольно плохо. Маленькіе, деревянные домы разбросаны на большихъ разстояніяхъ. Пять церквей, соборъ и монастырь, остатки древняго укрѣпленія, каменный гостиный дворъ, и вся хорошо обстроен-

ная Никольская улица придаютъ ему довольно красивый видъ, особенно въ глазахъ путешественника, который пригляделся къ пустынному однообразію Ленскихъ побережьевъ; при всемъ томъ мало есть городовъ, которые производили бы такое грустное впечатлѣніе.

Якутскъ построенъ на лѣвомъ берегу Лены въ долинѣ, которая, начинаясь верстъ за 30 выше Якутска, простирается вдоль рѣки верстъ на 70, окраенная невысокимъ кряжемъ песчаныхъ горъ. Рѣка образуетъ здѣсь нѣсколько острововъ и, въ полную воду, течетъ верстъ на пять шириною. Одну изъ протокъ ея, омывавшую городъ, лѣтъ пятьдесятъ тому занесло пескомъ, и съ тѣхъ поръ жители должны или брать воду версты за двѣ далѣе, или довольствоваться снѣжною и ледяной.

Съ половины декабря начинаются здѣсь жестокіе морозы. Стекла лопаются, стѣны трещатъ, и густой морозный туманъ наполняетъ воздухъ. Солнце взойдетъ въ одиннадцатомъ часу утра и вскорѣ опять садится. Отъ него нѣтъ ни блеска, ни тепла,—только тусклое мерцаніе факела. Ни одна птица, кромѣ чечетки и чернаго ворона, не выдерживаетъ здѣшней зимы. Термометръ безпрестанно показываетъ отъ 35 до 40 градусовъ; въ 1828 году онъ не разъ опускался до 46, а въ 1809 до 51, по наблюденіямъ жившаго тамъ доктора Реслейна. При 38 градусахъ морозу дыханіе замерзаетъ въ воздухѣ съ трескомъ, подобнымъ шелесту сухой травы. Я часто зарывалъ въ снѣгъ термометръ, и всегда находилъ, что въ теченіе ночи разность между температурами подснѣжною и надснѣжною достигала 12 градусовъ, то есть, въ снѣгу было двѣнадцатью градусами теплѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ.

Я былъ въ Якутскѣ только зимою, но вотъ что говоритъ объ его лѣтѣ одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ. Съ половины іюня настаютъ жары. Атмосфера наполняется густымъ туманомъ. Солнце, какъ раскаленный шаръ, пылаетъ на небѣ и жжетъ землю: трава выгораетъ, отъ жару нѣтъ ни гдѣ спасенія, улицы пустѣютъ, жители закрываютъ окна ставнями и сидятъ въ темнотѣ. Термометръ на солнцѣ показываетъ 40 градусовъ, и въ тѣни 28. Въ половинѣ одиннадцатаго, солнце, втрое больше видимой величины своей, красное какъ рубинъ, опускается за гору; въ то же время падаетъ сильная роса, и термометръ показываетъ уже 12 градусовъ. Черезъ часъ становится немного темнѣе, почти такъ, какъ въ пасмурный день; небо чисто, прозрачно и беззвѣздно; является тусклая, бѣлая луна. Въ часъ утра, передъ восходомъ солнечнымъ, рабочіе начинаютъ труды свои и занимаются ими до полудня; далѣе нельзя ничего дѣлать отъ жаровъ. Зной, разумѣется, происходитъ отъ продолжительнаго нагрѣванія атмосферы солнцемъ; за то прозябеніе удивляетъ своею быстротой. Огурцы поспѣваютъ въ полтора мѣсяца. Морковь и рѣпа родятся хорошо; но капуста не вьется въ кочаны.

Однако и при нестерпимомъ знoѣ земля растаяваетъ только аршина на полтора. Лѣтомъ въ погребахъ до 6 градусовъ морозу; но при рытіи одного колодезя спиртовой термометръ показывалъ, говорятъ, только 1 градусъ на пятнадцатой сажени глубины; слѣдственно предѣлъ замерзанія былъ уже близокъ.

Якутскъ производитъ значительный торгъ пушнымъ товаромъ: соболями, лисицами, песцами, бѣлками, куни-

цами. Сверхъ-того вывозятъ отсюда кабарговую струю, мамонтову кость и моржовій зубъ. Цѣна всѣхъ товаровъ простирается въ иной годъ до двухъ милліоновъ. Сюда пріѣзжаютъ не только туземные промышленики, но и купцы изъ Камчатки и изъ Россійско-Американскихъ колоній для обмѣна своихъ товаровъ на произведенія Русскія и Китайскія. Мука, соль и вино доставляются изъ Иркутска и Илгинска по Ленѣ. Даже изъ Архангельска, который отсюда въ 8,000 верстъ, привозятъ вина иностранныя. Въ декабрѣ, въ іюнѣ и особенно въ іюлѣ, бываютъ значительныя ярмонки.

Господствующій языкъ и въ Русскихъ домахъ Якутскій, потому что прислуга состоитъ вся изъ Якутовъ, которые очень рѣдко знаютъ сколько нибудь языкъ своихъ господъ. Якуты происхожденія Татарскаго, и сами себя называютъ Сахалы. Имя Якутовъ происходитъ отъ Еко или Екотъ, какъ называли ихъ въ старину Вилюйскіе Тунгусы, черезъ которыхъ они сдѣлались извѣстны казакамъ. Они всѣ небольшаго роста и сохранили свою первобытную физіономію; но нельзя себѣ представить нравственной разницы, существующей между Якутами городскими и тѣми, которые живутъ въ отдаленныхъ улусахъ, подъ управленіемъ головъ и старшинъ. Горожане отличаются хитростью, жители улусовъ еще держатся патріархальной простоты.

Кажется, ни въ одномъ Сибирскомъ городѣ жалкая сторона полупросвѣщенія не обнаруживается такъ рѣзко, какъ въ Якутскѣ. Въ собраніяхъ, говоритъ сочинитель поѣздки въ Якутскъ, каждый сидитъ чинно на своемъ стулѣ, не вставая съ мѣста: ходить по комна-

тѣ считается неприличнымъ, говорить женщинѣ съ мужчиною — преступленіемъ. По этому всѣ болѣе молчатъ и примѣчаютъ, но послѣ уже даютъ волю языку. Говорятъ, что здѣсь есть люди, которые ходятъ по домамъ, спрашивая: нѣтъ ли какого иска подумай ко, не найдешь ли чего-нибудь? Такіе люди извѣстны подъ именемъ дѣльцевъ, и если кому изъ нихъ случится по тяжебному дѣлу быть въ Иркутскѣ, они присылаютъ оттуда друзьямъ и знакомымъ, какъ дорогой подарокъ, копіи съ своихъ ябедъ и крючкотворныхъ просьбъ. Въ Якутскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько берестяныхъ рукописей XVII вѣка, и онѣ по большей части наполнены ябедой. Есть люди, которые готовы писать ногтемъ на камнѣ, чтобы удовлетворить своей страсти къ доносамъ и сплетничанью.

Между Якутками, говоритъ тотъ же авторъ, встрѣчаются довольно милыя личики съ черными, пламенными глазами; но нарядъ здѣшнихъ дамъ, странный, по-крайней-мѣрѣ для Европейца, дѣлаетъ ихъ непривлекательными. Иногда такая красавица разъѣзжаетъ по городу верхомъ на быкѣ, иногда лѣтомъ въ саняхъ бороздитъ улицы безъ всякаго сожалѣнія къ бѣдному животному, которое задыхается отъ истомы. И мужчины, и женщины большіе охотники до чесноку, такъ что въ собраніяхъ пахнетъ имъ сильнѣе, чѣмъ духами.

Въ Якутскѣ есть клубъ и въ немъ театръ, гдѣ служащая и торгующая молодежь играетъ комедіи. Образованіе юношества имѣетъ своихъ представителей въ трехъ училищахъ: духовномъ, гражданскомъ и казачьемъ. Чтеніемъ занимаются весьма немногіе, и Мо-

сковскія Вѣдомости выписываютъ больше дѣловые люди для указовъ.

Что касается до улусныхъ Якутовъ, они живутъ по Ленѣ и притокамъ ея до самаго Ледовитаго Моря, простираясь отъ верховьевъ Вилюя и Оленека, къ западу, почти до истоковъ Маи и Алдана, къ востоку. На сѣверѣ, по всему теченію Яны и по Индигиркѣ, разсѣяны также ихъ юрты.

Зимою Якуты живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ, въ дощатыхъ юртахъ, толсто обмазанныхъ навозомъ съ глиною. На лѣто ставятъ они берестяныя юрты, или урасы, и переносятъ ихъ смотря по удобству для своихъ стадъ. Скотоводство главный ихъ промыселъ, а за тѣмъ уже слѣдуетъ ловля пушнаго звѣря. Овецъ они не держатъ, но богатые имѣютъ до 1,000 штукъ крупнаго скота. Онъ всю зиму ходитъ по лугамъ и, разгребая снѣгъ, питается сухой травою. Лошадей держатъ много для кумыса и для гоньбы. Извозничанье по Охотской дорогѣ доставляетъ имъ около 200,000 рублей въ годъ, но стоитъ и множества лошадей, похищаемыхъ Сибирскою язвой.

Якуты исповѣдуютъ христіанство только по наружности, а въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ своимъ шаманамъ и держатся языческихъ преданій. Кромѣ нѣсколька общихъ божествъ, изъ которыхъ главное Артоёнъ, то есть, чистый господинъ, Якуты имѣютъ особеннаго заступника для каждаго изъ родовъ своихъ, и представляютъ его подъ видомъ какого-нибудь животнаго, котораго тотъ родъ уже не ѣстъ.

Запасшись платьемъ, надежнымъ противъ всякаго холода, и взявъ съ собой сухарей, жареной говядины,

сушеной рыбы, чаю, леденцу, табаку, водки и такъ далѣе, я выѣхалъ изъ Якутска 31 октября въ сопровожденіи казака. У меня было двое саней, и путь по Ленѣ уже совершенно установился; вскорѣ однако жъ своротили мы на берегъ и ѣхали густыми лѣсами. Якуты, у которыхъ мы располагались на станціяхъ, осыпали меня угожденіями, подчивая молокомъ, говядиной и нерѣдко сливками. Лице мое сильно страдало отъ холоднаго вѣтра. Двое сутокъ пробылъ я въ Алданѣ, на берегахъ прекрасной рѣки того же имени. Здѣсь мы взяли лошадей, которыя везли насъ около 250 верстъ далѣе. Я переѣхалъ черезъ Тукуланскія горы, проведши у подножія ихъ ночь подъ открытымъ небомъ. Лошадей развьючили, расѣдлали и привязали къ дереву, такъ чтобъ имъ нельзя было ѣсть. Потомъ Якуты срубили нѣсколько деревьевъ, а мы съ казакомъ лопатами разгребли снѣгъ, глубиною около аршина; устлали очищенное пространство ельникомъ, чтобъ защититься отъ сырости и стужи, развели пребольшой огонь и усѣлись на дорожные мѣшки какъ на стулья. Котелъ мигомъ очутился на огнѣ, и всѣ путевыя непріятности были забыты. По временамъ стужа до того усиливалась, что мы готовы были сунуться въ самый пылъ. Но вообще я провелъ ночь порядочно, хотя иногда и долженъ былъ вставать съ постели и ходить или бѣгать, чтобъ только не отморозить ногъ. Въ теченіе дня термометръ показывалъ отъ 20 до 25 градусовъ.

Нѣсколько дней я почти безпрерывно держался Тукулана, текущаго въ прекрасной долинѣ, гдѣ множество соснъ, лиственницы и ольхи. Теперь надлежало пере-

ѣхать черезъ высокое ущелье, ведущее, такъ сказать, въ сѣверную Сибирь. Взобравшись на высоту, я сидя съѣхалъ внизъ по противоположному скату и, полузамерзшій, попалъ въ родъ постоялой юрты, нарочно выстроенной для укрытія путешественниковъ въ ненастье. Это деревянная изба съ переднею и горницей въ двѣ квадратныя сажени. Отверзтіе въ кровлѣ служитъ окошкомъ. Посереди — чувалъ вровень съ шестью земляными лавками, покрытыми тесомъ и устроенными около комелька. Снаружи все строеніе обвалено снѣгомъ, которымъ покрытъ и верхъ: оттепелей въ дорожную пору бояться нечего. Такое убѣжище чрезвычайно полезно; жаль только, что надобно оставлять дверь отворенною для выпуска дыму.

При всемъ томъ мы провели ночь довольно сносную вмѣстѣ съ другимъ обществомъ, которое ѣхало въ Якутскъ. На другой день мы тронулись съ мѣста въ самую ясную погоду, и сутокъ въ шесть достигли Барыласа, ночуя то въ снѣгу, то въ какой-нибудь необитаемой юртѣ. Эти убѣжища находятся иногда верстахъ въ 40 одно отъ другаго,—разстояніе слишкомъ большое во время зимнихъ непогодъ!

Край, которымъ я проѣзжалъ теперь, можно назвать картиннымъ въ полномъ смыслѣ: дорога идетъ между двухъ высокихъ хребтовъ; долины поросли обильнымъ лѣсомъ, но число деревьевъ примѣтно уменьшается по мѣрѣ приближенія къ вершинамъ горъ, одѣтыхъ корою обледенѣлаго снѣга. Отъ главной долины идетъ безчисленное множество второстепенныхъ удоловъ, и всѣ они поросли огромными деревьями; но, не смотря на красоту и величіе здѣшнихъ видовъ, они печальны и мерт-

венны, потому что на пространствѣ 350 верстъ отъ Алдана до Барыласа рѣшительно нѣтъ ни одного селенія.

Въ Барыласѣ принялъ меня очень хорошо Якутскій князекъ, и спабдилъ запасомъ мороженаго молока, которое покупалъ я въ этомъ видѣ еще въ Иркутскѣ. Дорогою встрѣчалъ я нѣсколько Якутовъ, пѣшихъ и верхомъ; они стрѣляли звѣрей изъ лука. Всѣ они показались мнѣ очень радушными. Въ юртахъ находили мы всегда пріютъ и угощеніе: меня сажали на первое мѣсто, противъ входа, подъ образа.

Переѣздъ отъ Барыласа до Табалакской станціи сдѣлали мы въ шесть сутокъ, и во все это время не переставалъ ни вѣтеръ, ни снѣгъ. И я, и товарищи, и бѣдныя лошади наши страдали ужасно. Термометръ опускался до 30 градусовъ. Мы ѣхали то рѣками, то берегомъ. Въ Табалакѣ живетъ казацкій урядникъ, надзирающій за окрестными Якутами, и, кажется, не совсѣмъ недовольный своимъ положеніемъ. Это мѣсто, окруженное рыбными озерами, довольно населено въ сравненіи съ тѣмъ краемъ, которымъ ѣхалъ я досюда. Дорогою я часто встрѣчалъ ходебщиковъ, которые шли на Анюйскую ярмонку мѣняться съ Чукчами. Въ это время года путь еще болѣе затруднялся множествомъ валежнику отъ сильныхъ осеннихъ вѣтровъ и отъ разлива рѣкъ послѣ дождей. Дряхлыя деревья, пощаженныя зимними непогодами, весною иногда привѣтствуютъ проѣзжаго своимъ паденіемъ, если онъ случайно коснется ихъ вѣтвистыхъ корней.

Далѣе я ѣхалъ чрезъ высокія горы, идущія отъ востока къ сѣверозападу: сопки, стремнины и широкія плоскости смѣнялись на ихъ вершинахъ. Рѣки

Тостахъ и Догдо текутъ между ихъ внизу. Мы должны были часто останавливаться и въ глубокомъ снѣгу расчищать лопатами путь для лошадей, которыя иначе не могли выбраться изъ сугробовъ; въ другой разъ надобно было ихъ развьючивать и тащить за собою кладь. По рѣкамъ приходилось иногда дѣлать на льду зарубки, чтобы лошади могли идти по немъ не скользя. Копыта обвертывали имъ суконными лоскутами, и спутывали ноги веревкою, чтобъ онѣ дѣлали маленькіе шаги и не разъѣзжались въ сторону. Не смотря на всѣ предосторожности, бѣдныя твари часто падали, и жаль было смотрѣть, какъ онѣ страдали. Одну изъ нихъ надобно было покинуть на льду.

Между здѣшнихъ горъ много сланцевыхъ и гранитныхъ. На берегахъ рѣкъ собирается землисто-жирное вещество, называемое *каменнымъ масломъ* и употребляемое Русскими и Тунгусами противъ разныхъ недуговъ, а иногда и въ пищу; но это говорятъ, очень вредно и порождаетъ каменную болѣзнь. Каменное масло течетъ изъ сланцевыхъ утесовъ въ разныхъ краяхъ Сибири: на Уралѣ, въ Енисейскихъ горахъ и въ отрогахъ Становаго хребта, идущихъ по Алдану и Маѣ. Оно цвѣта желтоватаго какъ сливки, и на вкусъ довольно пріятно; въ сухое время отвердѣваетъ на вольномъ воздухѣ, въ сырое — распускается въ жидкость. Его легко узнать по сильному запаху. Лоси и изюбри очень любятъ это масло, и охотники обыкновенно находятъ ихъ множество около горъ, гдѣ оно скопляется.

Въ здѣшнихъ гористыхъ мѣстахъ не всегда легко распознать дорогу: вѣтромъ скоро заметаетъ всѣ слѣды ея

въ глубокихъ снѣгахъ. На вершинахъ не видно было ни малѣйшаго признака зелени, стояло лишь нѣсколько крестовъ, передъ которыми Якуты приносятъ въ жертву волосы лошадей своихъ, въ благодареніе за то, что благополучно достигли этихъ высей. Терпѣливо перенося всѣ трудности, мы наконецъ вышли изъ снѣжной пустыни и быстро спустились по сѣверному скату горъ, откуда видна великолѣпная зимняя картина. Достигнувъ береговъ Чубукалихи и потомъ Галанимы, которая немного значительнѣй, мы ѣхали лѣсистою долиной вплоть до Индигирки и вскорѣ прибыли въ Зашиверскъ.

Зашиверскъ назывался прежде уѣзднымъ городомъ, и теперь это главное мѣсто въ Коммиссарствѣ. Онъ состоитъ изъ десятка разбросанныхъ юртъ или домовъ и одной церкви, стоящихъ на правомъ берегу быстрой рѣки. Горы къ востоку круты и наги: тамъ растетъ только мелкій хвойникъ, и то изрѣдка. Къ сѣверу стѣсняютъ онѣ русло Индигирки верстъ на 60 внизъ по ея теченію, но далѣе оно расширяется и образуетъ сплошную цѣпь озеръ до впаденія рѣки въ Ледовитое Море.

На пространствѣ 400 верстъ отъ Табалака до Зашиверска не видалъ я ни одного обитаемаго жилья: нѣсколько постоялыхъ юртъ разсѣяно по дорогѣ. Рыбы въ Зашиверскѣ множество, и это главная пища тамошнихъ жителей. Въ сосѣдствѣ не растетъ ни одной былинки, и только во стѣ верстъ отсюда находятъ возможность держать лошадей. Съ большимъ трудомъ доставляютъ сюда сѣно, нужное для прокорма двухъ коровъ, которыя только и есть въ Зашивер-

скѣ. Однако жъ я оставался здѣсь три дня, и въ теченіе этого времени не ѣлъ ничего, кромѣ лося, изюбря и сырой рыбы, которая показалась мнѣ очень вкусна. Я взялъ ея цѣлый мѣшокъ съ собой въ дорогу.

На югѣ и юговостокѣ отъ Зашиверска кочуютъ Оленные Тунгусы, самые богатые во всей Сибири. У многихъ есть по тысячѣ и болѣе оленей, у старшинъ отъ пяти до десяти тысячъ, у одного было тысячъ двадцать. Во время лѣтняго зноя Тунгусы угоняютъ многочисленныя стада свои въ безлѣсныя горы, гдѣ укрываются они и отъ жару, и отъ несносныхъ комаровъ, которыхъ въ долинѣ страшное множество.

Я держался береговъ Индигирки до того мѣста, гдѣ горы расходятся одной отраслью на сѣверовостокъ, другою на югозападъ. Первыя идутъ въ направленіи къ Колымѣ, или Ковымѣ, вторыя вдоль по Янѣ; страна, лежащая между ними, совершенная пустыня. Дорогою видѣлъ я ѣзду на собакахъ (Л. V — 1). Передо мною разстилалась низменность, слегка покатая на сѣверъ и усѣянная мелкими озерами, которыя соединяются посредствомъ рѣчекъ, или протокъ. По временамъ я сильно страдалъ отъ холода, особенно въ колѣнахъ. Термометръ часто опускался до 30 градусовъ. Въ шестой день по отбытіи изъ Зашиверска мы наѣхали на жалкую хижину, гдѣ нѣсколько человѣкъ въ изнеможеніи только и ожидали голодной смерти. Увѣщанія наши не остались безъ дѣйствія и немного оживили несчастныхъ; мы напоили ихъ горячимъ чаемъ, и они рѣшились сопутствовать намъ до ближней станціи, гдѣ, по просьбѣ нашей, имъ дали нѣсколько рыбы, хотя запасъ ея былъ и тамъ очень невеликъ.

ГЛАВА XIII.

Арктический полярный кругъ. Средне-Колымскъ. Необычайная стужа. Нижне-Колымскъ. Юкагиры. Анюйский острожекъ. Чукчи. Ярмонка и мѣна.

Черезъ озера и низменные боры я наконецъ достигнулъ высотъ, отдѣляющихъ Зашиверское Коммиссарство отъ Колымскаго. Ѣзда становится чрезвычайно затруднительна отъ глубокихъ снѣговъ и жалкаго состоянія лошадей, которыя безпрестанно вязнутъ. Въ Сартахѣ есть казацкій пикетъ подъ начальствомъ урядника и еще нѣсколько юртъ для Якутовъ, которые рубятъ дрова, косятъ сѣно, ловятъ рыбу и стрѣляютъ дичь на казаковъ, и за то освобождены отъ ясака. Они же сопровождаютъ курьеровъ и другихъ проѣзжихъ, и приводятъ назадъ казенныхъ лошадей. Обязанности эти исполняютъ они и на станціяхъ, содержимыхъ ими отъ Якутска до Средне-Колымска на пространствѣ 1800 верстъ. Сартахъ лежитъ въ низменномъ, болотистомъ краѣ, наполненномъ озерами, но еще довольно лѣсистомъ. Онъ уже нѣсколько сѣвернѣе полярнаго круга, однако жъ, благодаря отраженію, мы видѣли солнце даже 10 декабря.

Подкрѣпивъ силы мясомъ волка и лошади, недавно павшихъ въ отчаянномъ единоборствѣ, мы отправились 14 декабря, и переѣхали рѣку Алазею, текущую въ Ледовитое Море. Страна, ею омываемая, изобильна

рыбою и дичью; малочисленные жители не нуждаются ни въ чемъ необходимомъ. Они дали намъ на дорогу славный запасъ.

Средне-Колымскъ на лѣвомъ берегу Колымы. Это главное мѣсто Комисарства. Въ немъ до двадцати юртъ или домовъ и около сотни жителей. Стужа возрастала по мѣрѣ того, какъ я подавался на сѣверъ: термометръ часто показывалъ болѣе 30 градусовъ. Однажды онъ опустился до 36; я долженъ былъ безпрестанно сходить съ лошади и бѣгать изо всѣхъ силъ, чтобъ не замерзнуть. Впрочемъ надобно замѣтить, что домы въ здѣшнемъ краѣ, и жилые, и необитаемые, выстроены гораздо лучше тѣхъ, какіе я видѣлъ прежде. Отъ Омолона вообще перестаютъ употреблять лошадей, хотя иногда ѣздятъ на нихъ до самыхъ береговъ Ледовитаго Моря. Мнѣ дали здѣсь крытую парту съ упряжью въ тринадцать собакъ и съ вожатымъ. Въ нарту положили медвѣжій мѣхъ, шерстяное одѣяло и подушку, чтобъ дорогой мнѣ можно было спать совершенно укрытому отъ холода. Но, вошедши въ свой экипажъ, я скоро почувствовалъ недостатокъ въ воздухѣ, и не смотря на стужу внѣшней температуры, чтобы не задохнуться, прорѣзалъ въ нартѣ отверстіе своимъ ножемъ и сбросилъ съ себя одѣяло. Собаки бѣжали хорошо, но жестокость мороза вынуждала ихъ останавливаться на каждыхъ четырехъ верстахъ, чтобы перевести дыханіе; сверхъ того я самъ часто вылѣзалъ изъ нарты и шелъ пѣшкомъ, когда неподвижность моего положенія мнѣ надоѣдала. Никогда не страдалъ я такъ отъ стужи. Въ теченіе получаса замерзало у меня лице и раздраже-

ніе кожи достигало высшей степени. Рѣшимость походить, чтобы согрѣться, стоила мнѣ каждый разъ Богъ знаетъ какихъ усилій надъ собою. Иногда мнѣ такъ хотѣлось спать, что мой возничій едва могъ разшевелить меня и вывесть изъ этого опаснаго состоянія. Заботы его обо мнѣ вполнѣ заслуживаютъ мою благодарность.

Проѣхавъ на однѣхъ и тѣхъ же собакахъ 55 верстъ, я остановился ночевать въ юртѣ одного Юкагира. На другой день, хотя стужа еще усилилась, я поспѣлъ къ полудню въ Нижне-Колымскъ. Это было 31 декабря; спиртовые термометры показывали 42 градуса морозу; однакожъ я отморозилъ себѣ только переносицу, оставляя подъ шапкою отверстіе для глазъ.

Въ новый годъ принесли мнѣ въ подарокъ двухъ мерзлыхъ рыбъ, вѣсомъ пуда по три каждая. Спрашиваю, откуда такая внимательность, и мнѣ говорятъ, что жители Нижне-Колымска снабжаютъ меня этимъ необходимымъ запасомъ, котораго я вѣроятно не привезъ съ собою, и котораго теперь трудно достать, потому что пора заготовки миновалась. Въ то же утро прислали мнѣ полный нарядъ изъ оленьихъ шкуръ, медвѣжью кожу для постели и мѣховое одѣяло, опушенное зайчикомъ. Другой еще богатѣйшій приборъ здѣшней одежды подарилъ мнѣ морской офицеръ, баронъ Врангель, который не переставалъ осыпать меня вѣжливостями. Благодаря этому чудесному платью, я ежедневно могъ ходить пѣшкомъ, сколько хотѣлъ, не опасаясь мороза. Разумѣется, что въ сильнѣйшіе холода необходимое условіе при этомъ

безвѣтріе; въ противномъ случаѣ сорокаградусные морозы, которые не разъ навѣщали насъ въ январѣ и въ февралѣ, заставятъ хоть кого сидѣть дома.

Въ этомъ царствѣ стужи и снѣговъ, Нижне-Колымскъ можно назвать большимъ городомъ, потому что въ немъ около 40 юртъ и до 400 жителей. Онъ стоитъ на восточномъ краѣ одного острова Колымы, простирающагося на 25 верстъ въ длину, противъ устья Анюя. Цѣпь холмовъ заслоняетъ его отъ оледеняющихъ вѣтровъ сѣвера. На островѣ растетъ одинъ тальникъ; строевой и дровяной лѣсъ пригоняется изъ Средне-Колымска по рѣкѣ. Лошади, которыхъ иногда оставляютъ здѣсь на нѣсколько дней, питаются мхомъ или вершинками и дресвою кустарника; однако жители находятъ средства содержать кое-какъ пару коровъ, доставая для нихъ сѣно верстъ за 80. Населеніе состоитъ преимущественно изъ казаковъ, потомства первобытныхъ завоевателей, изъ десятка людей торговыхъ и двухъ или трехъ человѣкъ духовнаго званія Всѣ они зимой занимаются отчасти мѣною, охотою и собираніемъ лѣсу для топлива; весною и осенью ловятъ рыбу и преслѣдуютъ птицъ, лѣтомъ строятся. Женщины вышиваютъ съ большимъ искусствомъ платья и другія вещи. Южнѣе, тамъ, гдѣ водится еще рогатый скотъ, онъ всегда на ихъ попеченіи; но можно сказать вообще, что главный промыселъ составляетъ рыбная ловля: ею занимаются и мужчины, и женщины, и взрослые, и дѣти. Рыбы ловится множество, но, къ несчастію, недостатокъ соли мѣшаетъ ее сберегать.

Прежде, пушныхъ звѣрей водилось гораздо больше; теперь много ихъ истреблено и разогнано. Главный

матерьялъ для зимней одежды и драгоценнѣйшіе мѣха доставляются Чукчами.

Нижне-Колымскъ грѣшно назвать мѣстомъ здоровымъ; здѣсь свирѣпствуютъ разныя недуги, между прочимъ накожные и цынга. Говорятъ, будто отъ послѣдней можно избавиться употребленіемъ сырой рыбы зимою. Лѣтомъ, съ прибытіемъ свѣжей рыбы, признаки этой болѣзни начинаютъ ослабѣвать.

Юкагиры, потомки сильнаго прежде Омокскаго народа, живутъ по берегамъ обоихъ Анюевъ, и между Яною, Индигиркой и Колымой до самаго моря; они сопредѣльны съ Якутами, Коряками и Чукчами. Въ образѣ жизни не разнятся отъ Тунгусовъ, а тѣ, что основались на Анюяхъ, почти совершенно обрусѣли. Это прекраснѣйшая порода людей, какую я только видѣлъ въ сѣверной Сибири: они статны, съ лицемъ открытымъ и мужественнымъ; женщины ихъ очень пригожи.

Сами себя называютъ они Адонъ-Доміи и расказываютъ, что предки ихъ, устрашась оспы, жестоко свирѣпствовавшей лѣтъ сто тому назадъ, удалились толпою на острова противъ устья Яны и Индигирки, гдѣ и теперь еще видны слѣды Юкагирскихъ кочевьевъ. Быть можетъ, выходцы эти перешли потомъ на острова, лежащіе ближе къ Америкѣ.

Языкъ ихъ имѣетъ мало сходства съ нарѣчіями окрестныхъ народовъ; въ нѣкоторыхъ словахъ замѣтно сродство съ Самоѣдскими и съ Тунгусскими. Они питаются однимъ мясомъ дикихъ оленей, а для ѣзды держатъ собакъ. Въ маіѣ, дикіе олени гурьбою удаляются изъ лѣсовъ къ Ледовитому Морю, и возвращаются уже осенью

съ новымъ поколѣнiемъ молодыхъ оленятъ. Тутъ стерегутъ ихъ въ рѣкахъ, которыя пересѣкаютъ имъ дорогу; являясь внезапно изъ-за утесовъ, охотники стараются обратить стадо противъ теченiя, и тогда уже бьютъ оленей длинными кольями, такъ что рѣдкому удается ускользнуть. Добыча дикихъ оленей составляетъ единственную заботу Юкагира; остальное время онъ куритъ и играетъ на чемъ-то въ родѣ гудка.

4 Марта я выѣхалъ изъ Нижне-Колымска съ однимъ морскимъ офицеромъ и нѣсколькими торговцами, которыхъ нарты были нагружены табакомъ и желѣзнымъ товаромъ. Погода стояла прекрасная; термометръ показывалъ только 25 градусовъ морозу; однако мы съ великимъ трудомъ пробирались вдоль большого Анюя, потому что снѣгъ лежалъ страшными сугробами. Ночь мы провели въ шалашѣ. На другой день, ѣхали густымъ лиственничнымъ лѣсомъ, и едва не разбились о деревья, спускаясь съ одного косогора во всю прыть. По ту сторону Малаго Анюя, рѣки значительной, быстрой и опасной, равнины, простирающiяся къ востоку отъ Колымы, смѣняются высотами. Тутъ мы увидѣли множество нартъ, ѣдущихъ по одной дорогѣ съ нами; довольныя лица ихъ хозяевъ сiяли надеждою на выгодныя дѣла.

Быстротечность Малаго Анюя препятствуетъ совершенному его замерзанiю, и потому для переѣзда этой рѣки нуженъ надежный проводникъ. На берегахъ есть деревья довольно высокiя по климату, но корни ихъ рѣдко проникаютъ въ землю глубже полуаршина.

8 Марта мы прибыли въ мѣстечко Островное, лежащее на небольшомъ островѣ Анюя, отъ Нижне-

Колымска въ 250 верстахъ. Около маленькаго острожка выстроено отъ 20 до 30 хижинъ, или юртъ. Окрестные холмы довольно высоки и лѣсисты; мало на нихъ травы, но много моху и лишайника. Видъ рѣки очень живописенъ, и вообще Анюйскій острожокъ показался мнѣ самымъ благопріятнымъ мѣстомъ жительства, какое я только видѣлъ послѣ Якутска.

Обитатели береговъ Анюя живутъ однимъ звѣринымъ промысломъ, потому что рыбы здѣсь очень мало. При затруднительности доставленія хлѣбныхъ запасовъ, они нерѣдко терпятъ отъ голода. Лось, дикій олень и каменный баранъ, — вотъ главнѣйшіе источники пропитанія; но и тѣ стали убывать со времени распространенія Русскихъ поселенцевъ Эти люди имѣютъ даръ производить ловлю такъ, какъ будто бъ для нихъ главное не въ добычѣ пищи, а въ истребленіи цѣлой породы животнаго: видно, что это не коренные обитатели, а пришлецы, которые думаютъ не ужиться съ окружающей ихъ природою, а только воспользоваться ею, какъ попало.

Во время ярмонки, которая здѣсь бываетъ, жители выручаютъ кое-что мѣновой торговлею на свой счетъ или въ качествѣ прикащиковъ иногородныхъ торговцевъ.

Вмѣстѣ съ морскимъ офицеромъ остановились мы въ маленькой Юкагирской юртѣ, и вскорѣ удостоились посѣщенія одного Чукчи, весьма незначащей, но свирѣпой наружности. Онъ вошелъ къ намъ въ избу, сѣлъ на стулъ, не смотря на насъ и не обращая никакого вниманія, покурилъ свою трубку и вышелъ.

По пріѣздѣ казеннаго комисара открылась ярмонка. Въ то же утро двое Чукотскихъ старшинъ пріѣхали съ большимъ парадомъ, разодѣвшись и въ красивыхъ саняхъ, запряженныхъ парою оленей. Свита ихъ состояла паръ изъ тридцати этихъ животныхъ. Въ большомъ анбарѣ, куда принесли налой и нѣсколько образовъ, священникъ окрестилъ Чукочъ съ женами и тремя дѣтьми. Надѣвъ на нихъ кресты, священникъ тщетно старался научить неофитовъ правильно произносить ихъ христіанскія имена. По окончаніи обряда, дали имъ нѣсколько табаку, какъ обыкновенно водится для склоненія и другихъ къ перемѣнѣ вѣры. Но изъ этого родится злоупотребленіе: Чукчи, прельщенные табакомъ, приходятъ креститься раза по два и по три, такъ что въ новѣйшее время добрые Иркутскіе жители, при всей ревности своей по вѣрѣ, уже не такъ охотно жертвуютъ табакомъ для этихъ ненадежныхъ обращеній.

Поѣздъ, къ которому присоединились другіе Чукотскіе старшины, или тоіоны, отправился потомъ къ комисару, куда и я послѣдовалъ за ними съ моимъ товарищемъ. Комисаръ объявилъ по обыкновенію, что онъ не откроетъ ярмонки до тѣхъ поръ, пока не внесутъ пошлины, и въ то жъ мгновеніе главные Чукчи положили къ ногамъ его по красной лисѣ. Имена дателей и цѣна мѣховъ записывались въ шнуровую книгу. Послѣ этого комисаръ украсилъ двухъ старшинъ медалями и кортиками, прочитавъ имъ предписаніе Иркутскаго губернатора о томъ, что Государю Императору угодно было наградить ихъ этими

знаками отличія. Получивъ благословеніе отъ священника, добряки удалились съ самодовольствомъ на лицѣ.

Я говорилъ комисару о желаніи своемъ проѣхать черезъ землю Чукочъ вплоть до Берингова пролива и тамъ переправиться въ Америку. Въ слѣдствіе этого толмачъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «Государь нашъ, извѣстившись, что около здѣшнихъ береговъ появились два иностранныя судна, желаетъ узнать объ нихъ подробнѣе. Поэтому, снисходя на собственную просьбу вашу, онъ прислалъ двухъ переводчиковъ, одинъ говоритъ по вашему и по Русски, другой знаетъ языки большей части морскихъ народовъ.» Это касалось до меня.—«Прошу васъ, именемъ Великаго Государя, беречь ихъ и уважать, особенно этого (тутъ онъ указалъ на мою особу): онъ одинъ изъ главныхъ переводчиковъ у Тійкъ-Арема.» (Тійкъ-Аремъ великій начальникъ: такъ называютъ они Государя).

Эта рѣчь внушала мнѣ большія надежды, но только она кончилась, какъ одинъ изъ первыхъ Чукочъ всталъ съ мѣста и отвѣчалъ: «Мнѣ не нужно переводчика, я не приму ни одного.»

Лаконизмъ его отвѣта привелъ насъ въ замѣшательство. Вслѣдъ за тѣмъ сталъ говорить одинъ хитрый старикъ, именемъ Качирга. «Въ такомъ важномъ случаѣ не совѣтуются съ мальчишками и съ дѣвчонками: я старшина, и не просилъ переводчика, а вздумалось это одному изъ племянниковъ моихъ.» Тутъ началъ онъ распространяться о неприличіи слушать въ подобныхъ дѣлахъ безразсудную молодежь.

Я не могъ не согласиться съ нимъ внутренно, и началъ самъ подозрѣвать, что все это одна выдумка и что Чукчи не воображали просить толмачей.

Имъ возразили однако жъ, что двѣ нарты для нихъ дѣло не важное и что имъ все-таки должно принять насъ, такъ какъ мы уже присланы Государемъ и не смѣемъ возвратиться, не исполнивъ его повелѣнія. Чукчи опять посовѣтовались между собою и объявили: « Если бъ самому Великому Государю угодно было послать двухъ переводчиковъ въ Берингов проливъ, онъ вѣрно бы не отрекся заплатить за проѣздъ ихъ.» На вопросъ о цѣнѣ, они отвѣчали, что согласны взять 50 мѣшковъ табаку, что составитъ около 120 пудовъ на вѣсъ.

Надлежало отказаться отъ своего намѣренья. Уступчивости нельзя было ожидать отъ Чукочъ тѣмъ болѣе, что въ нихъ родилось подозрѣніе на мой счетъ. « Сомнѣваюсь, замѣтилъ одинъ изъ нихъ очень дѣльно, чтобы это былъ толмачъ Тійкъ-Арема; я видѣлъ, переводчикъ толкуетъ отвѣты наши морскому офицеру, а тотъ уже передаетъ ихъ этому человѣку на иномъ языкѣ. »

Все это было истинно, какъ нельзя больше. «И что намъ въ немъ, говорили они далѣе, когда онъ не знаетѣ ни по - нашему, ни по - Русски.» Плуты доконали меня этимъ возраженіемъ. Отказъ ихъ должно приписать не столько боязни и недоброжелательству, сколько разсчетливой корысти.

На другой день я былъ у нихъ въ таборѣ, верстахъ въ трехъ отъ острога. Онъ состоялъ изъ шести юртъ: трехъ большихъ и трехъ малыхъ. Первыя на-

значены для простолюдиновъ, вторыя для старшинъ и знатныхъ лицъ. Простонародныя ужасно грязны и вонючи; старшинскія весьма чисты, порядочно убраны и теплы, не смотря на то, что въ нихъ не было огня при 35 градусахъ мороза. Я чуть не задыхался въ этихъ парникахъ, ограниченныхъ восемью футами въ длину, пятью въ ширину и тремя въ вышину. Въ нихъ лежало по три и по четыре человѣка на оленьихъ шкурахъ; одѣяла опушены бѣлой лисицею. Самыя юрты дѣлаются изъ старыхъ кожъ, сложенныхъ вдвое такимъ образомъ, что шерсть выходитъ на лице внутри жилья и снаружи. Жирникъ, большая лампада, наполненная китовьимъ жиромъ, освѣщаетъ и грѣетъ ихъ, какъ солнце домашнее. Вошедши вмѣстѣ съ морскимъ офицеромъ въ одну изъ этихъ юртъ, я засталъ въ ней старшину и жену его съ дочерью, лѣтъ девяти, совершенно нагими; но они, кажется, вовсе не стыдились нашего присутствія; велѣли дочери изготовить намъ оленины, и она, не одѣвшись, сдѣлала это на огнѣ, разложенномъ подлѣ самой юрты. Черезъ четверть часа подали кушанье, еще полусырое; мы поѣли его изъ вѣжливости, и должны были сократить свое посѣщеніе, задыхаясь отъ жару и вони. Тоіону было это не по сердцу; онъ приписывалъ нашъ поступокъ вчерашнему отказу своему дать мнѣ пропускъ въ Чукотскую землю.

Домашняя утварь Чукочъ состоитъ изъ котла, ножа, деревянныхъ чашекъ, блюдъ и ложекъ, топора и кремня съ огнивомъ. Оленей правятъ они хорошими ременными вожжами, и щадятъ какъ ихъ, такъ и собакъ: въ дальнихъ странствіяхъ только женщины и

дѣти садятся въ сани; мужчины, по большей части, идутъ пѣшкомъ.

По возвращеніи нашемъ въ острогъ, куда отвезли насъ въ красивой нартѣ, запряженной парою оленей, комисаръ приступилъ къ открытію ярмонки, объяснивъ изустно правила, и отвѣтственность за нарушеніе ихъ. Между тѣмъ Чукчи заранѣе провѣдали черезъ подосланцевъ, сколько привезено табаку, чтобы смотря потому назначить своимъ товарамъ цѣну, которой они держатся крѣпче, нежели Русскіе своей.

Ярмонка происходитъ на берегахъ Анюя противъ крѣпости. Чукчи съ позаранку располагаются полукружіемъ, вывѣшиваютъ на нартахъ свои мѣха и не трогаются съ мѣста. Русскіе складываютъ тюки табаку среди полукружія и спрашиваютъ черезъ толмача о цѣнѣ разсматриваемыхъ товаровъ. Всѣ хлопоты на ихъ сторонѣ: они въ теченіе нѣсколькихъ часовъ должны таскать за собой пудъ по пяти папушнику, или носить въ рукахъ и на спинѣ разныя вещи, покамѣстъ сладятъ какой-нибудь торгъ. Мелочи охотно отдаютъ они за свѣжее мясо: тогда былъ на него большой спросъ.

Въ первый и во второй день нельзя продавать табакъ дешевле положеннаго между купцами: за нарушеніе этого условія конфискуютъ товаръ и торговецъ лишается права продажи. Запрещено также смачивать табакъ и подкладывать въ него камни или другія тяжести для увеличенія вѣса.

Русскіе назначили по двадцати куницъ и по пятнадцати красныхъ лисъ, или огневокъ, за пакъ табаку

въ два съ половиной пуда; Чукчи къ куньимъ мѣхамъ придавали только по десяти огневокъ.

Въ первой день мало сладилось торговъ. Чукчи предлагали за дешевую цѣну мѣха тяжеловѣсные: медвѣжьи, волчьи, оленьи, и сверхъ того моржовій зубъ; но Русскіе не хотѣли покупать ихъ, потому что провозъ такой клади дорого обходится. Чукчи держались крѣпко, и двое Русскихъ, уличенные въ уступкѣ товара ниже назначенной цѣны, были взяты подъ стражу.

На другой день было болѣе дѣятельности, и торгъ шелъ живѣе. Русскіе согласились на двѣнадцать лисицъ и одиннадцать огневокъ, и нѣкоторые Чукчи воспользовались уступкою; но всего выгоднѣе былъ для нихъ третій день, потому что началась вольная продажа. Всѣ бросились на обмѣнъ, отъ комисара до послѣдняго работника, и каждый старался выставить одно свое, коря по мѣрѣ силъ товаръ сосѣда. Нѣсколько ссоръ завязалось изъ этого: я только смотрѣлъ и удивлялся.

Ярмонка продолжалась на этотъ разъ ровно недѣлю, то есть три дня долѣе обыкновеннаго. На пятый появилась водка, и обаятельная сила ея скоро заставила Чукочъ показать нѣсколько черныхъ и чернобурыхъ лисицъ; но они просили за нихъ такую цѣну, что не сбыли почти ни одной. Въ числѣ товаровъ, къ произведеніямъ Чукотскаго края принадлежали только сотни четыре моржевыхъ зубовъ, нѣсколько медвѣдей, платье изъ оленьей кожи и мерзлое мясо. Другіе мѣха, какъ напримѣръ нѣсколько тысячъ лисицъ черныхъ, чернобурыхъ, сивыхъ, красныхъ и бѣлыхъ, куницъ, бобровъ, выдръ, медвѣдей, волковъ, тюленей

и моржей получены ими отъ Американскихъ сосѣдей, которыхъ они называютъ Энкарнгауле. Двое такихъ Энкарнгауле были на ярмонкѣ. Тутъ же видѣли мы разныя, мѣховыя одежды, и изображенія животныхъ, точеныя изъ моржовыхъ зубовъ.

Русскіе кромѣ табаку продавали котлы, ножи, пики, иглы, колокольчики, ножницы, курительныя трубки, топоры, ложки, коральки и другія украшенія, китайку и дабу. Цѣнность этихъ товаровъ простиралась до 180,000 рублей; Чукотскихъ полагали примѣрно на 160,000. Въ этотъ годъ, считавшійся вообще хорошимъ, на ярмонкѣ было 250 нартъ и болѣе 500 оленей, 68 мужчинъ, 60 женщинъ и 67 дѣтей. Каждый олень поднимаетъ три или четыре пуда клади. Тѣ, на которыхъ пріѣзжаютъ на ярмонку, идутъ обратно не далѣе береговъ Чауны, гдѣ смѣняются они другими, которыхъ пригоняютъ отъ губы св. Лаврентія. Этотъ путь, около 800 верстъ, совершаютъ они въ два, въ три мѣсяца.

На ярмонкѣ было трое Чукотскихъ старшинъ. Одинъ отъ Оленныхъ Чукочъ, живущихъ по берегамъ Чауны, Пакли и Хвата до Шелагскаго носа; другой отъ Бѣломорскихъ, которые обитаютъ между Сѣвернымъ мысомъ и Кулючинской губой, и третій отъ Чукочъ Сидячихъ, разсѣянныхъ между Восточнымъ мысомъ и губой св. Лаврентія. Но есть и четвертый старшина, который управляетъ Чукчами Анадырскими.

Оленные Чукчи сами себя называютъ Чоукчу, осѣдлые — Намолло. Эти два племени такъ несходны между собою по образу жизни, языку и отчасти по самому виду, что ихъ отнюдь не должно смѣшивать, ис-

кушаясь общимъ именемъ Чукочъ, которое придано имъ Русскими. Оленные выше ростомъ, и лица у нихъ продолговатѣе; языкъ почти тотъ же, что у Коряковъ, съ которыми они составляютъ, кажется, одинъ народъ. Они круглый годъ живутъ въ юртахъ изъ выдѣланныхъ оленьихъ кожъ, или ровдугъ, и кочуютъ съ стадами своихъ оленей.

Бѣломорскіе Чукчи, впрочемъ сходные съ Чаунскими, почти вовсе не держатъ оленей, а занимаются рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ, между прочимъ и ловлею китовъ, убивая ихъ въ одной Кулючинской губѣ до пятидесяти и болѣе ежегодно.

Осѣдлые Чукчи, или Намоллы, говорятъ нарѣчіемъ близкимъ къ Эскимосскому и вообще сходствуютъ съ этимъ Американскимъ народомъ. Зиму проводятъ они въ землянкахъ, а лѣто въ юртахъ изъ лахтаковъ, или тюленьихъ и моржевыхъ шкуръ. Лѣтомъ бьютъ тюленей, зимою моржей, которыхъ заноситъ къ нимъ на льдинахъ. Мясомъ ихъ они кормятся, шкуры выдѣлываютъ для себя и на продажу. Моржевій зубъ составляетъ главную вывозную статью.

Намоллы, сидящіе около губы св. Лаврентія и по Анадырю, живутъ получше, промышляя дикихъ оленей и немного рыбы, которую ловятъ кошелями изъ китовыхъ усовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бываетъ у нихъ множество пролетныхъ птицъ, но они предпочитаютъ имъ китовье и нерпячье мясо. Они употребляютъ собакъ не только для зимней ѣзды, но и лѣтомъ для бечеванія байдарокъ.

Женщины исправляютъ у нихъ, какъ и у другихъ полудикихъ племенъ, всѣ тяжкія домашнія работы, но

пользуются притомъ нѣкоторымъ уваженіемъ, чему причиною вѣроятно одноженство, поддерживаемое бѣдностью, хотя обычай и не запрещаетъ Чукчамъ имѣть по нѣскольку женъ. Быть можетъ, и сами жены содѣйствуютъ къ тому своей любезностью, потому что разводъ совершенно зависитъ отъ воли мужей. Покупая женъ, они разсчетливы при этомъ до такой степени, что берутъ иногда маленькую дѣвочку за безцѣнокъ, и терпѣливо ожидаютъ, пока она подростетъ. Вотъ что называется и дешево, и мило.

Подобно прочимъ народамъ восточной Сибири, Чукчи вѣрятъ врачебному и заклинательному искусству своихъ шамановъ; но каждый можетъ приносить жертву и безъ ихъ помощи: Оленные закалываютъ при этомъ оленей, Намоллы — собакъ.

Оленные Чукчи, прикочевывая подъ весну къ Намолламъ, остаются тутъ до осени и во все это время производятъ съ ними мѣну, доставляя имъ, кромѣ оленей и оленьихъ шкуръ, табакъ и разныя Русскія издѣлія, и получая за то моржевьи и тюленьи кожи, моржевій зубъ и китовій жиръ. Начало зимы посвящаютъ они звѣринымъ промысламъ, а потомъ идутъ торговать съ Русскими на Колымской, или Анюйской, Ижигинской и Анадырской ярмонкахъ

Чукчи вообще средняго роста, но обширная одежда придаетъ имъ наружность исполинскую (Л. V — 2). Кожа у нихъ довольно бѣла, физіономія не выразительна, хотя и мужественна. Они грубы и свирѣпы только на видъ, здоровы тѣлосложеніемъ и очень живы. Хотя они тянутъ водку вслѣдъ за православными, я не замѣтилъ въ нихъ особенной страсти къ пьян-

ству: по-крайней-мѣрѣ за одну водку они не отдавали мѣховъ, хотя пили ее съ удовольствіемъ и торговали предпочтительно съ тѣми, кто имъ подносилъ. Чукчи похожи на напуганныхъ дѣтей, но робость ихъ уступаетъ малѣйшей ласкѣ. Они честны, гостепріимны и добродушны какъ нельзя болѣе, при этомъ смѣтливы, ловки и умны. Въ одеждѣ, оружіи, нартахъ и упряжи замѣтно у нихъ стремленіе къ нѣкотораго рода симметріи.

Пищу варятъ они когда есть у нихъ дрова, а это рѣдко бываетъ зимою. Иногда замѣняютъ они тальникъ китовымъ усомъ, но по большей части ѣдятъ мясо сырьемъ, и оттого лице у нихъ нерѣдко выпачкано кровью. Сближаясь съ Русскими, пьютъ чай, и любятъ сахаръ до чрезвычайности. Что касается до табаку, они его не только курятъ и нюхаютъ, но жуютъ и ѣдятъ. Я видалъ, что девятилѣтніе мальчики и дѣвочки набиваютъ себѣ ротъ табакомъ не плюнувъ ни разу; дайте имъ въ это время кусокъ мясца, они проглотятъ его вмѣстѣ съ зельемъ. Для сбереженія этого сокровища, Чукчи выдалбливаютъ изъ дерева претолстые чубуки, и пустоту ихъ наполняютъ стружками, которыя, напитавшись табачнымъ сокомъ, употребляются вмѣсто табаку.

ГЛАВА XIV.

Средне-Колымскъ. Верхне-Колымскъ. Заклинанія шамана. Нечаянное снабженіе съѣстными припасами. Пустыня. Омеконь. Якуты. Охота. Рукоръ. Охотскъ.

Въ двое сутокъ воротились мы съ береговъ Анюя въ Нижне-Колымскъ. Я выѣхалъ оттуда 27 марта на тринадцати собакахъ, въ сопровожденіи Якута и казака. Въ первые дни моего путешествія температура была очень непостоянна. Рано утромъ бывало до 15 градусовъ морозу, въ полдень почти столько же градусовъ тепла, а къ вечеру опять градусовъ десять холоду. Передъ разсвѣтомъ стужа была особенно жестока, и я страдалъ отъ нея больше, чѣмъ въ другое время при 40 градусахъ. Это оттого, что въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля господствуютъ здѣсь густые туманы, проницающіе все тѣло невыразимымъ холодомъ.

Воротясь въ Средне-Колымскъ тою же дорогой, какою прежде ѣхалъ оттуда къ сѣверу, въ дальнѣйшемъ пути на югъ я выбралъ совсѣмъ другую: теперь везли меня не собаки, а лошади. Я держался береговъ Колымы, покрытыхъ лѣтовьями для рыбнаго промысла. Край этотъ низменный и пустынный; вы видите одни малорослыя деревья. Далѣе начинаются прекрасные луга, изрѣзанные озерами. Тутъ живетъ много Якутовъ, и я ночевалъ у ихъ князьковъ, какъ старый другъ.

Въ Верхне-Колымскѣ позабавилъ меня своими фокусами шаманъ, призванный къ больному Якуту. На немъ по обыкновенію было полукафтанье изъ ровдугъ, или выдѣланныхъ оленьихъ кожъ, со множествомъ ремешковъ и желѣзныхъ бляшекъ, величиною и видомъ какъ клинокъ большаго перочиннаго ножика. Шапочка, перчатки и сапоги его были украшены шитьемъ. Онъ сначала выкурилъ трубку, потомъ взялъ свой бубенъ и пестикъ, которымъ въ него бьютъ, или *болуяхъ*, сѣлъ скрестивши ноги и затянулъ жалобную пѣсню, акомпанируя себѣ бубномъ. Кончивъ свой заклинательный гимнъ, онъ началъ скакать и прыгать, крича, визжа и коверкаясь такъ страшно, что я счелъ его помѣшаннымъ. Вдругъ онъ выхватилъ ножъ и точно какъ вонзилъ его себѣ въ тѣло. Видя это, невольно испугаешься. Вскорѣ онъ вынулъ его безъ малѣйшаго кровотеченія, и объявилъ, что злой духъ умилостивится, если въ честь ему зарѣжутъ тучную кобылицу; послѣ этого всѣ присутствовавшіе разошлись, получивъ приглашеніе пожаловать завтра на кобылятину.

Вонзеніе ножа самый обыкновенный фокусъ всѣхъ шамановъ и совершается ими съ удивительной ловкостью, но такъ же искусно дѣлаютъ они иногда и другія штуки. Вотъ что разсказываетъ извѣстный Русскій мореплаватель, Г. Литке, объ одномъ Чукотскомъ шаманѣ: «Сбросивъ съ себя кухлянку (родъ полушубка съ капоромъ), обнажился онъ до пояса, взялъ гладкій камень, пошепталъ надъ нимъ, и далъ его мнѣ въ руку подержать; потомъ, взявъ его между двухъ ладоней, повелъ одною въ верхъ другой руки, и камень исчезъ. Онъ показывалъ желвакъ подъ локтемъ,

гдѣ будто бы камень остановился. Желвакъ этотъ перевелъ онъ въ бокъ, и вырѣзавъ отуда камень, объявилъ, что все будетъ благополучно. Чистота его фокуса не сдѣлала бы безчестія самому Боско или Пинетти. Похваляя его искусство, мы подарили ему ножикъ. Принявъ его, онъ сказалъ, что хочетъ испытать его остроту, вытянулъ свой языкъ и сталъ его рѣзать. Мы видѣли, какъ ротъ его наполнялся кровью. Наконецъ, отрѣзавъ языкъ, онъ показалъ намъ его въ рукѣ,—но тутъ занавѣсъ опустился, пототу что кусокъ мяса не такъ легко было спрятать какъ камень.»

Эти, нерѣдко очень грубые, обманщики, имѣютъ надъ невѣжественною толпой большую власть. Не только Якуты, но и Русскіе вѣрятъ ихъ кудесничеству. Какъ бы въ опроверженіе поговорки «никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ»—они никогда не удаляются изъ своей округи; излечиваютъ больныхъ, перемѣняютъ погоду, доставляютъ счастіе въ звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ; наконецъ возращаютъ потерянныя или краденныя вещи.

Верхне-Колымскъ мѣсто по здѣшнему немаловажное: въ немъ болѣе пятнадцати домовъ и около 200 жителей. Окрестности его наги, но къ югу уже простираются прекрасные лѣса. Оно на лѣвомъ берегу Ясашной, недалеко отъ втока ея въ Колыму, и почитается однимъ изъ самыхъ холодныхъ мѣстъ въ Сибири, хотя лежитъ не далѣе 66 градуса широты: термометръ опускается здѣсь до 43 градусовъ ниже точки замерзанія.

Съ береговъ Колымы перенесся я въ совершенно пустынный край. Мѣстами ѣхали мы по снѣгу, а гдѣ

онъ растаялъ, по водѣ: была страшная распутица. Достигнувъ Зырянки, мы держались береговъ ея. Голуби и зайцы усилили нашъ съѣстной запасъ. За однимъ тѣснымъ ущельемъ текутъ двѣ рѣчки, которыя, впадая въ Зырянку одной трубою, составляютъ быстрый потокъ, едва удерживаемый льдомъ: переѣхать его стоило намъ большихъ затрудненій. Путешественникъ находитъ здѣсь въ безпріютныхъ пустыняхъ вѣрное средство поддержать свое существованіе: это куропатки и зайцы, попавшіеся въ Якутскіе и Тунгусскіе силки. Воспользоваться этой дичью не считается нарушеніемъ правъ собственности: должно только настарожить опять силокъ.

У меня и у ямщика моего болѣли глаза, а казакъ страдалъ отъ обжорства. Въ полдень было градусовъ двадцать тепла; снѣгъ таялъ на поверхности, а ночью замерзалъ снова. Бѣдныя измученныя лошади едва могли идти. Однажды вечеромъ мы остановились въ одной ложбинѣ такой безплодной, печальной и пустой, что я нигдѣ подобной не видывалъ: ни травы, ни моху, ни кустарника, даже ни одного сучка, занесеннаго водою или случайно. Мы спустились къ берегамъ Зырянки, не имѣя при себѣ ничего, кромѣ мерзлой конины и немнога сухарей. Водка у насъ тоже вся вышла. Товарищи мои были въ такомъ жалкомъ состояніи, что надобно было ссадить ихъ съ лошадей и приготовить все необходимое для ночлега.

Черезъ цѣпь довольно крутыхъ уваловъ проѣхали мы въ живописную Балыктахскую долину, получившую свое названіе отъ озера и рѣки, которыми она орошается, или точнѣе отъ *красной рыбы*, ловимой

въ озерѣ. На берегахъ его нашли мы двѣ бѣдныя юрты, и въ одной изъ нихъ прожили пять сутокъ. Здѣсь я долженъ былъ оставить казака и продолжать путешествіе съ Якутомъ, который по великорослости былъ рѣдкимъ явленіемъ среди своихъ невысокихъ земляковъ.

Куракскія горы называются такъ отъ стремительнаго потока, омывающаго ихъ подножіе. Мы переѣхали его съ большимъ трудомъ, потому что ледъ, при 17 градусахъ тепла, быстро таялъ. Далѣе луга были наводнены, рѣки въ разливѣ, а бока крутыхъ и высокихъ горъ одѣты оледенѣлыми снѣгами. Мы только что успѣли скатиться въ глубокую падь, какъ догналъ насъ оправившійся казакъ, и предостерегъ вовремя, что мы заблудились. Жутко намъ было ночью безъ огня. На другой день не представлялось инаго средства взобраться опять на скользкую гору, кромѣ того, чтобъ вырубить во льду ступеньки. Достигнувъ вершины, мы съ казакомъ связали всѣ свои ремни, встащили этой бечевой кладь, оставленную въ низу съ Якутомъ, и потомъ спустили ее по ледяному скату на другую сторону. Лошади, измученныя усталостью и двухдневнымъ голодомъ, не могли дойти далѣе половины взгорья. А между тѣмъ прожорливый Якутъ, безъ малѣйшаго соучастія къ нашему горю, только жаловался и ворчалъ на то, что за такую трудную работу получаетъ мяса не болѣе полупуда въ день! Такой аппетитъ можетъ казаться невѣроятнымъ, но въ подтвержденіе словъ моихъ я только напомню читателямъ о другомъ Якутѣ, которому Сарычевъ поставилъ для опыта двадцать восемь

фунтовъ густой соломаты съ масломъ, и тотъ, уже позавтракавши, оплелъ ее за одинъ присѣстъ.

Эта ночь была еще ужаснѣе предшествующей; рѣшительно не начемъ было лечь, нечѣмъ укрыться. Два дня бились мы съ лошадьми, чтобы взвести ихъ на вершину горъ и спустить на другую сторону, гдѣ могли онѣ найдти корму. Одну, которая была послабѣе, мы убили, и сберегли мясо для ѣды. Часть его зарыли мы въ снѣгъ про запасъ Якуту, когда онъ поѣдетъ въ обратный путь.

Такъ пропало у насъ три дня неоцѣнимыхъ. Время стояло еще холодное. Какъ отрадно было погрѣться, спустившись съ горъ! На другой день я направилъ путь по компасу, потому что самъ вожатый нашъ сталъ въ тупикъ. Мы проѣхали множество уваловъ, гдѣ лежалъ еще глубокій снѣгъ. У насъ пали двѣ лошади, и мы всѣ были вынуждены идти пѣшкомъ. Переправа черезъ Курдатъ была легкая; только дождь засталъ насъ вечеромъ на берегахъ этой рѣчки, первый дождь съ сентября мѣсяца. Мы пробирались кое-какъ лѣсомъ и лугами, но издохла ещѐ одна лошадь, и намъ пришлось подѣлить часть клади между собой. Всѣ рѣчки, чрезъ которыя мы здѣсь переходили, текутъ въ Индигирку, и всѣ очень быстры, хотя и незначительной величины.

Край постепенно дѣлался пріятнымъ и открытымъ; погода была ясная. Двое сутокъ пробыли мы на прекрасномъ лугу для откорма лошадей. Безчисленныя стада гусей, утокъ, куропатокъ и куликовъ пролетали у насъ надъ головами, и вскорѣ мы стали замѣчать слѣды медвѣдей, волковъ, оленей, зайцевъ и иногда лосей. Наконецъ, употребивъ необыкновенное

усиліе, мы достигли въ послѣдній вечеръ до перваго жилья въ Омеконьскомъ округѣ. Надлежало пройдти, или лучше проплыть, верстъ сорокъ пять; я говорю проплыть, потому что безпрестанно приходилось намъ переправляться черезъ быстрыя рѣки въ бродъ и даже въ плавь. Я обыкновенно прикрѣплялся веревкой къ шеѣ лошади, и такимъ образомъ благополучно переѣхалъ Неру. Юрта Якутскаго князька, или старшины, гдѣ насъ пріютили, показалась мнѣ самою гостепріимною и красивою изъ всѣхъ, какія я видѣлъ. Я досталъ здѣсь пару свѣжихъ лошадей подъ вьюки; пять остальныхъ вели мы за собой, а сами шли пѣшіе.

Я оставилъ въ улусѣ моего вожатаго, и не успѣлъ даже отдохнуть порядочно, потому что рѣки готовы были вскрыться и могли запереть меня на нѣсколько мѣсяцъ въ этой глуши. Судите, какъ я долженъ былъ торопиться, чтобъ избѣжать подобнаго заточенія! Я спѣшилъ Богъ знаетъ какъ и почувствовалъ себя блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ, когда по временамъ сталъ усматривать на отдаленномъ небосклонѣ привѣтный дымъ человѣческихъ жилищъ: на пространствѣ четырехъ сотъ верстъ не видалъ я ничего подобнаго; начиная отъ Балыктахскаго озера, я не повстрѣчалъ ни одной живой души. Теперь мы какъ будто воскресли, ободрились; казакъ мой подкрѣпилъ силы кускомъ говядины, которымъ угостили его въ первой юртѣ. Что касается до меня, я доѣдалъ старую конину, чтобы пристыдить своего товарища и показать ему, чѣмъ можно довольствоваться въ случаѣ нужды. Такъ вытерпѣлъ я цѣлую недѣлю и право никогда не чувствовалъ себя здоровѣе. Мы держались береговъ Неры

и Индигирки, окруженные такой же печальной и безплодной стороной, какъ прибережье послѣдней рѣки у Зашиверска. На другой день я опять остановился у одного Якутскаго князька, который подарилъ мнѣ половину оленя и угощалъ чаемъ и молокомъ. Въ ту пору это было для меня сущимъ наслажденіемъ. Сверхъ того онъ навязалъ мнѣ двѣ красныя лисы; я получилъ ихъ изъ рукъ довольно пригожей молодой Якутки, которой отецъ съ двумя земляками своими отправился на другой день вмѣстѣ со мной. Эти люди заслуживали свой почетный титулъ: они были такъ добры, такъ радушны, такъ смѣтливы въ своихъ услугахъ.

Я ѣхалъ теперь не безплодными увалами и топями, а лѣсистыми холмами, которые какъ зеленыя волны поднимались на прекрасныхъ лугахъ. Видъ нѣсколька дымящихся юртъ неизъяснимо меня обрадовалъ: я почувствовалъ цѣну жизни и нигдѣ не наслаждался ею такъ упоительно, какъ въ гостепріимномъ жилищѣ Омеконьскаго князька. Нечего говорить, съ какимъ удовольствіемъ разлегся я на постели изъ оленьихъ шкуръ, проведши пятнадцать ночей на снѣжномъ ложѣ, которое иногда таяло подо мною отъ моей собственной теплоты.

Омсконьская долина красива и плодоносна. Въ округѣ считается до 500 жителей, кочующихъ смотря по удобству для своихъ многочисленныхъ стадъ. Большіе, прекрасные лѣса состоятъ изъ березника, ели, литвянницы и кедра. Шишки кедровыя идутъ отсюда въ Камчатку и въ Охотскъ.

Здѣсь пасется по-крайней-мѣрѣ три тысячи кобылицъ и почти столько же коровъ, принадлежащихъ немногимъ богатымъ Якутамъ. Потребленіе лошадей

особенно велико: казна забираетъ ихъ отсюда для Охотска и сѣверныхъ округовъ Но Якуты такъ любятъ коней своихъ, что охотно уступятъ пару молодыхъ быковъ, лишь бы избѣгнуть продажи одной лошади; даже въ случаѣ ямской повинности, достаточный нанимаетъ за себя другаго, давая ему по бычку за лошадь. Подставной ямщикъ имѣетъ въ виду одну выгоду — удовлетвореніе прожорства: онъ тотчасъ убиваетъ бычка и наслаждается его мясомъ, а бѣдный конь его отвѣчай потомъ за этотъ лакомый кусокъ. Рѣдко, достаточный Якутъ употребляетъ въ дѣло свою лошадь: она не знаетъ ни клади, ни сѣдока; ее держатъ больше на показъ и для приплоду, а разгонныя лошади есть только у бѣдняковъ.

Я пробылъ три дня въ Омекони и оставилъ здѣсь казака, замѣнивъ его молодымъ Якутомъ. Четыре князька вызвались намъ сопутствовать.

Мы ѣхали берегомъ; потомъ переправились не безъ опасности черезъ быструю рѣку; но ждать было нечего, потому что таль снѣговъ на ближнихъ горахъ грозила еще большимъ разливомъ. Не далеко отсюда рѣка впадаетъ въ Индигирку. На луговинахъ обоихъ береговъ образовалось множество озеръ; лошади съ трудомъ ихъ переплывали. Нѣкоторыя озера были еще покрыты льдомъ; около нихъ мелькали юрты, откуда лѣтомъ производится богатая рыбная ловля.

Мы выбрались изъ долины цѣпью горъ, и, спустившись къ рѣчкѣ Тарынь-Уряху, остановились въ послѣдней юртѣ Якутской области. Это была избушка на курьихъ ножкахъ, но услужливые жители снабдили меня дичью: драгоцѣнный запасъ!

Южные Якуты выше и сильнѣе сѣверныхъ. Впрочемъ они Турецко-Монгольскаго происхожденія, такъ же какъ и тѣ, и подобно имъ сами себя называютъ Саха, или, во множественномъ, Сахалы. Это народъ промышленный: съ помощью ножа, топора и кремня съ огнивомъ, здѣшній Якутъ добудетъ все, что ему надобно. Топоръ и ножъ дѣлаетъ онъ изъ руды, доставляемой Алданскими горами, близъ Вилюя. Въ одеждѣ Якуты сходствуютъ съ прочими народами сѣверной Сибири. Что касается до ихъ нравственнаго характера, они мстительны, но благодарны, честны, услужливы, терпѣливы, любопытны, смышлены и очень послушны своимъ князькамъ и старшинамъ (Л. VII—4).

Невдалекѣ отъ послѣдней Якутской юрты я повстрѣчалъ стадо оленей, пасомое кочевыми Тунгусами, которыхъ мнѣ давно хотѣлось видѣть. Князекъ ихъ жилъ верстахъ въ пятидесяти далѣе. На другой день я пріѣхалъ къ нему долиною, простиравшеюся на юговостокъ. Посланный отъ тоіона выѣхалъ мнѣ навстрѣчу, а самъ онъ принялъ меня въ богатомъ бархатномъ платьѣ, въ треугольной шляпѣ, при шпагѣ и съ медалями на груди. Онъ былъ нѣкогда богатъ, теперь сталъ бѣденъ; онъ обладалъ десятками тысячь оленей, теперь у него едва ли наберется двѣ тысячи: этотъ полудикарь пожертвовалъ достаткомъ суетному честолюбію. Добровольныя приношенія, и подарки, которыми онъ откупался въ разныхъ случаяхъ, довели тоіона до того что онъ кормится рыбою, а для Оленнаго Тунгуса это послѣдняя крайность. Людей своихъ посылаетъ онъ въ лѣса добывать себѣ содержаніе лукомъ и стрѣлами, и

хотя хвалится примѣрной точностью въ уплатѣ ясака, однако не смѣетъ показаться въ Охотскъ, опасаясь будто-бы притѣсненій.

Онъ обыкновенно говорилъ по Русски. За его любезность ко мнѣ я угощалъ его водкою, до которой онъ большой охотникъ. Послѣ этого мнѣ ни въ чемъ не было отказу. Женѣ его также очень нравился мой напитокъ, и за бутылку его она отдарила меня парою красныхъ лисицъ. Князекъ убилъ оленя нарочно для меня и отдалъ мнѣ его цѣлую половину; я отблагодарилъ за это табакомъ и порохомъ.

Такъ какъ ни одинъ изъ вассаловъ его не зналъ лѣтней дороги черезъ горы, онъ сказалъ мнѣ, что проводитъ меня самъ. Послѣ трехдневнаго отдыха мы отправились. Съ нами было пятьдесятъ оленей: пятнадцать отдалъ тоіонъ въ мое распоряженіе, а прочихъ оставилъ въ запасъ для ѣды и на смѣну усталыхъ. Медленно подавались мы впередъ, потому что погода была дурная и глубокій снѣгъ отмякъ до того, что не сдерживалъ оленей. Многіе изъ нихъ пали отъ усталости. Не было средства переѣхать гòры. Тогда мой князекъ объявилъ мнѣ, что намъ слѣдуетъ вернуться на Омеконь за лошадьми. Причины, побудившія насъ къ возвращенію, казались мнѣ вполнѣ уважительными, и такъ какъ проводникъ мой жаловался на недостатокъ средствъ для провоза моей клади, я увидѣлъ себя вынужденнымъ сжечь бóльшую ея часть. Замѣтивъ, что я приступаю къ такой рѣшительной мѣрѣ, Тунгусъ началъ укорять меня, и спрашивалъ, зачѣмъ я не хочу отдать ему этѣхъ вещей, прибавляя,

что везти какую бы ни было кладь для себя совсѣмъ не то, что хлопотать съ нею для другаго. Я отвѣчалъ, что подарю ему всѣ свои пожитки, если онъ вывезетъ меня на Охотскую дорогу къ 30 маія. Онъ не согласился, а я устоялъ въ томъ, чтобы предать огню все платье и весь постельный приборъ мой, удостовѣрившись, что онъ обманомъ хотѣлъ принудить меня къ предоставленію этой клади въ его пользу. А признаюсь, досадно было пожертвовать всѣмъ гардеробомъ, которымъ я былъ обязанъ щедрости Нижне-Колымскихъ жителей. Видя, что ему не удается ни провести меня, ни отклонить отъ моего намѣренья, Тунгусъ вынялъ образъ Богоматери и святаго, чье имя онъ носилъ, и крича, что я долженъ быть отъявленный еретикъ и нехристь, крестился, оплевывался и неистовствовалъ какъ бѣшеный. Я отвѣчалъ однимъ смѣхомъ и продолжалъ свое всесожженіе. Наконецъ онъ сознался мнѣ самъ, что заранѣе устроилъ все такимъ образомъ, чтобы вынудить меня къ возвращенію на Омеконь. Мы пріѣхали къ нему домой въ восемнадцатый день по отъѣздѣ, переправившись съ большимъ затрудненіемъ черезъ разлившійся Тарынь-Уряхъ.

Край, которымъ я проѣзжалъ, хотя и безплодный, представлялъ однако красивыя мѣстоположенія, при множествѣ озеръ и дремучихъ лѣсовъ. Тунгусы посѣщаютъ его предпочтительно, находя здѣсь въ обиліи олений мохъ, бѣлку, лисицу и хорошую рыбу. Звѣроловной добычи достаточно для уплаты ясака и для покупки не только необходимыхъ, но отчасти даже и прихотныхъ вещей, за которыми ежегодно отправляются они лѣтомъ въ Охотскъ на ярмонку.

Разставаясь съ своимъ хозяиномъ, я купилъ у него оленя за весь остальной табакъ, который былъ со мною; я думалъ, мнѣ станетъ этого мяса до Охотска, потому что въ оленѣ было около четырехъ пудовъ. Сверхъ того я взялъ на дорогу полтора пуда ржаной муки, десять пудъ масла и сметаны, четверть телятины и мертвую лошадь для Якутовъ.

Рѣки до половины уже вскрылись, луга и долины начинало заливать водой, и по временамъ дождь лилъ какъ изъ ведра къ довершенію распутицы. Лошади едва находили себѣ корму; чтобы дать имъ отдыху, иногда надобно было идти пѣшкомъ. Горный переѣздъ былъ труденъ до крайности; наконецъ однажды вечеромъ спустились мы въ плодоносную равнину и остановились ночевать на берегу озера, откуда, говорятъ, въ одну сторону течетъ Охота, въ другую, противоположную, Куйдусунъ. Послѣдній, сливаясь на сѣверѣ съ Омеконью, образуетъ Индигирку, а Охота идетъ на югъ въ Восточный Океанъ или, точнѣе, въ заливъ его, называемый Охотскимъ Моремъ. Послѣ тягостнаго переѣзда достигли мы береговъ этой рѣки; острова ея осѣнены березами, ольхами, тополемъ и елью; разныя ягоды украшаютъ ихъ поверхность; вездѣ разстилаются превосходные луга. Такая картина казалась мнѣ восхитительной, но ледяныя закраины не оставляли еще береговъ рѣки, которая быстро катила свои шумныя волны.

Въ глуши повстрѣчали мы двухъ бѣлыхъ медвѣдей, идущихъ къ сѣверу; вѣроятно, обоюдный страхъ удержалъ насъ въ отдаленіи другъ отъ друга. Лошади наши могли отъѣсться на прибрежныхъ лугахъ, но

собственные наши припасы почти истощились. Дожди начались съизнова и быстро наполняли рѣки. Мы постились уже другой день, и, пробитые насквозь страшнымъ ливнемъ, сдѣлали еще верстъ 60, переправляясь въ бродъ или въ плавь чрезъ множество быстрыхъ рѣчекъ, образуемыхъ таяніемъ нагорныхъ снѣговъ и убывающихъ не прежде сентября мѣсяца, по минованіи дождливой погоды. Мы лишились одной лошади, которую стремленіемъ унесло въ Охоту; другія были развьючены и переправились на ту сторону. Тамъ стояла лодка, какъ нарочно приготовленная для насъ, но надобно было достать ее. Изо всѣхъ насъ только я одинъ умѣлъ плавать, но вода была такъ холодна, что мнѣ не хотѣлось на это рѣшиться. Наконецъ, вынужденный необходимостью, я опоясался ремнемъ и, поймавъ легкое бревешко, пустился поперекъ теченія. Рѣка была здѣсь не шире девяти саженъ; стремленіемъ отнесло меня саженъ на 40 внизъ; но Якуты, бѣжа по берегу почти въ одинаковомъ направленіи со мною, были готовы меня вытащить въ случаѣ нужды. Я благополучно достигъ другаго берега, сбросилъ съ себя платье въ тотъ же мигъ, и принялся бѣгать и ходить какъ можно шибче. Послѣ, когда я воротился къ своимъ спутникамъ съ прекрасною лодкой, они благодарили меня отъ всей души.

Терпѣливо прошли мы верстъ 20 пѣшкомъ внизъ по теченію и достигли лѣтнихъ рыбацкихъ шалашей, но къ сожалѣнію не нашли тамъ рыбы. Вечеръ былъ безподобный; вмѣсто того, чтобъ ужинать, мы занялись просушкою платья. Въ слѣдующіе дни мы безпрестанно переправлялись чрезъ разлившіяся рѣки,

пробирались по крутымъ дебристымъ горамъ, по болотамъ и понятымъ равнинамъ, гдѣ многочисленный валежникъ крайне затруднялъ намъ путь, и наконецъ по лѣсамъ, гдѣ мы находили только ягоду для пищи: въ теченіе трехъ сутокъ досталась одна куропатка на весь нашъ людъ. Порохъ, сберегаемый въ тряпицѣ, промокъ до такой степени, что никуда не годился. Оставались на черный день четыре жирныя лошади, но финансы мои не дозволяли предложить за нихъ плату, а даромъ мнѣ не хотѣлось подвергнуть Якутовъ такому пожертвованью. Я рѣшился предоставить это на ихъ волю, зная, что они не рѣшатся убить добрую лошадь прежде девятидневнаго поста.

Многочисленность островов, перенимающихъ Охоту, чрезвычайно ускоряетъ быстроту ея теченія, которымъ несло и крутило огромныя льдины и дерева. Надлежало снова переправиться черезъ рѣку, но, будь она и не такъ быстра, все казалось бы невозможнымъ взобраться съ лошадьми на крутизну противоположнаго берега, которая при случайномъ напорѣ льдинъ и пловучаго лѣса, порой становилась совершенно неприступною. Напрасно отыскивали мы брода. Наконецъ рѣшились нарубить бревенъ для плота, и къ половинѣ слѣдующаго дня онъ былъ готовъ. Погрузили на него небольшую кладь; я сталъ напереди, взявъ съ собою казака и Якута, а другой Якутъ остался съ лошадьми на берегу. Мы сдѣлали себѣ родъ веселъ для управленія плотомъ. Вдругъ понесло насъ съ такою быстротой, что товарищи мои встревожились, да и не даромъ: огромное дерево, ставшее поперекъ рѣки, заграждало дорогу; плотъ налетѣлъ на него и разбился

въ дребезги. Казака съ Якутомъ унесло на островокъ сажень пятьдесятъ ниже; я выплылъ туда за ними въ слѣдъ съ крайней опасностью.

Благодаря упорному труду, мы успѣли разобрать плотъ до солнечнаго заката; но нельзя было и подумать о спускѣ новаго въ темнотѣ. Я пошелъ къ краю острова, и вижу дерево, которое, упавъ съ берега рѣки, достаетъ верхушкой почти до половины узкаго рукава, отдѣляющаго островъ. Нельзя было переплыть промежутка по причинѣ страшной быстрины. Я сдѣлалъ родъ мостка изъ разобраннаго плота, и хотя съ величайшимъ трудомъ, однако жъ достигъ до дерева. Казакъ послѣдовалъ за мной; но для переправы Якута съ кладью надобно было превратить мостъ въ паромъ, и мы съ казакомъ притянули его къ себѣ на веревкахъ. Разумѣется, что при этомъ мы всѣ измокли; къ отсырѣвшему труту не было возможности присѣчь огня, и мы издрогли бы отъ холода въ теченіе ночи, еслибъ видъ лѣса не внушилъ намъ счастливую мысль. Якутъ нашъ зажегъ два бруска сухаго дерева треніемъ ихъ другъ объ друга. Но за опастностію замерзнуть слѣдовала другая — заживо сгорѣть: насъ окружала столь высокая трава и такія сухія деревья, что вскорѣ вспыхнулъ весь лѣсъ, и мы едва успѣли выбраться изъ пламени.

Но какъ-бы въ вознагражденіе за эти бѣды, яркое зарево было замѣчено Якутомъ, оставленнымъ на другомъ берегу съ лошадьми и бывшимъ только на три версты отъ насъ въ прямомъ направленіи, а по излучинамъ рѣки верстъ на пятнадцать. Предполагая насъ тамъ, гдѣ видѣнъ былъ огонь, онъ переплылъ

рѣку съ лошадьми, и подоспѣлъ къ намъ на помощь, не смотря на сопряженные съ тѣмъ труды и опасности. Нельзя было не благодарить его отъ души. Ночь употребили мы на просушку платья и на приготовленія къ дальнѣйшему странствованію.

На другой день, 18 іюня, съ разсвѣтомъ мы были уже на лошадяхъ. Пять сутокъ не ѣли мы ничего, кромѣ ягоды. Переправясь въ бродъ черезъ Рукаръ и проѣхавъ верстъ 40 по гористымъ и безплоднымъ мѣстамъ, мы вошли наконецъ въ жилище Якутскаго князька, стоявшее на одномъ изъ островов Охоты. Тоіонъ не былъ ни вѣжливъ, ни гостепріименъ; пришлось почти насильно выможжить у него конины; за то какой это былъ лакомый кусокъ, особенно въ соединеніи съ хлѣбомъ, котораго дали намъ матрозы и плотники, рубившіе лѣсъ для Охотской верфи.

Остатокъ пути совершилъ я на свѣжихъ лошадяхъ. Дорога шла сперва очаровательнымъ краемъ, похожимъ на прекрасный, безконечный паркъ; потомъ густой лѣсъ огромныхъ елей охватилъ ее своими косматыми вѣтвями. Дождь не переставалъ лить какъ изъ ведра. Хилая избушка едва укрыла меня отъ непогоды. На другой день, въ удовольствіе Якутамъ, которые просились пустить на траву лошадей, я ѣхалъ все берегомъ до стараго Охотска. Казенная лодка перевезла меня на другую сторону. Пріодѣвшись, я тотчасъ отправился къ начальнику порта, котораго очень изумилъ мой жалкій и тощій видъ. Лице у меня совсѣмъ измерзло; я не стригся и не брился пятнадцать мѣсяцевъ. Начальникъ, предувѣдомленный о моемъ намѣреніи быть въ Охотскѣ, давно ожидалъ ме-

ня; но, узнавъ объ отъѣздѣ моемъ изъ Якутска въ Колыму, давно считалъ за погибшаго.

Охотскъ лежитъ въ сѣверовосточной части залива, образуемаго устьями Охоты и Кухтуя. Городъ выстроили сначала у взморья, на низменной и песчаной косѣ, вправо отъ Охоты. Но съ одной стороны рѣка безпрестанно подмывала строеніе, съ другой море расширяло косу, набрасывая на нее хрящъ. Городъ перенесли на лѣвый берегъ Охоты. Населенія въ немъ около 2000 душъ. Близость превосходныхъ лѣсовъ внушила мысль учредить верфи, гдѣ строятъ красивыя и прочныя суда, для снабженія Камчатки съѣстными припасами. Такелажъ доставляется изъ Иркутска (Л. V—4).

За исключеніемъ морскихъ и гражданскихъ чиновъ, двухъ священниковъ и агентовъ Россійско-Американской компаніи, населеніе Охотска состоитъ изъ матрозовъ, судорабочихъ и казаковъ. Ссыльные заняты вываркою соли.

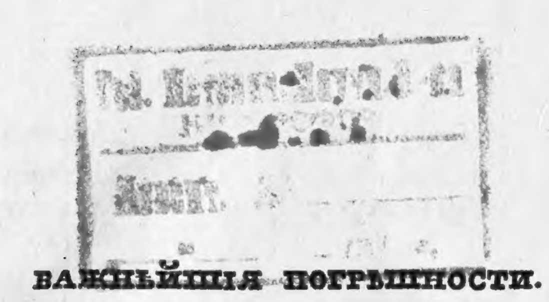
Говорятъ, что мѣсто это здоровое; но въ лазаретѣ всегда есть много больныхъ. На огородахъ растетъ нѣсколько посредственныхъ овощей. Впрочемъ весь край Охотскій можно назвать обширною пустыней, потому что на всемъ его пространствѣ, отъ береговъ Уды до Анадыря, едва ли наберется 4,000 душъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
8	1	престолъ?	престолъ.
10	19	крежа	кряжа
14	20	и, по отдѣлкѣ	и по отдѣлкѣ,
22	10	гранита	граната
29	20	деверень	деревень
30	11	разчищены	расчищены
—	26	счатію	счастію
34	24	дабу	даба
39	19	зоръ	соръ
—	20	зоровъ	соровъ
43	31–32	такъ называемаго Березовскаго протока	такъ называемой Березовской протоки
44	3	зоровъ	соровъ
—	4	протоковъ	протокъ
46	8	тѣсто	мѣсто
48	5	россомахъ	россомаха
73	21	еще	ему
74	17	поковйно	покойно
—	20	развѣтѣ	разсвѣтѣ
76	19	музыху	музыку
—	31	осетриной	осетровой
78	29	часовъ;	часовъ,
79	22	свему	всему
—	30	своихъ кумировъ	свои кумиры
84	24	догматы	догматы.
86	29	Въ теченіи	Въ теченіе
—	31	взходило	всходило
88	26	обыкновенность	Обыкновенность
—	27	оказывается	доказывается
89	16	па	на
93	22	паркъ	парка
—	24	россомаха	россомахи
94	8	совѣмъ	совсѣмъ
96	8	цредметовъ	предметовъ
—	14	подгору	подъ гору
—	23	въ теченіи	въ теченіе
98	13	съ Обдорскъ	въ Обдорскъ
107	19	выникаетъ	возникаетъ
108	2	Бураны	Бураны,
109	17	Гледена	Глядѣня
—	19	Гледена	Глядѣня
110	3	скотораго	котораго

Стр.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
110	21	вѣдѣніи	владѣніи
117	10	Грамматуха,	Грамматуха, или Громатуха,
121	16	съ рудою.	съ рудами.
122	2	судовщики	судовщики,
—	24	шагахъ	шаговъ
135	10	ошиблись	ошиблись
139	6	а пятеро	и пятеро
143	13	Холеунскій	Холсунскій
148	10	Когда я	Я
155	10	всюду выстроены	выстроены
158	1	монетой	монетой,
159	14	идоловъ,	идоловъ;
162	30	везигу	вязигу
166	10	въ теченіи	въ теченіе
177	7	топлева	топлива
180	14	и.	и,
182	5	селитряннаго	селитрянаго
191	1	корольками	коральками
—	9	у Киргизокъ и	у Киргизокъ, и
192	12	бизопасны	безопасны
—	25	Киргизы-магометане	Киргизы — магометане,
193	7	другимъ	другимъ
198	28	заведеніе	занятіе
199	14	корольки	корольки
205	1	Монгольскимъ	Монгольскимъ
—	24	Ачинскѣ	Ачинскѣ
210	22	уздцы	устцы
212	15	издали	изъ-дали
213	11	купеческихъ	купеческихъ,
214	16	въ домѣ	въ немъ
217	28	оканомъ	океаномъ
218	11	верстѣ	версты
2 0	28	доступныхъ	доступныхъ
224	12	по Руски	по-Русски;
230	18	Буряковъ.	Бурятовъ.
234	19	за плечами;	за плечьми;
235	19	трудности,	трудности
243	28–29	надалъ	падалъ
248	5	иска	иска?
249	20	стоитъ	стоитъ
261	12	переводчиковъ,	переводчиковъ:
279	16	мѣсяцъ	мѣсяцевъ
281	21	большимъ	большимъ